

Алексей Доброхотов

ПАДЕНИЕ В НЕБЕСА

или «ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО!»

Алексей Доброхотов

**Падение в небеса, или
«Все будет хорошо!»**

«Издательские решения»

Доброхотов А.

Падение в небеса, или «Все будет хорошо!» / А. Доброхотов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931311-9

Уважаемый читатель, герои этих историй разные, как образное и рассудочное мышление, и едины, как два полушария человеческого мозга. Они дополняют друг друга и создают целостное, объемное представление о человеке. Кто он? Откуда и зачем пришёл? В чём смысл его существования? Что есть любовь? На эти и другие вопросы дает свой ответ автор. Все персонажи книги являются фантазией автора. Любое совпадение с реальными людьми возможно только случайно.

ISBN 978-5-44-931311-9

© Доброхотов А.
© Издательские решения

Содержание

Неформатная литература	6
ПАДЕНИЕ В НЕБЕСА, или «ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО!»	7
Глава 1. Омут деревни Глядино	8
Глава 2. Восхождение в бездну	44
Глава 3. Дорогой гость	86
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Падение в небеса, или «Все будет хорошо!»

Алексей Доброхотов

© Алексей Доброхотов, 2018

ISBN 978-5-4493-1311-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Неформатная литература

*Абсолютная Истина в Мире
Не нуждается в альтернативе.
Но подобное предположение
Отрицает такое суждение.*

*Так, однажды, великий учитель,
Молвил братьям его окружавшим,
Удалившись скромно в обитель,
Ради Истины зубы отдавшим:*

*«В мире Истины нет Абсолютной».
Те спросили его осторожно:
«Эта Истина сиюминутна?
Абсолютной считать её можно?»*

*«Нет, конечно, – ответил учитель,
Улыбнувшийся им в утешенье, —
Твердой Истины рьяный хранитель
Разрушает свое же ученье».*

Алексей Доброхотов

ПАДЕНИЕ В НЕБЕСА, или «ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО!»

Санкт-Петербург

2017 год

Уважаемый читатель, вы держите в руках не одну книгу, а две вместо одной. Это две разные истории, рассказанные одним автором и соединенные здесь. Их объединяет не только автор и общий переплет, но и общий замысел. Это две половины одного целого, внешне соединенные небольшим персонажем, порожденным героями одного сюжета и определившим развитие героев другого. Это два разных взгляда на жизнь, два выбора пути, два подхода к самореализации, два мировоззрения. Герои этих историй такие же разные, как образное и рассудочное мышление; но они едины, как два полушария человеческого мозга. Несмотря на свою различность, они дополняют друг друга и создают единое, целостное, объемное представление о человеке, о том мире, в каком он сегодня живёт, о тех силах, что сегодня им управляют, вернее, манипулируют его сознанием, и о том предназначении, какое на самом деле несёт в себе человек. Кто он? Откуда и зачем пришёл? В чём смысл его существования? Откуда он может получить силу? На кого может рассчитывать? Что есть любовь? На эти и другие не менее важные вопросы внимательный и терпеливый читатель получит от автора книги чёткие и ясные ответы.

Все персонажи книги являются фантазией автора. Любое совпадение с реальными людьми возможно только случайно. Но их пример другим наука.

Глава 1. Омут деревни Глядино

Сирена электрички пронзила тишину маленькой пригородной станции. «Кы-ы-ышь», – прокатилось по пустынной платформе. «Кы-ы-ышь» – увязло стене пушистых зарослей ивы. «Лечу-у-у», – радостно прокричал поезд и обдал две одиноко стоящие на платформе фигуры клубами мелкой, горьковатой пыли. Они тоскливо посмотрели вслед стремительно убегающему составу, и одна, очень маленького роста, сильно напоминающая упитанного мальчонку, одетого на вырост в мешковатую курточку желтого цвета, погрозила ему кулачком.

– Третья уже, – грустно заметила вторая фигура, горой нависающая над первой, облаченная в темно-синий шерстяной спортивный костюм с эмблемой футбольного клуба «Динамо», державшая в руках две пухлые полосатые, брезентовые сумки, похожие на те, в каких челночники возят свои товары.

– Я, тебе, говорил, Коля, что, ты – дурак, – грубо срезал его малыш, при ближайшем рассмотрении явивший собой молодого, вполне сложившегося человечка с пушистым кустиком пшеничных усиков обрамляющих под розовым курносым носиком ещё по детски пухлую губку, – Что, здорово получилось?

– Кто дурак? Я дурак! Да, ты, сам – дурак! – резко возразил ему большой, симпатичный молодой человек, про каких обычно говорят «кровь с молоком», встряхивая длинными, черными кудрями, густо покрывавшими его круглую, большую голову.

– Вот, погляди, ещё одна мимо прошла, – ткнул коротышка пальчиком вдаль, – Можно подумать, что это из-за меня мы тут оказались. Когда, вот, теперь, мы отсюда уедем? Ни кассы, ни расписания, ни одного человеческого дома нигде не видно. Один лес кругом. А всё почему? – заходил он вокруг того, кого назвал Колей, – Всё потому, что у тебя в голове каша.

– Это у меня каша? Это у тебя каша! – бросил на платформу полосатые сумки рослый парень и эмоционально всплеснул руками, – На себя посмотри! Учить он меня будет! Сам бы понимал что-нибудь!

– Сам-то я понимаю, – категорично заявил малыш, остановился и воткнул ручки в бока, – Потому и учу, тебя, раздолбая. Кто вместо билетов мороженное купил?

– Так, мы бежали, опаздывали. Сам видел, какая там была очередь в кассу. Не успели бы. Жарко было. И денег в обрез. Или билеты, или мороженное. Я решил, что мороженное лучше. Сам просил. Сам трескал, – хлопнул верзила круглыми глазами.

– Когда это я у тебя чего просил?

– Ну, не просил. Так, сказал, что не плохо оно бы было. Потому, жарко. Тебя же хотел порадовать. Думал, не пойдут сегодня. Никогда ж не ходили.

– Спасибо, тебе, мыслитель. Порадовал. Здорово получилось? Контролеру, зачем хамил? – нахмурил брови маленький воспитатель.

– Ничего не хамил. Сказал только, что денег нет, – возразил парень.

– Это у нас нет? Ты, вообще, думаешь, когда говоришь? У торговца товаром – денег нет! Уржаться можно! – взмахнул собеседник маленькими ручками, – Вот он теперь едет и ржет над нами. Наверняка знал, где нас высаживает.

– Ты, сам тоже хорош. Вмешаться не мог? – выкинул Коля последний козырь.

– Вмешаться? Ты, вообще, помнишь, как, ты, с ними сцепился? – взвизгнул малыш, – Где мне тут было вмешиваться! Три остановки с ними ругался! Нас, считай, пол вагона после этого ссаживало. Хорошо милиции рядом не оказалось. Знаешь, где бы мы сейчас с тобой куковали? Это нам ещё повезло, что так вышло. В следующий раз фильтруй свой базар и шеруди рогами.

– Ладно, тебе, Палюля. Ничего страшного не произошло. На следующей уедем. С кем не бывает? – примирительно улыбнулся Коля.

– С тем не бывает, кто мозгой обладает, – зло бросил коротышка, – Кто не накачивает свои бицепсы в спортивном зале, не бегают по девчонкам, а занимается делом. Понимаешь меня? Де-лом. Это, во-первых. А во-вторых, я, тебе, говорил, чтобы, ты, больше никогда меня так не называл? – вскинул нахмуренное личико на своего рослого напарника, – Говорил?! Так вот, повторяю ещё раз: никогда не называй меня так! Понял? Мы с тобой уже давно не в школе. Три года прошло. Хватит без конца повторять эту дурацкую кликуху.

– Да, ладно, тебе. Что тут такого? Тут же нет никого. Никто не услышит, – заметил верзила, всем своим видом выражая досаду не то по поводу долгого словесного выговора, не то в виду очередного неудачного выхода к поезду не пожелавшему остановиться. На его приятном, располагающем лице даже образовалось нечто подобное хмурой тучки, от чего оно ещё более округлилось и порозовело, что, видимо, являло значительную степень смущения.

– Услышит, не услышит: какое это имеет значение? Сказано, тебе: не называй, значит – не называй. Нигде. Никогда. Запомнил? Для всех я – Дмитрий Кириллович. Это же так просто. Дмитрий Кириллович. Понятно тебе? – решительно скрестил на груди ручки маленький человечек.

– Ну, ладно, ладно. Кирилыч, так Кирилыч. Не хочешь, не буду. Называйся, как хочешь. Хоть Карлсоном, – хмыкнул парень и, посчитав на этом инцидент исчерпанным, поднял тяжёлые сумки и потянул их обратно к одиноко стоящей скамейке, откуда совсем недавно, судя по всему, их взял при приближении электрички, – Только, кто будет, тебя, так называть? – вдруг, остановился, застигнутый врасплох этой внезапно посетившей его мыслью, – Ты, на себя посмотри, – обернулся на коротышку, – Какой, нафиг, из тебя Дмитрий Кириллович? Нет, конечно, ты, можешь, называть себя так. Называйся, как хочешь, если тебе это нравится. Только, другие, думаю, не сильно захотят поддерживать эту твою... как её... – нахмурился, отыскивая в голове нужное слово, – Инициативу, – обрадовался, отыскав, и поставил сумки на доски сомнительной чистоты, истерзанные вниманием скучающих пассажиров, оставивших на них острыми предметами всевозможные отметины своего томительного ожидания.

– Если, ты, будешь, то и остальные будут, – чуть ли не топнул ножкой Дмитрий Кириллович.

– Да? Ты, так думаешь? – присел Коля, нагнулся, бережно обмахнул широкой ладонью рыжую пыль с носков белоснежных кроссовок фирмы «Адидас», совершенно не гармонировавших своей новизной со старым, потрепанным спортивным костюмом отеческого производства.

* * *

– Все прекрасно понимают, что дело совсем не в росте, – подошёл к скамейке Дмитрий Кириллович, пригладив ручонками на голове свои зализанные, давно не стриженные волосёнки такого же пшеничного цвета, как и усики под носом, – Мы уже давно вышли из первобытного общества. Это тогда рост имел большое значение, поскольку определял ценность охотника. Теперь времена другие. И люди стали другими.

– Как же, другими, – тряхнул парень своими черными кудрями.

– Да, другими, – сжал кулачок маленький человечек, – Теперь знания определяют степень значимости человека. Знания, а не физическая сила. Я тебе уже говорил об этом. Помнишь? Моя теория развития информационного, постиндустриального общества? Она как раз и показывает резкое смещение вектора развития в область информационной сферы. Сила человека определяется не мускулами, и не количеством накопленных денег. Она определяется объемом освоенной информации. Не просто освоенной, а вобранной в себя, осмысленной, преломлённой через сознание. Потому что информация – это не сведения, вычитанные из книг. Информация – это закодированная энергия, выраженная символами, фразами, цифрами, образами.

Раскрытие этой кодировки и дает человеку ту самую силу, которая наделяет его способностью управлять материальным миром. Вот почему знание – это сила.

– Ага. Ну, давай, двигай скамейку буквами, – усмехнулся Коля, расстегнул боковой карман ближайшей сумки и достал из него складной ножик.

– Не буквами. Ты, опять ничего не понял. А силой, заключенной в буквах энергии. Вернее, не заключенной, а закодированной ими, потому, что за каждым буквенным символом, скрывается энергия, которая находится в определенном состоянии, – вещал коротышка, в то время как его товарищ неспешно раскрыл лезвие и стал резать под собой деревянную доску скамейки, – И задачей сознания является постичь это состояние энергии, проникнуть в него, войти с ним в резонанс и дальше управлять ею. То есть использовать эту энергию соответственно своей воли. Поэтому вопрос информационного, постиндустриального общества как раз и заключается в том, чтобы понять: как раскодировать эту энергию и как дальше ею пользоваться. Понял?

– Ну, ты, меня совсем задолбал этой своей теорией. Если, ты, такой умный, то почему, ты, такой бедный? – неопределенно пожал плечами собеседник.

– Я вовсе не бедный, – возразил малыш.

– Ага. Ты – богатый. Сопли подотри, богатый.

– У нас с тобой разное представление о том, что такое богатство, и что такое бедность. Ты считаешь, что богатым является тот, у кого много денег. Я считаю, что богатым является тот, кто много знает. А тот, у кого много денег, всего лишь деньгатый, а не богатый, потому, что до богатства, ему так же далеко, как до солнца.

– Ага, видел я твоих богатых в рваных штанах и застиранных кофтах. Насмотрелся. Все десять лет метали перед нами своё богатство. Обогадили на все сто. Смотри, как богато мы зажили, – старательно кромсал парень лезвием доску.

– Кто сумел, тот обогатился. Кто не сумел, – остался нищим. Просто это понимать надо. Хотя это очень простые вещи. Но почему-то именно простые вещи осознаются труднее всего. Люди вообще думать не любят, – заметил рассудительный человечек, вскарабкиваясь на скамейку, – Им всегда нужен кто-то, кто будет за них думать, кто первым им скажет: посмотрите, да это же солнце! И все сразу подхватят: конечно, и как мы раньше этого не замечали! Только, вот, замечать это они не собирались. Думать – это вообще роскошь, доступная единицам. Большинство людей живут себе, день за днём и предпочитают, чтобы за них думали другие. Так жить гораздо удобней. Делай, что велено, и спи спокойно. Им главное сказать: вот это завтра будет вот так-то. Они даже спорить не станут. Примут к исполнению и всё. И будет это вот так-то, как им было сказано. Только сказать им это нужно уверенно, твердо, как само собой разумеющееся. Как окончательное решение. Понятно?

– К чему это, ты? – почесал Коля небитую щеку, явно изнывая от обрушившегося на него словесного потока.

– Да всё к тому же. К правильному обращению. Что? Скажешь, не так? – пристроился рядом коротышка, – Скажешь, Палюля – это правильное ко мне обращение? Да, я ростом не вышел. Я – маленький. Такой вот получился. Но я в этом не виноват. И я не Палюля. Я – человек. Пусть и маленького роста. Я – Дмитрий Кириллович.

– Ладно, сказал же, – окончательно согласился с ним рослый товарищ.

– Я знаю, что для меня ещё не всё потеряно. Люди до тридцати лет растут. Медицинский факт, – вздохнул человечек, – Только денег на это требуется много. Препараты дорого стоят. Я узнавал. А откуда их взять? У нас денег этих никогда не было. Стал бы я иначе по электричкам таскаться. Думаешь, мне очень приятно обезьянку из себя разыгрывать? Но я понимаю, что так выручка больше. Что, таким, вот, образом, привлекается внимание покупателей. Преодолевается установка на отторжение продавца. Всё я прекрасно понимаю.

– Тебя подлечим, меня подучим, – примирительно заключил парень, сдувая деревянную стружку, – Всё будет у нас хорошо. Это же я так... не про себя говорил. Про других. Про то, что они этого не понимают. Я-то тебя знаю. А вот они... – глубокомысленно нахмурил брови, пытаясь сформулировать окончание своей мысли. Но не сумел. Однако на его упитанном, розовом лице задумчивое выражение задержалось ненадолго. Оно, видимо, вообще не привыкло там надолго задерживаться. Налетело, как легкое облачко и растворилось в голубоглазом душевном умиротворении. В конце концов, и так все понятно. К чему слова? – Во, погляди, что получилось, – указал на результат своего труда, – «Тут торчал Коля», – зачитал вырезанную ножом надпись, – Отомстил гадам и след на земле оставил.

– Историческая надпись, – оценил Дмитрий Кириллович, – Что у нас там есть пожрать?

* * *

– Печенье, – ткнул Коля локтем свои полновесные сумки, явно обрадовавшись развороту разговора в привычную для него сторону, – Хочешь?

– И только?! Бутербродов не мог взять! – воскликнул малыш, – Знал же что на весь день едем! Это же так элементарно: позаботиться о тех, кто находится рядом! Заварить крепкого чайку с лимончиком, нарезать колбаски, ветчинки, сыра, в конце концов. Неужели это было так сложно сделать!?

– Я тебе что, мамка!? – возмутился, вдруг, рослый товарищ на новый поток упреков, – Я, тебе, носи, я, тебе, корми, я, тебе, сопли вытирай! И всё я? А, ты, сам что?

– Нет. Ты, мне не мамка. Ты, мне гораздо больше, чем мамка. Ты – мне друг, – развернул к нему коротышка свое светлое личико, – Потому так и говорю. Потому так часто и повторяю: нужно серьезнее относиться к делу. Не ножиком доски резать, а башкой, как следует, думать. Думаешь, это так просто, взять и заработать миллион? Самому? Без ничего? Другим хотя бы родители помочь могут. А нам кто? У меня мать с грошовой зарплатой, а у тебя отец на вольных хлебах. Мы с тобой можем рассчитывать только на себя. На мою голову и твои ноги. Пора нам взять от этого государства всё, что оно у нас забрало за эти семьдесят лет. Это даже благородно вернуть обратно своё утраченное. Хватит шастать по спортзалам и дискотекам. Хватит покупать мороженное вместо билетов. Хватит швырять деньги на дурацкую дорогую обувь. Пора забыть про всякие удовольствия. Как минимум на год. До тех пор пока не заработаем миллион. Понял? Ладно. Давай. Печенье жрать будем, если жрать больше нечего.

Коротышка расстегнул курточку, достал из нагрудного кармашка клетчатой, фланелиевой рубашки белый, носовой платочек и заложил его под воротничок. Его напарник после неприятно прозвучавших слов снова как-то насупился, но ненадолго, а ровно на то время, какое потребовалось для того, чтобы неспешно раскрыть одну из больших сумок и извлечь из неё несколько упаковок фабричной выпечки разного сорта.

– Тебе какое? – поинтересовался он.

– То, что дешевле, – указал малыш, – Не жрать мы сюда приехали.

– Понятное дело, – протянул ему Коля сдобное.

– Нет, – отмахнулся Дмитрий Кириллович, – Себе это возьми. Мне дай вон то, шоколадное. Я его лучше попробую. Надо знать, чем мы с тобой тут торгуем. Хотя, следует заметить, что больше сидим, чем торгуем.

– Да, ладно, тебе! Прямо зануда такой. Проехали уже, – заметил парень.

– Вот именно, что проехали, – откусил малыш тонкий край шоколадной выпечки, – Что там у нас есть запить?

– Кола. В банках, – раскрыл свою дешевую пачку собеседник.

– Сладко очень. Ладно. Давай Колу. Будем растворять печенье в желудке, – согласился коротышка, – Я для чего тебе всё это говорю? – отхлебнул изрядно из алюминиевой баночки, –

Только для того, чтобы, ты, понял, что миллион, просто так, с неба не падает. Его, прежде всего, башкой заработать надо, а не ногами. Но и это не главное.

– А что, по-твоему, главное? – покачал рослый товарищ дорогой кроссовкой, любуясь на неё со стороны, словно говоря: смотри, как ладно сидит. Вот это вещь!

– Главное: это суметь его удержать, – провозгласил Дмитрий Кириллович, – Не просто удержать, а приумножить, пустить в рост, так, чтобы он приносил новые доходы. Регулярно приносил. Так, как это положено капиталу. Понимаешь? Нормально работающему капиталу. Помнишь, ещё Гоголь писал во втором томе своих «Мертвых душ», что трудно бывает зарабатывать только первую копеечку. А потом, когда, ты, её уже заработал, когда набрал свой миллион, то это уже совсем не трудно. Помнишь?

Спортивный парень неопределенно пожал плечами. Но по его выражению лица не составляло большого труда догадаться, что он совсем этого не помнил, потому как, вряд ли в своём усердии дошёл дальше третьей страницы первого тома. В лучшем случае ограничился краткой аннотацией из школьного учебника или просмотрел одноименный мультипликационный фильм о походе некоего Чичикова. А там, как известно, об этом не упоминалось.

– Так вот, если не помнишь, то я напому, – продолжил рассудительный напарник, – Гоголь во втором томе писал о том, что легко зарабатывать деньги тому, кто, набирая первый свой миллион, одновременно с ним набрался ума под стать этому миллиону. Кто возрос над собой вместе с этим миллионом. Кто научился управлять им. А управлять им не просто. Потому как возможностей у тебя появляется слишком много. Потому как, чем выше, ты, забираешься, тем этих возможностей становится больше. Но эти возможности ещё нужно понимать. Различать. Но, что наиболее важно, себя ограничивать. Но, более всего, управлять теми обстоятельствами, при которых возможности эти перед тобой открываются. Чем выше, ты, забираешься, тем эти обстоятельства жестче. Тем ответственность твоя выше. Это только кажется, что конкуренция там слабже. Там условия, Коля, другие. Там уже правила другие работают. Не те, что внизу. Правила больших чисел. Их понимать надо. Этому учиться надо. Это тебе не печеньем торговать. Печеньем торговать хоть и тяжело, но просто. А там будет, хоть и просто, но тяжело. Об этом Гоголь и писал. И если, ты, сейчас со своим грошовым мышлением хапнешь, вдруг, миллион, то надолго он у тебя не задержится. В лучшем случае это будет только денежная сумма, а не капитал. Ты быстро её просадишь, спустишь на «нет». Потому как не сумеешь правильно ею распорядиться. Не знаешь ещё, что это такое, и каково бывает обладать такой суммой. Поэтому я и говорю, что вместе с первой копеечкой, надо ещё и мозги наращивать. Учиться надо. Учиться, для того, чтобы стать богатым. Богатым, а не деньгатым.

– Слушай, жуй, ты, свое печенье. Оставь, ты, меня в покое. Вот прицепился. Тебе надо, ты, и учись. А я лучше сумки поношу. Сам знаешь, не лезет в меня эта твоя наука. Скучно мне от неё. Спать хочется. Вот если бы таблетку такую изобрели, чтобы съел и сразу всё знаешь, тогда другое дело. Такую, я бы купил. А так...

– Болван, ты, Коля, – заключил маленький собеседник.

* * *

В конце платформы появился мужик неопределенных лет. Судя по расслабленному состоянию, местный, бездельно убивающий время шатанием по окрестностям. Он с любопытством посмотрел на две странные фигуры, торчащие возле скамейки, и медленно направился в их сторону, слегка пришаркивая стоптанными кирзовыми, строительными башмаками по выщербленному, асфальтовому покрытию.

Поравнявшись с незадачливыми пассажирами, он, как бы невзначай, заметил:

– Баночку не выбрасывайте.

Фраза адресовалась большому, одетому в синий, спортивный костюм, и предполагала, чтобы тот проследил за своим мальчиком, шумно посасывающим «Кока-колу», а то тот метнет её в густые кусты, так после неналазаешься, доставая.

– Ага. Не выберем. Нам банки не жалко, – живо отреагировал большой – Печенье купи. Банка – бонус.

– Купишек нема, – явил местный щербатую ухмылку на небритом, сером лице.

Запустив руку в оттопыренный карман промасленной телогрейки, он извлек на свет замятую папироску.

– Прикурить не найдется?

– Не курим, – приветливо улыбнулся рослый парень и потянулся к ближайшей сумке, – Но могу предложить импортную зажигалку. Не дорого. Газовую. Есть одноразовая по десять рублей. Есть фирменная с баллончиком газа в придачу по пятьдесят. Совсем не дорого. Вечная вещь. Останетесь довольны. Берём?

– Я б взял, – прищурил мужик глаз, – Покаж, – приблизился с папироской.

– Денег у него нет, – бросил малыш, и рука торговца тут же обмякла.

– На что нет, а на что, может, и будет, – загадочно протянул незнакомец, с удивлением обозревая странного усатого недомерка, встрявшего в разговор двух взрослых.

– А ты, дядя, не удивляйся. Вообще-то, это я тут решаю, кому что продать и за сколько, – решительно произнёс недоросток, ломая клиенту линию поведения.

– О, как? – снова удивился тот, поняв, что его хитрость, пожалуй, не пройдет, – Так, может, так, огоньком угостите, по доброте душевной?

– А что так? Работать не хочется? – несколько свысока поинтересовался похожий на карлика человечек.

– Так негде. Был цех, так и тот закрыли, – поделился местный своим, наболевшим, с нескрываемым любопытством рассматривая диковинного собеседника, – Перестройка, итить твою мать, – уточнил досадные обстоятельства своей жизни.

– Ладно. Держи, – протянул ему малёк пустую металлическую банку, явно неудобно чувствуя себя под пристальным его взглядом, – Паровоз скоро будет на Питер?

– Так, вечером, – мужик принял дар и тут же спрятал его в глубине большого оттопыренного кармана, – Что-то вы раненко пришли, – прищурил хитрый глаз, – До него почитай часов пять будет. Он у нас тут только два раза останавливается. Утром в десять и, аккурат в шесть.

– Во, влипли... – протянул высокий парень в синем спортивном костюме и странных, белых тапках.

– Не желаете? – предложил коротышка шоколадную печенюшку любопытному аборигену, достав её из открытой пачки, стоявшей рядом с ним на скамейке, видимо, больше из желания поскорее от него откупиться, чем проявляя радушие.

– Благодарствую, – принял тот угощение, пряча его в другой не менее ёмкий карман, – Сам сладкое не ем, – улыбнулся, снова явив щербатый рот с гнилыми зубами, – Дочки любят.

– А почему касса тут не работает? Билетов купить негде, – перешел в наступление человечек маленького роста.

– Так закрыли. Сокращение им вышло. Ездить-то некому. Так оно и ничего. В вагоне потом купите. У контролеров. Скажите, мол, тут сели. Они знают. Все так говорят. Даже те, что раньше садятся... Хе-хе... Сразу вам выпишут. К нам-то чего пожаловали? Приехали к кому или так местами нашими интересуетесь? – присел мужик на краешек скамейки, явно располагая временем для долгой беседы и, продолжая вопросительно вертеть в руке мятую папиросу.

– Так интересуемся, – буркнул малыш, – Места у вас тихие. Вот, думаем, дачу купить.

– Дай, ты, ему прикурить. Не пообедем, – заметил спортивного вида парень.

Гномик в мешковатой курточке отодвинул в сторону пачку печенья, встал ножками на скамейку, расстегнул ближайшую к нему сумку, чуть ли по пояс погрузился в неё и зашуршал полиэтиленовыми пакетиками.

– Нафига, ты, тут всё перерыл. У меня же всё было разложено, – проворчал и вскоре извлек одноразовую пластмассовую зажигалку, – На, – протянул мужику.

– Благодарствую, – принял тот и прикурил, – Меня, кстати, Ваня зовут, – протянул парням нечистую, лопатообразную, растопыренную ладонь.

– Коля, – брезгливо шлепнул по ней большой, – Николай, – уточнил.

– Дима, – осторожно подал ручонку маленький, – Дмитрий Кириллович, – тут же поправился.

Местный весьма деликатно объял его кисть своей теплой пятерней и выдал вместе с густым облаком едкого, табачного дыма:

– Не советую тут ничего покупать.

– Это почему же? – неприятно скривился Дмитрий Кириллович, чуть не чихая.

– Потому как, потом пожалеть можете. Да, поздно будет. Продать-то вам всякий продаст. Пустых домов много. Только покупателей нет. Места гиблые, – снова пыхнул Иван своей папироской, – Сгнуло всё. Даже магазин скоро закроют. А тут ещё Ящер.

– Карантин, что ли? – уточнил маленький собеседник.

– Обыкновенный. Двухметровый, – почти выругался мужик.

– В смысле такой болезни скота? – поправил его коротышка.

– В смысле такой скотины размерами вон с эту иву, – кивнул головой местный на густой куст, растущий по другую сторону железнодорожного пути, – Завелась сволочь. Людей жрёт. А ведь кто-то его кормит. Прикрывает. Скоро всех нафиг тут пожрёт.

– Ври больше, – усмехнулся Коля.

– Сам видел. Вот как тебя, – заявил мужик с таким видом, словно речь шла о чём-то совершенно обыкновенном, можно сказать, повседневным, что случается с каждым и потому совершенно не нуждается в каких-либо доказательствах.

Возникла некоторая, неудобная пауза.

– И как это понимать? – осторожно поинтересовался Дмитрий Кириллович.

– Так и понимать, – глубокомысленно заметил Иван, пыхнув в последний раз остатками папиросы, – У вас закурить будет? А то вот, мои, кончились, – отшелкнул от себя на железнодорожный путь дымящийся окурочок.

Недвусмысленный намек на условия прояснения ситуации парни восприняли правильно и потому, выдали рассказчику три дешёвые сигареты отечественного производства.

– Ну, так, ну, так, – оценил мужик подношение, раскуривая одну из них, а две другие, опуская в свой бездонный карман, – Благодарствую. Ну, так вот... Магазин у нас плохо работает. Не каждый день открывается. Совсем мы тут лебедой заросли. Никакой культуры не осталось. Но это дело десятое. Беда в том, что Ящера этого никто больше не видел. Один я. А то бы тут сейчас было...

– Ты, дядя, не тани. По существу рассказывай, – поторопил его коротышка.

– Я не тяну, – возразил тот, – Вот, ты, почему такой маленький? Не вырос, что ли? С виду, вроде, как карлик. А не карлик. Лилипут, что ли?

– Ага, лилипут, лилипут, – кивнул головой Дмитрий Кириллович, – Ещё пигмеем назови. Дальше, давай, про ящера. Где видели его? При каких обстоятельствах?

– Вот, я и гляжу, что, ты, вроде как, лилипут, – продолжил мужик, – Но кому расскажи, не поверят. Хотя чему тут не верить. Вот он, ты, сидишь рядом. Очевидно, и понятно. Но ведь расскажу, не поверят. Скажут, опять вру. Так и тут. Ещё дашь? – указал на раскрытую пачку шоколадного печенья, стоящую на скамейке.

– Да, забирай всё, – великодушно махнул рукой человек.

– Благодарствую, – тут же сгрёб её в карман абориген, – Так вот. Решили мы с Саньком, приятелем моим, самогон толкнуть. На рынок. Надо же с чего-то разжиться. Повезли его, на рынок, в район. У Санька мотоцикл есть, с коляской. «Урал» называется. Ещё с тех пор ходит. Хорошая вещь. Советская, крепкая. Жалько только запчасти к нему теперь доставать сложно. Но если ездит, то нет ему сноса. Так вот. Приехали на рынок, а там облава. Менты черных косят. Что делать? Не везти же обратно. Остановились мы с ним в одном месте, недалеко от деревни. Мотоцикл в кусты закатили, чтоб с дороги не видно было, а сами на пригорок взобрались. Чтоб потеплее, повыше. Расположились, выпили. Все чин, по чину. Под закусь. Сальцы там у нас было, лучка, хлеба. Денек теплый выдался. Тихий. Ну, мы тут с ним и прикорнули под деревцем, в тенечке. Спим. А я, надо сказать, сплю чутко. Слышу, машина на дороге остановилась. Дверцы хлопнули. Открываю глаза – темнеет. Солнце за горизонт садиться. Стало быть, часа три проспали. Поднимаю голову, и вижу: идут в нашу сторону два мужика и ведут две тёлки. Но к нам, наверх, подниматься не стали. Двинулись в обход пригорка. Мужики здоровые такие, все в чёрном. А тёлки, как эти, что по телевизору ходят – длинные, тощие, ноги от ушей, как говориться, доски досками. Во, думаю, сейчас жахать будут, в кусточках. Смотрю, а они обошли пригорок, и в грот тёлок заводят. С другой стороны от дороги в пригорке этом грот имеется. Небольшой. Каменный. Высота метра четыре будет, а глубиной – все тридцать. Откуда он там, не знаю. Знаю, что он там всегда был. Так себе грот, пустой, ничего примечательного. В нем, если на что и можно расположиться, так только, если по нужде сильно припрёт. И то, надо сказать, неудобно. Темно, сыро и присесть толком негде. Одни камни торчат во все стороны. «И чего им там надо?» – думаю. Вот что-то, а жахаться там совсем неудобно. Но эти ничего. Вошли. «Не иначе как по нужде пошли всей компанией?» – думаю. Минут пять они там побыли. Не больше. И вышли. Одни мужики. Без тёлок. Постояли немного у входа, покурили, потом к машине вернулись, сели и уехали. «Во, – думаю, – Не иначе там тёлок своих грохнули». Спускаюсь, заглядываю внутрь осторожно. «Есть кто?» – спрашиваю. Тишина в ответ. Даже жутко мне стало. Достал спички, подсветил. Никого. Пол коробка исчиркал, до самого конца грота дошёл, никого не нашёл. Пусто. Нет тёлок. Пропали. Только на земле, в расщелинке сумочку нашёл. Белую такую, дамскую. Я её ещё тогда с пригорка заметил. У одной из тёлок. Маленькая, такая белая сумочка. В руке несла. Сумочка, гляжу, есть, а тёлок нет. Выскочил я из грота, растолкал Санька, рассказал ему, что видел, пошли мы с ним вместе. У него в коляске фонарик имелся. Весь грот облазали, никого не нашли.

– Куда же они могли деться? И причем тут ящер? – усмехнулся Коля, доставая вторую баночку Коля из большой полосатой сумки.

– Баночку не выбрасывай, – тут же заметил Иван, закуривая вторую сигарету, – Ящера, я после уже встретил. А тогда, первым делом мы с Саньком к участковому завалились. К Михалычу. Михалыч у нас мужик тёртый, понятливый. Давно служит, повидал всякого. Долго судить-рядить не стал. С нами на мотоцикл, и к гроту. Облазал все, обнюхал и говорит: «Никуда они отсюда даться не могли. Показалось тебе с пьяну». Я ему сумочку. Он её вытряхнул. Пальцами всякие женские финтифлюшки покрутил и про деньги у меня спрашивает. «Деньги там были?» Деньги-то там были. Немного. Для нас – в самый раз. Я их предусмотрительно прибрал до этого. Но ему говорю: «Не знаю. Не видел. Всё как было, всё тут». Он мне, конечно, не поверил, но как возразить? Отыскал пропуск какой-то на эту бабу выписанный. «Ладно, – говорит, – Проверю, кто такая». На том и разошлись. Мы с Саньком к магазину, отовариться, потому, как это уже всё на второй день было, и магазин открылся, а он в район поехал, узнавать про эту бабу, что с ней, да как. Так вот, на утро дня следующего, как раз когда у нас с Саньком уже всё кончилось, является к нам Михалыч и говорит: «Забудь, Ваня, про бабу. Не было её. Понял?» «Это почему?» – спрашиваю. «Забудь, и всё», – отвечает он. «Как же это понимать? – удивляюсь я, – Я же её и вторую, которая была с ней, своими глазами видел!» «Не видел, ты, никого, – говорит он, – Причудилось тебе. Понял?» «А сумка? Сумка, откуда?» – не унимаюсь

я. «Нет никакой сумки. И никогда не было, – отвечает он, – Потому как, пришли, и забрали твою сумку. Понял?». «Кто это забрал?» – удивляюсь я. «Кто надо, тот и забрал, – начинает он злиться, – Ты, тупой, что ли? Сказано тебе, ничего не было. Значит, не было. И если, ты, ещё хоть раз выкнешь мне что-нибудь про это дело, то – в морду получишь». И кулаком прямо возле моего носа основательно так повозил. Во так-то.

Иван нервно затаился и выдохнул из себя густое, белое облако глубокого своего разочарования. Отбросил на пути очередной окурков и достал последнюю сигарету.

– И чем всё это закончилось? – поинтересовался Дмитрий Кириллович.

– Тем и закончилось, – продолжил рассказчик, закуривая, – Все надо мной посмеялись. Выставил меня Михалыч идиотом. Типа, я пьяный, невесть, что несу, а ему за меня расхлебывай. И, главное, все его поддержали. Даже Санек. Сволочь. Но я этого так просто не оставил. Кем-кем, а дураком никогда не был. Взял я свою рыбацкую плащ-палатку, продуктов дня на три и устроился в засаду возле этого грота. Сидел, сидел и на третью ночь, когда уже всё выпил и съел, заели меня комары вусмерть. Погода к тому времени испортилась. Давление упало. Дождик пошёл. Ветерок холодный поднялся. Ну, прямо северный такой, холодный. Решил я в гроте укрыться. Тем более, что в такую погоду, вряд ли кто захочет по лесу гулять. Зашёл осторожно, просветил фонариком, и пристроился на камушек возле стены. Закутался я в накидку, пригрелся, сижу и тут чувствую камень подо мной поехал. Стал он меня в себя как бы втягивать. Я словно погрузился в него, как в масло. Прямо спиной вперед. Вскочил на ноги, развернулся и обомлел. Передо мной Ящер стоит. Огромный такой, двухметровый. Башка острая, треугольная. Вот как, если ящерицу увеличить, так вот он такой, вот, и будет. На задних ногах стоял, как кенгуру. А они у него тонкие такие, длинные. Передние, на наши руки похожи, только пальцы длиннее. Он их ко мне потянул. Глаза у него овальные такие, с черными щелками, будто даже, как покраснели. Не ожидал он, видно, меня встретить. Думал, опять бабу ему привезли. Потому и промедлил меня схватить. Но я это только потом понял. А тогда, как увидел его перед собой, так, такого дал дёру, что моментально проскочил сквозь камень обратно, в грот, пока камень этот снова не затвердел, и пулей домчался до дома. Прибежал, схватил ружье, зарядил оба ствола крупной картечью, и побежал Санька будить, хоть он и сволочь. Когда мы с ним вместе туда вернулись, естественно, всё оказалось, как обычно. Никакого Ящера мы там не нашли, и напрасно продолбали до утра тот камень, на котором я сидел. Санек опять мне не поверил. Подумал, что у меня крыша поехала. Но я-то знаю, что я там видел.

Иван загасил о ладонь окурков, словно поставив на своем повествовании большую жирную точку, и глубокомысленно молвил:

– Да... вот так-то у нас дела обстоят...

* * *

В густой иве пересвистывались беззаботные птички. Сверху ласково пригревало солнышко. Легкий ветерок шевелил листочками и доносил от края платформы острый запах разогретого гудрона. Мужики погрузились каждый в свои размышления.

– И что, вы, теперь намерены с этим делать? – первым прервал молчание Дмитрий Кириллович.

– Изловить, гада, – решительно заявил рассказчик, – Тут теперь иначе нельзя. Как можно его оставлять возле деревни? Я даже в церковь вчера ходил.

– Зачем? – удивился рослый парень.

– Так, посоветоваться по этому поводу, – поскреб Иван заросшую щетиной щеку.

– И что они, вам, там посоветовали? – поинтересовался маленький собеседник.

– Прочти, говорит, «Отче наш». Господь, тебя не оставит, – усмехнулся мужик.

– И всё? – развел ручками коротышка.

– И всё. А чего ещё? Поп, он и есть поп. Лоб перекрестил, в спину посмеялся. Кто я для него такой, чтобы войска поднимать? Нет, власти до нас никакого нет дела. У нас вообще власти никакой не осталось. Так, что, теперь, только на себя можно рассчитывать. Самим Змея этого изводить надо, – заключил рассказчик.

– Смешная история, – заметил спортивный парень.

– История не хуже Лох-Несской, – возразил ему Дмитрий Кириллович, – Изловить его было бы клёво... Следы какие-нибудь остались?

– Какие следы? Сам еле ноги унёс, – пояснил Иван.

– И ладно. В Лох-Нессе тоже следов не нашли. Однако от этого ничего не изменилось. В принципе, пока это не нужно. Главное, чтобы был надёжный свидетель. Такой, вроде как, есть. Жаль, только один. Не плохо было бы иметь второго. Этот ваш Санёк, может стать вторым свидетелем? – загорелись у малыша глаза.

– Смотря за что, – напрягся очевидец событий.

– За славу, конечно, – одарил его коротышка лукавой улыбкой, – За мировую славу. А где слава, там и деньги. Так? – кивнул своему напарнику, – Деньги и слава, всегда ходят рядом. У тебя, Ваня, я думаю, есть неплохой шанс, стать знаменитым. Оказаться в центре внимания всех СМИ. Глупо было бы упускать такой шанс. Скажи, Коля, – хлопнул по колену своего напарника, – Ты, как думаешь?

– Это, ты, что имеешь в виду? – как-то напрягся, вдруг, тот.

– Я уже всё придумал, – вскочил его спутник на ножки, – Согласитесь, обнаружить живого динозавра у нас, да ещё под самым Петербургом, в какой-то глухой деревне, про которую все забыли, это же, действительно, сенсация! Годзилла просто отдыхает. Но не это главное. Самое главное, что для этого ничего делать не нужно. Не требуется никаких особенных доказательств. Потому, что тут, главное, другое. То, что, в принципе, такие доказательства могут, вдруг, обнаружиться, – говорил, бодро расхаживая вдоль скамейки из стороны в сторону, – Просто их надо правильно поискать. Поискать или показать, где надо искать. К примеру, можно вылепить голову этого ящера, высунуть её из грота и сфоткать. По снимку невозможно определить, настоящий он там высунулся или нет.

– Это же подделка, – хлопнул глазами верзила.

– Ну, и что! Что в этом такого? – с обезоруживающей искренностью вскинул коротышка бровки домиком, – Мы же знаем, что он там есть. Мы лишь хотим показать, где следует искать. Привлечь к этому месту внимание мировой общественности. А для этого все средства хороши. Это же всего-навсего версия. Очень правдоподобная версия. Мы же ничего не утверждаем. Мы только говорим, что установили фотик, а он сам, на автомате, нащелкал несколько снимков. Мы посмотрели и увидели этот! Ты, понимаешь, что получается? Ваня нам рассказал, мы решили проверить, установили фотик, и вот тебе снимок! Представляешь, как они все сразу забегают! И главное, что мы в этом деле всего лишь посредники. Мы всего лишь поставили крестик на логове зверя и получили свои комиссионные.

– А какие тут могут быть комиссионные? – заёрзал на месте парень.

– Думаю, что большие... Далеко до этого грота? – поинтересовался малыш.

– Километра три будет, – прикинул абориген расстояние до места.

– Да... Жаль. Далековато... – взглянул Дмитрий Кириллович на тяжелые сумки, – Ну, ничего. В другой раз, как-нибудь. Можете взять идею на вооружение. Дарю.

– Нифига. Рядом. Можно смотаться. Время есть, – оживился Коля, – Час туда... час обратно... часок там... успеем, – подсчитал на пальцах время до поезда, – Вопрос только... где можно сумки оставить, так чтобы ничего не ... – выразил одним словом то, что так любят делать в России его коренные жители с чужим, безнадзорным имуществом.

– Даже сложно чего присоветовать, – поскреб Иван затылок, – За так, пожалуй, что, нигде. Никто отвечать не захочет. Камер хранения у нас нет. Вокзала нет. Милиции тоже. Один Михалыч, так и тот сволочем оказался.

– Ну, не с собой же тащить? – изобразил парень на лице растерянность, – С сумками далеко не уйдёшь. Давай, выручай.

– Не-е, – озадаченно покачал головой местный, – Негде их оставлять. Враз всё ... – этим же словом подтвердил серьезность опасений владельца имущества.

– Ладно, – хлопнул тот ладонью по своему колену – Сколько?

– Чего сколько? – удивился абориген.

– Сколько стоит взять сумки на хранение? – уточнил большой торговец.

– А я почему знаю? – увильнул от ответа хитрый мужик, – Ты предложи, а там уж посмотрим.

– Как насчет целой пачки сигарет? – закинул удочку хозяин товара.

– Чего мне с той пачки? У меня ребятишек дом полный. У вас там, поди, сладости? А мне, что потом делать? Их-то не удержать, – резонно возразил Иван.

– Две пачки печенья хватит? – повысил ставку купец.

– Пять. Пять пачек. И пять вот таких банок, – указал мужик на пустую баночку Колы, – Это детишкам, – тут же уточнил, – А мне сигарет пять пачек. За хлопоты.

– Ого! – переговорщик изобразил на лице крайнее удивление, – Не многовато ли будет за такую фигню?

– Фигню, не фигню, а я не напрашиваюсь, – заметил мужик.

– Ладно, ты, сходи, а я тут посижу, – вклинился Дмитрий Кириллович, – Всем товар раздавать, без штанов останешься.

– Не забоишься один на платформе остаться? У нас тут шалить могут, – выдал суждение местный.

– Тогда я у вас дома подожду. Быстрее без меня сходите, – заключил малыш.

– И то верно, – согласился его товарищ, – Ну, что? Пошли. Показывай.

* * *

Дорога до деревушки со скромным названием Глядино заняла у путников не более получаса. Путь проходил по извилистой тропинке, проложенной сквозь густые заросли ивняка, заполонившего широкую низинку, изрезанную каменистыми ручьями. Через них были перекинуты узкие мостки, грубо сколоченные из толстых необрезанных досок, местами изрядно подгнивших и коварно пошатывающихся под ногами.

Первым шёл Иван. За ним усердно семенил Дмитрий Кириллович. Замыкал шествие обвешанный сумками Коля, старательно выбиравший дорогу, дабы не испачкать свои дорогие белоснежные кроссовки.

– Заморим твоего Змея, – рассуждал он, лавируя между нависающими над тропой ветками и торчачими из земли большими камнями, – Никуда он от нас не денется. Кстати, он Змей, Ящер, Дракон или Динозавр?

– Это всё одно и то же, – пояснил маленький, рассудительный товарищ.

– Горыныч, значит, которому местные жители приносят в жертву своих красавиц, – заметил спортивный парень, – А я тогда богатырь земли русский Илья Муромец.

– Скорее Алёша Попович, – усмехнулся его напарник.

– Нет. Мне больше нравится Илья Муромец. Буду Ильей Муромцем. А что? Подходящая для меня персона. Чем я хуже его? Вполне могу завалить этого Змея.

– Змея победил Георгий Победоносец, – заметил Дмитрий Кириллович.

– Точняк. Вот им я и буду, – согласился добрый молодец, – Вполне справлюсь. Хотя нет. У меня коня нет. Есть у вас конь в деревне, а Ваня?

– Не, – бросил тот через плечо, – Лошадей нет. Мотоцикл у Санька есть.

– А что? Годиться и мотоцикл. Чем не конь? – подхватил новую мысль кандидат в богатыри земли русский, – Буду Георгием Победоносцем на мотоцикле. А что? Время теперь другое. Надо идти в ногу со временем. Верно? Тогда мотоциклов не было. Значит, «Ура!» на Змея на Урале. Красиво получается. Тебя, Димка, в коляску посадим. Будешь в коляске сидеть, копьё держать. Не могу же я и копьё, и руль держать одновременно? Хотя, почему копьё? Ружье держать будешь. Ты, Ваня, говорил, у тебя ружье есть?

– Двустволка. Двенадцатого калибра, – подтвердил тот.

– Отлично! Двустволка двенадцатого калибра куда круче копьё. Будешь в коляске сидеть, ружье держать, как мой оружейержец. Я буду рыцарь на железном коне. Я – наступаю, ты – стреляешь. Бах-бах! В черепушку по Змею. Лучше, конечно, наоборот. Я – стреляю, ты – наступаешь. Но, ты, пожалуй, с мотоциклом не справишься. Ладно, сгодиться и так. У него, Ваня, голова-то одна?

– Одна, одна, – кивнул тот лохматой башкой.

– Это хорошо, что одна. Одна голова на два патрона. Хотя бы один раз, да попадешь, – предположил воин, – Попадешь? Гляди, Димка, попасть нужно. Перезарядить потом не получится. Лучше, конечно, если бы у нас был пулемет. Но пулемета у нас нет. А, может, есть у вас тут у кого-нибудь пулемет, а, Ваня?

– Не, – махнул тот рукой, – Пулемета ни у кого нет.

– Жаль. Жаль, Ваня, что нет ни у кого пулемета. А то, это было бы классно, на мотоцикле с пулеметом. Прямо как фрицы в кино. Но ничего. На нет, и суда нет. Двустволка тоже сгодиться. Стой! Погоди, – остановил Коля шествие, опустил на землю тяжелые сумки, обер с лица крупный пот, – Далеко ещё?

– Не, близко. Пришли уже. За поворотом деревня, – указал проводник.

– Это хорошо, что пришли, а то я устал что-то. Не бережете вы, товарищи, своего богатыря. Мне на войну идти, а я уставший, – пошутил добрый молодец, вновь поднимая сумки, – А что, Ваня, – продолжил свои рассуждения, – Ты, не думай, я, если что, со Змеем смогу справиться. Как ни как, два года отслужил в ВДВ. Опыт имею. 21-ая бригада. Был даже под Цхинвалом. Всякое повидал. Могу кое-что, если придётся. Так что, ты, захвати, на всякий случай, ружьишко. Кто его знает, кого мы там встретим. И патрончиков, если есть, десяточек. Есть у тебя патрончиков десяточек, Ваня?

– Найдется, – заверил тот.

* * *

Дом Ивана располагался почти в самом центре деревни, так что гости имели возможность обозреть все прелести этого умирающего селения. Ничего примечательного они для себя не отметили. Всё, как везде. Деревянные строения стандартного, разрешенного при социализме размера, крыши, стеленные в основном дешевым рубироидом, местами возделанные огороды, мшистые яблони, покосившиеся заборы, кривые сараи. Многие дома оказались брошенными. Стояли, глядя на мир пустыми, черными окнами. Пустынно выглядела и центральная улица, закатанная желтым щебнем.

Возле самой калитки их встретило маленькое существо неопределенного пола, облаченное в чёрную курточку, покрывающую нечто среднее между штанами и юбочкой.

– А почему у тебя, мальчик, усы под носом? – бесцеремонно ткнуло оно пальчиком в лицо Дмитрия Кирилловича.

– Потому, что я уже взрослый, – твердо заявил тот, отстраняясь.

– Как это уже взрослый? – удивилось юное создание.

– Кышь, отсюда, – решительно скомандовал Иван, распахивая калитку и пропуская приезжих во двор.

– Мальчик с усами! Мальчик с усами! – пронзительно закричало создание и скрылось в глубине сада.

Однако отсутствие ребенка оказалось не долгим. Не успели гости подойти к крыльцу дома, как он вернулся, ведя за собой целую стайку разновозрастной детворы, где старшему, казалось, не более двенадцати лет. Всего собралось человек пять. Они шумно обступили Дмитрия Кирилловича, не давая ему прохода, и стали бесцеремонно обсуждать его рост, едва не щипая пальцами за усики, пока, наконец, мужик их грозно не осадил, за что тут же получил гневную отповедь со стороны изможденной женщины, вышедшей на крыльцо посмотреть, что тут происходит.

– Вот, Клара, принимай гостей, – тут же представил хозяин необычную парочку.

– Здравствуйте, – как-то не очень радостно поприветствовала их хозяйка.

– Здравствуйте, – ответили те по очереди.

– Они ненадолго. До поезда, – пояснил Иван, словно оправдываясь, – Видали, сколько их у меня, – кивнул торговцам.

– Плодовито, – оценил Коля, опуская на ступеньки крыльца свою тяжелую ношу.

– Дядя, а что, ты, нам принёс, – тут же тронуло его за рукав существо в куртке.

Пять пар глаз тут же устремились на великана.

– Так, а теперь внимание, – хлопнул тот три раза в ладоши, переключая внимание детей с мальчика с усами на себя, – Смотрите, мы что-то вам принесли. Подарки от доброго дяди Коли. То есть от меня. Подходи ко мне. Каждый получит. Это тебе, – извлек из сумки первую пачку печенья и вручил её тому самому существу в чёрной курточке, что привело за собой остальной шумный выводок, – Возьми, деточка. И вот это, – добавил к печенью баночку с Кока-колой.

– И мне! И мне! – тут же завопили остальные, хватая его ручонками.

– И тебе. И тебе, – начал раздавать угощение щедрый дяденька, пока все не замолкли, получив каждый свою долю.

– Может, в дом всё же пройдете? Чаю отведаете? – явно смягчилась женщина, видя, что гости – люди незряшные.

– С удовольствием, – живо откликнулся мальчик с усами, доведенный невоспитанным юным поколением до белого каления.

– Проходите, пожалуйста, – посторонила хозяйка, открывая проход в дом.

– Ага, ага, – согласился с ней Иван.

Гости прошли на кухню. Дети попытались проникнуть за ними следом, дабы продолжить исследование диковинного человечка, а, может, и получить ещё что-нибудь от доброго дяденьки, но мать тут же пресекла их намерение, повелев оставаться на улице, за что получила особую признательность со стороны усатого лилипута, вознаградившего её шестой пачкой шоколадного печенья к чаю, извлеченной из большой полосатой сумки, едва та, коснувшись дощатого пола.

– Мы, собственно, на минутку. Вещи оставить, – озарил дом лучезарной улыбкой Николай.

– Вы садитесь за стол. Мне, извините, некогда. Обед надо готовить. Вы на меня внимания не обращайтесь, – вручила ему хозяйка надтреснутую чашку из гостевого сервиза, специально по такому случаю быстро извлеченного из серванта, – Пейте. Не стесняйтесь, – сунула вторую Дмитрию Кирилловичу, – Что это, вы, такой маленький? Прямо смотреть на вас больно.

– Не вырос, – немного смущенно пояснил тот и проследовал с чашкой к столу.

– Болели, что ли? Или в организме какая-нибудь неприятность? Что же это, вы, так и не выросли? Да, вы, садитесь, садитесь. За стол садитесь. Я же сказала, не обращайтесь на меня внимание. Сахар берите, варенье. Чая себе наливайте. На столе заварка стоит. Я же говорю, мне за супом смотреть надо. Убежит всё, – развернулась она к печке, где на широкой плите приятно шкварчало в большой, чугунной сковороде и булькало в не менее объемной, прокопченной кастрюле.

– Давай, мужики, налетай, – радушно пригласил хозяин, пристраиваясь к столу.

– А, ты, куда лезешь! Чайник с плиты возьми. Кипятку людям налей, – тут же распорядилась мужиком хозяйка, – Успеешь себе налить. Ложки, ложки им предложи. Чем варенье себе класть будут? Как же это, вы, не выросли совсем? – снова обернулась к маленькому человечку, – Неудобно маленьким таким быть. Хорошо у меня у самой мал, мала, меньше. Стулья высокие. А где нет их? И за стол толком не сядешь. Обижают, вас, люди-то маленького?

– Нет. Не обижают. С пониманием относятся, – попытался успокоить её Дмитрий Кириллович.

– Хорошо, если с пониманием. А если не понимает кто? Дураков-то у нас много, – бросила укоризненный взгляд на своего мужа, старательно разливающего кипяток по чашкам, – А много ли ума надо, чтобы маленького обидеть?

– Ну, кто если обидеть захочет, то будет иметь дело со мной, – многозначительно заявил Николай, накладывая себе в чашку густого черносмородинового варенья, – Он мне, как брат. Мы с ним всегда вместе. Ещё в детском саду на горшках вместе сидели. Потом в школе за одной партой. Раньше он был как все. Это потом, вдруг, сильно затормозил. Во втором классе, кажется. Все в гору пошли, а он остановился. Так до конца и проучились. Все десять лет обижать его ни у кого желания не возникало.

– Что, правда, что ли в одном классе учились? – растянул шербающую улыбку Иван, не понимая, как это могут по виду столь разные люди оказаться одного возраста.

– Учились, – утвердительно кивнул головой маленький гость, – Я за него контрольные писал, а он боксом занимался.

– Это хорошо, когда друг такой у человека имеется, – заметила женщина, мелко шинкуя большой кочан белой капусты, – Может, вы подождете чуток, пока обед не сготовится. Поедите по-человечески? Что толку с этого чая? Я макарончиков вам поджарю. Щи свежие поспеют.

– Спасибо, но нам идти надо, – поблагодарил хозяйку большой гость, – Дело у нас срочное. На поезд успеть надо.

– Да. Поезда у нас плохо ходят, – согласилась она, забрасывая нарезанную капусту в большую кастрюлю, – Если опоздал, то всё. А иной раз они сами опаздывают. Бежишь, думаешь, опоздала, а его ещё и не было. Вот как у нас тут бывает.

– Ага, ага, – присоединился к беседе хозяин дома, пристраивая горячий чайник на специальную подставку по центру стола.

– Мы вещи у вас оставим? – поинтересовался Николай.

– Конечно, оставляйте. Я присмотрю. Не беспокойтесь. Вон, в комнату занесите. Чего сидишь? – махнула большим ножом в сторону мужа, – Помогите людям управиться.

Иван не заставил себя просить дважды, моментально вскочил с места и помог втащить тяжелые сумки туда, куда указала строгая половина.

– Запереть бы их где, – предположил рослый хозяин товара.

– Не бойсь. Если Клара сказала, что присмотрит, значит присмотрит. Она у меня лучше любого засова. Будет, как в банке, – заверил его мужик.

– И всё же лучше бы запереть, – заметил гость.

– Вы идите. А тут управлюсь, и после в чулан занесу, – молвила из кухни хозяйка дома, – А что там у вас?

– Товар разный. В электричках торгуем, – пояснил Дмитрий Кириллович, прихлебывая горячий чай, – Там много всякого. Они тяжелые. Лучше мы сами донесём.

– Ну, так, снесите, – согласилась она, – Чулан знаешь где, – бросила, не отрываясь от плиты, – Только ключ с собой не уносите. Мне ещё в доме приборать надо.

* * *

Иван с Николаем, прикрыв за собой дверь, понесли сумки в большой чулан, расположенный в сенях, сразу возле встроенного туалета, откуда доносились не самые приятные запахи из наполненной за долгую зиму выгребной ямы. Пока они их устраивали возле полок со слесарным инструментом, мимо деловито проплыло несколько тяжелых, мохнатых мух. Не обращая ни малейшего внимания на посторонних, они стали медленно кружить над каким-то большим мешком, стоявшим в углу, наполняя помещение кладовки глухим урчанием самолетных моторов. Видимо за долгие годы своей старательской деятельности эти твари привыкли к тому, что в этом доме никто их особенно не беспокоит излишним вниманием. Одна из них явно заинтересовалась содержимым внесенных больших сумок, отделилась от звена и приземлилась на край. Но, не успев подойти к толстой металлической застежке, стремительно взмыла вверх, преисполненная невыразимого удивления от той бесцеремонности, с какой круглолицый великан решительно отогнал её, едва не шлепнув растопыренной ладонью.

– Ружье не забудь, – прогремел он, обращаясь к знакомому и хорошо пахнувшему человеку.

– Ага, – буркнул тот и сгреб с полки длинный, холодный, металлический предмет с деревянной накладкой, – Сигареты давай.

– Патроны возьми.

Высокий расстегнул сумку, извлек пять пахучих белых пачек и передал их второму, который распихал их по карманам. Затем снял с гвоздя кожаный пояс с пристегнутой к нему тяжелой коробочкой и опоясался им под ватником.

– Фонарик-то есть? – поинтересовался.

– Точно. Фонарик взять нужно, – согласился круглолицый, снова запустил руку в сумку и достал маленькую коробочку, – Хорошо, что ими торгуем, – закрыл застежку, – Далеко будет отсюда?

– Километра два.

– Давай, выйдем по-тихому. Чтоб Димыч не увязался. Быстрее управимся.

– И то верно. Куда малому в такую даль топать.

Они вышли, оставив принесенные вещи за плотно закрытой дверью, полной широких щелей и дырок, даже не подозревая о том, сколько любопытных глаз, ног и усов тут же устремятся к свежепринесённому имуществу в надежде найти для себя что-нибудь вкусное и интересное.

* * *

– Что-то долго они там возятся, – насторожился Дмитрий Кириллович, ставя пустую чашку на стол.

– Вань! А, Вань! – крикнула в глубину дома его жена, снимая большой ложкой пенку с закипающего супа, – Ты, чего это там, а?

– А папка с дядькой ушли, – прозвучал в ответ из сеней детский голос.

– Как это ушли? Куда это ушли?! – встрепелась женщина.

– Ружье взяли и ушли, – пояснил другой, не менее звонкий.

– Вот как? Всегда он вот так. Ничего не скажет и уйдет. Куда этого его понесло? – озадачилась хозяйка.

– К гроту они отправились, – пояснил маленький гость, – Динозавра смотреть.

– Вот, дурак, так, дурак! Мало того, что себе, дурак, голову забил всякой дурью. Так теперь ещё и людей на дурь свою подбивает. Ну, я ему задам, когда он вернётся! – многообещающе выразила супруга многогранность своих семейных отношений.

– Зачем же так сурово? У человека цель в жизни появилась, – возразил ей маленький собеседник, потерявшийся за большим заварочным чайником.

– Какая у него ещё может быть цель? Вон, на улице болтается вся его цель. Я одна, что ли, поднимать их всех буду? Меня одной на их всех не хватит. Его цель работать и деньги в дом приносить. Вот его цель, – резонно заметила женщина.

– Семья, дом, дети и деньги это ещё не вся жизнь, – тяжело вздохнул Дмитрий Кириллович.

– Что значит не вся? – повернулась к нему хозяйка.

– Гораздо большее значение имеет её наполненность. То, для чего всё делается, чем всё наполняется, во имя чего строится. То, что объединяет людей в одном доме, – пояснил коротышка свою мысль, – То, что приносит всем радость и осмысленность бытия. То, что дает ощущение счастья. Вот потому и не вся.

– Ой, твоя, правда, – опустили руки у женщины, – Конечно, не вся. Ведь, иной раз думаешь, ну, чего тебе, паразит, ещё надо? Всё у тебя есть. И хозяйство, и руки, и голова, вроде как, место свое занимает. Живи, знай себе, работай, как все нормальные люди. А он, нет. Всё его черти какие-то побирают. Всё ему вляпаться нужно во что-то. Ведь всё для него делаешь. И дом блюдешь, и детей, вон, сколько у нас народилось, и телевизор цветной купили. Живи, радуйся. Ну, если работы нет, так по хозяйству вон её сколько. Дом, огород, сад. Всё же внимания требует. Знай только работай. Живут же другие. На всю зиму заготавливают. Перебиваются. А этот что? Сперва пил, как уволили, а теперь вбил себе в голову вообще что-то несусветное! Ящера видите ли он нашёл! Где? У нас! Это надо же такое придумать! Это же в голову никому такое не придёт, что в дурную его башку, вперлось. Весь день теперь его где-то носит. Что вот он там делает? Домой вечером явится, места себе не находит. Гвоздя в стену толком не вобьет. Мне теперь одной со всем этим справляться, что ли? Мне за всем этим одной не уследить. Еле-еле огород засадила. Хорошо детей много. Помогли. Растут в доме помощнички. А он вот где? А он, спрашивается, на что? Зачем вот его понесло снова? Ведь глупость такая, что кому и сказать стыдно!

– Почему же глупость? Может, совсем даже не глупость, – осторожно выглянул из-за чайника Дмитрий Кириллович.

– Как же не глупость! Было бы что другое, а то – одна глупость! Всё только теперь и ищет, как ему из дому сбежать. Как будто мы ему невесть кто стали. Вот, если бы он нас... любил, хоть немножечко, так оно... может быть, совсем бы другое дело было. А так... – смахнула жена украдкой слезу, – Одна мука мне с ним.

– Кто же сказал, что он вас не любит? – заметил малозаметный гость, – Мне так наоборот показалось, что он очень даже вас всех любит. Только о вас и думает.

– Да? Правда? С чего это вам, вдруг, так показалось? – отвернулась хозяйка к шипящей на плите сковородке.

– Он только о вас и говорит. Вон сколько печенья для детей из нас выбил. Думаете, мы сильно этого хотели? А импортной Кока-колы. Каждая банка, знаете, сколько стоит? С чего это, спрашивается, мы так раскошелились? – поставил вопрос ребром маленький торговец.

– И, правда? С чего? – озадачилась многодетная мама, до этого момента считавшая, что такой жест является вполне нормальным для незнакомого человека, входящего в чужой дом.

– А вот с того. Он нас заставил. Муж ваш. Мы могли бы и сэкономить. Обойтись одной пачкой печенья. Но он нам сказал, что так нужно сделать, что детей у него много и каждый должен получить своё. И мы вынуждены были с ним согласиться. Хороший он у вас, добрый, заботливый. Мало, вы, его цените. Ругаете только. А напрасно ругаете, – отметил рассудительный человек.

– Вот ещё. Напрасно. Нашли доброго, – снова развернулась к нему хозяйка, явно не ожидавшая такого резкого изменения направления разговора, – Видели бы вы этого доброго, когда он нажрётся, – кинула спрятанный в рукаве козырь.

– Дерётся? – настороженно предположил гость, – Насилие в семье это очень не хорошее явление.

– Я ему подерусь, – пригрозила женщина куда-то вдаль большой поварешкой, – Вот ещё. Драться. Хуже. Бухтит, чёрт, без умолку по всякому поводу. Как нажрётся, так всё ему не так, всё нехорошо, всё не на том месте валяется. Хоть из дома беги.

– Вот видите. Даже не дерётся, – подметил Дмитрий Кириллович, – Не позволяет себе обижать вас насилуем. Хотя мог бы. Слышали, как в иных семьях иной раз бывает? А вы говорите, что он плохой. Какой же он плохой, когда он собрался идти один на это самое чудище. А почему, спрашивается? Да только потому, что он за вас сильно беспокоится. Переживает, как бы оно вам никакого вреда не причинило. Слышали, о том, что там пропали какие-то две девицы?

– Слышали. Знаем. Он наговорит. Ты только его слушай, – тоном, преисполненным сомнений, подтвердила супруга.

– Вот видите. Слышали. А если оно там на самом деле завелось? Если, оно их действительно сожрало, это чудище, – продолжал собеседник, – Если он ничего не придумал? Вы об этом подумали? Куда могли деться эти девицы? Неизвестно. Но он один, несмотря на то, что ничего ещё не известно, тем не менее, пошёл на него со своей двустволкой. Много он сможет один причинить вреда этому чудовищу своей двустволкой? Он что спецназовец у вас, да? Думается мне, что нет. Не очень много он сможет один против него сделать. Но он этого не испугался. Даже зная об этом, всё равно пошёл. Из всей деревни никто не пошёл, один только он пошёл. Один за вас всех. И после всего этого, вы говорите, что он у вас плохой и вас совершенно не любит? Как же вам не стыдно? Он герой у вас, каких мало. А вы на него набросились.

– И правда, – упавшим, вдруг, голосом произнесла женщина, – А если и правда оно там есть... – представила, и ей стало худо, – Господи! Куда же это его понесло! Один пошёл! – и, бросив бурлящую на плите стряпню, выскочила вон из дома.

– И что плохого в том, что у человека есть какое-то увлечение? – пожал плечами Дмитрий Кириллович, наливая себе холодной заварки в пустую чашку, – Пусть занимается. Пить меньше будет.

* * *

Клара далеко от дома отбежать не успела. Мысль о том, что дети могут остаться голодными остановила её, развернула и бросила обратно на кухню. Дмитрий Кириллович к этому моменту, упершись животиком в край стола, пытался двумя ручками поднять тяжелый, большой чайник, желая плеснуть себе кипятка в чашку.

Не обращая внимания на потуги маленького гостя, женщина сразу подскочила к плите, сняла с огня кипящую кастрюлю щей и поставила на рядом стоящую посудную тумбочку. Туда же определила жаром пышущую чугунную сковородку.

– Так. Накормите детей обедом. Тарелки они сами поставят. Я мигом обернусь, – бросила ему на ходу и устремилась вслед за своим героическим мужиком.

– Ничего, ничего, не беспокойтесь, – только и успел вымолвить Дмитрий Кириллович, продолжая свои упражнения с чайником и совершенно упуская из вида её многочисленных, необузданных ребятишек.

Те не заставили себя долго ждать. Не успел простыть след, оставленный ботинком матери на влажном песке возле калитки, как они шумно ввалились на кухню.

– Мальчик с усами, зачем, ты, берешь наш чайник? – поинтересовалось существо в черной курточке.

– Я не Мальчик с усами, – оставил гость тяжелый снаряд в покое и выпрямился на табурете, поджав под себя ноги, – Меня зовут Дмитрий Кириллович. Или, можете, называть меня дядя Дима, – заявил с самым серьезным видом, на какой только в этот момент сподобился.

Но вызвал лишь веселый смех со стороны детей.

– Дядя Дима, – смеялись они, – Вот так дядя! Гляди, какой маленький!

– Я не маленький. Я уже большой, – попытался им возразить человек.

– Он большой! – засмеялись они ещё больше, – Гляди, какой он большой!

– Прекратите смеяться! Ваша мама мне поручила накормить вас обедом, – чуть не выкрикнул из-за стола новоявленный дядя.

Смех моментально прекратился. Дети удивленно на него посмотрели.

– А ещё он взял наши чашки, – указало пальчиком второе юное создание, ростом немного выше первого, но имеющее невероятно чумазое лицо, покрытое шоколадом и рыжей пылью, что напрочь лишало всякой возможности определить его пол и возраст.

– Ваша мама сама их дала, – тут же пояснил объект пристального рассматривания.

– Да. Я видел, – подтвердил третий ребенок самый рослый и явно мужского пола, державший в руке недопитую банку с кока-колой. По виду он казался среди них старшим.

– Зачем мама их дала? – подняло на него изрядно измазанное шоколадом лицо четвертое юное создание, принадлежность которого к девочкам и не вызывало никаких сомнений. На это указывали две торчащие в разные стороны косички, с вплетенными в них грязновато-синими ленточками, красная юбочка и заштопанные колготки со свежими дырками на коленках, – Нам она никогда их не дает. Даже трогать не разрешает.

– Чаем их угощала, – пояснил брат.

– А у тебя ещё есть печенье? – приветливо улыбнулся пятый, самый из них младший и толстый, от чего, видимо, казался наиболее чумазым и жизнерадостным.

– Так он тебе и дал, – ехидно заметило ему первое, но тот уже устремился к столу, нацеленный на ту самую пачку, что досталась его матери, откуда взрослые успели достать не более трех штук и беспечно оставили почти у самого края.

– Сначала следует пообедать, – снова весьма серьезно заявил Дмитрий Кириллович и стремительно выдернул у него из-под носа вожаденное лакомство, переставив на середину стола за пределы досягаемости цепких его пальчиков.

– А-а, – завопил резвый малыш, – Отдай! А-а!

– Ты, зачем маленьких обижаешь? – нахмурило брови существо в черной куртке.

– Ваша мама сказала, чтобы вы пообедали. Значит, сначала нужно пообедать, – решительно объявил гость.

– Мы сами знаем, что нужно нам делать, а что нет, – возразил старший ребенок.

– Отдай ему печенюхи, – угрожающе надвинулось второе юное создание.

– Печенье получите только после обеда. Быстро всем руки мыть, – скомандовал заместитель хозяйки дома, приподнимаясь для пушей важности под столом.

– А-а! – вопил толстяк, пытаясь достать недосягаемое.

– Мальчик с усами, ты почему на нас кричишь? – выступило вперед существо в черной курточке.

– Так, ребята, давайте для начала умоемся, потом пообедаем, и после будем кушать печенье, – как можно более дружелюбно предложил Дмитрий Кириллович. Он очень старался надлежащим образом выполнить возложенное на него сложное поручение, но не обладал достаточным опытом общения с подрастающим поколением, особенно с таким, плохо воспитанным.

– Мы сами знаем, что нам нужно делать, – повторил мальчик.

– Без маленьких обойдемся, – поддержало его второе юное создание.

– Да, – присоединилось к ним первое, – Пусть много о себе не думает.

– Котька, ты мне поможешь Ваську умыть, а то он опять будет мылом кидаться, – дернула девочка за рукав старшего брата, явно имея в виду шумного малыша всё ещё продолжающего настойчиво добиваться передачи ему недоеденного печенья.

– Танька, тащи Ваську к умывальнику, – распорядился тот, – Петька, воды принеси. Быстро. Чего стоишь?

Существо в черной курточке, оказавшееся Танькой, тут же схватило вопящего толстяка за шиворот и поволокло от стола к умывальнику.

– А-а, хочу печенья, не хочу мыться, – попытался тот оказать сопротивление.

– В чулан опять захотел? А, ну, живо иди, а то снова в чулане запру, – пригрозила сестра и капризного малыша словно подменили. Ор моментально стих, в доме наступила тишина и какой-то порядок.

Второе чумазое создание, именуемое Петькой, принесло ведро воды к рукомойнику. Дети по очереди шумно умылись, и по завершении этой очистительной процедуры явили миру свои посвежевшие лица.

Дмитрий Кириллович смотрел на ребят и поражался, с какой настойчивостью в каждом из них повторились черты лица Ивана. «Яблоки от яблони не далеко катятся», – невольно всплыла в голове народная мудрость, от чего на душе стало как-то грустно.

Тем временем, дети довольно слаженно готовились к трапезе. Сначала они по очереди выбирали с полки глубокие тарелки и подходили с ними к своему старшему брату. Тот, ловко орудуя большим половником, наливал каждому его порцию горячих щей из большой кастрюли. Получив её, малыши медленно отходили к столу, стараясь не плеснуть супом на пол, садились и, начинали кушать, практически не обращая больше никакого внимания на наблюдавшего за ними маленького гостя. Неведомым образом на столе оказалась широкая тарелка с горкой нарезанного черного хлеба и литровая банка густой деревенской сметаны. Каждый черпал из неё большой ложкой, половину вываливал себе в суп, а вторую аккуратно размазывал по хлебу. Во всем их слаженном действии заключалась какая-то магия. Они без слов понимали друг друга и, как муравьи, исполняли всё четко по какому-то заранее определенному плану.

«Что-то из них потом будет? – думал Дмитрий Кириллович, – Что им тут уготовано, в этом умирающем, всеми забытом селении, где ничего нет, кроме леса, где магазин и тот скоро закроют? Как они будут жить дальше? Что делать? Как станут получать образование? И получат ли его вообще? И кем вообще станут, если сумеют выжить в этом убогом месте рядом с непонятным логовом, какого-то неизвестно зверя?»

* * *

Запыленное кухонное окно выходило в сад. Дмитрий Кириллович смотрел на зеленую листву раскидистых яблонь и размышлял о судьбах человечества. Неожиданно в ход его мыслей ворвался механический рокот мотора. Казалось, он вынырнул прямо из-под земли, как железный кол, столь несуразным и лишним, явился этот звук, разорвавший гармонию жизни. Возле самого дома он прекратился. Хлопнули дверцы. Кто-то подошел к калитке, открыл её, затем решительно взошёл на крыльцо и, откинув в сторону входную дверь, зычно гаркнул на весь дом:

– Клара, ты, дома?

Не получив ответа, он тяжело зашагал прямо к кухне и без церемоний явил себя в дверном проеме, заполнив своей мешковатой, темно-серой милицейской формой практически все прямоугольное пространство.

– Обедаете? – обвел сидящих за столом маленькими колючими глазками.

– Здравствуйте, дядя Сережа, – почти хором ответили дети.

– Здравствуйте, здрасте, – вытолкнул через пухлую губу грузный, пузатый человек с капитанскими погонами на плечах, снимая фуражку и обтирая пот с розовой, овальной лысины, обрамленной остатками седоватых волос, – Мамка, где у нас будет?

– Она за папкой ушла, – звонко отрапортовала Танька.

– А где у нас папка?

– Папка с дядкой ушёл Ящера ловить, – браво доложил Петька.

– С каким таким дядькой?

– Мы не знаем его. Он нам печенье принёс. Вот он знает, – указала на Дмитрия Кирилловича милая девочка с косичками.

– Кто такой будешь? – воткнул в гостя буравчики глаз блюститель порядка.

– Мы из города. Случайно тут оказались. Электричку ждем, – кратко пояснил тот, не поднимаясь из-за стола.

– Документы имеются?

– Имеются.

– Предъяви, – прошел внутрь кухни служитель закона, явив черную кожаную папку под мышкой.

Гражданин маленького роста извлек из внутреннего кармана куртки свой паспорт и протянул милиционеру.

– Так. Значит из Питера, – полистал тот документ, – И что вам тут у нас нужно, Дмитрий Кириллович?

– Я же сказал, что мы здесь случайно оказались. По ошибке вышли не той станции, – повторил проверяемый.

– Это я уже слышал. Что здесь, конкретно, вам надо? Станция далеко отсюда находится, – уточнил капитан.

– Нас Иван пригласил в гости. Переждать время. До электрички. Они тут у вас не так часто останавливаются, – заметил маленький гость.

– Понятно, – вернул документ милиционер, – И сколько вас сюда прибыло?

– Я и Николай Михайлович, мой друг. Вдвоём мы здесь оказались. Могу я узнать, с кем имею честь разговаривать? – в свою очередь поинтересовался гражданин маленького роста.

– Участковый инспектор Булкин, – представился местный шериф, – Давно папка ушел? – обратился к старшему из детей.

– Нет. Не очень. До обеда ещё, – пояснил Котька.

– Понятно. А мамка за ним что пошла? Вас, почему, одних тут оставила? Даже, вон, погляжу, обедом, как следует, не накормила. Сами сидите, питаетесь.

– Не знаю. Испугалась что-то, – пожал плечами ребенок.

– Чего это она могла испугаться? Вы, как думаете? – капитан снова обратился с вопросом к гостю.

– Видимо, бездействия властей относительно заявления своего мужа о встрече со Змеем, – предположил тот.

– Папка к гроту пошёл? – вопросительно глянул на Котьку милиционер.

– Ага, – утвердительно кивнул тот головой, продолжая есть суп.

– Ещё папка ружье взял, – дополнила Танька.

– И патроны, – добавил Петька.

– Вот как? – оценил обстановку участковый, – Тогда понятно. Стало быть, дружок ваш, нашими достопримечательностями заинтересовался? – вновь засверлил гостя блюститель порядка уголочками своих глаз.

– Да. Его заинтересовала эта история, – подтвердил Дмитрий Кириллович, – Он захотел всё посмотреть на месте.

– Понятно, – решительно сжал губы местный шериф.

По крыльцу прогремели еще чьи-то тяжелые шаги, и в кухонном проеме проявилась тёмная фигура сержанта с автоматом.

– Обедаем? – приветливо кивнул он головой детям.

– Здрассте, дядя Толя, – весело прокричали из-за стола в ответ.

– Поехали, – резко развернулся к нему капитан.

– Куда?

– К гроту. Он там.

– Ясно, – радостно улыбнулся сержант, – Пока, пока, – помахал ребятишкам рукой, следуя за начальством, – Мамку слушайте.

– До свиданья, дядя Толя. До свиданья, дядя Сережа, – понеслось им в след.

* * *

По мере приближения к гроту Николая всё больше и больше охватывало то самое волнение, какого он давно уже не испытывал. Волнение боксёра перед боем, ученика перед сдачей экзамена, десантника перед первым прыжком с парашютом. Учащённо стучало сердце, мозг наполнялся красочными картинками предстоящей битвы с драконом, шумело в ушах, слегка ломило виски, лицо медленно покрывала испарина.

Шли извилистой и разбитой дорогой, укатанной жёлтым щебнем,.

– По такой сильно не погоняешь, – кивнул добрый молодец на глубокие выбоины и крутые колдобины.

– Кому гонять то? Тут и гонять то уже некому, – заметил Иван.

– Да. Судя по всему, место тихое. Минут сорок идём. Ни одной машины не было. Значит, если кто встретится, то не случайно. Слушай, как придем, заходить сразу не будем. Сначала надо осмотреться, – начал разрабатывать тактику проведения операции бывший десантник, – Я осматриваюсь, ты – в засаде лежишь у входа. Без меня ничего не предпринимай. Если что, стреляй в голову.

– Кому?

– Змею конечно. Не себе же.

– Это, если тот вылезет?

– Конечно. Как покажется, сразу стреляй.

– А если снова подъедут те парни? – включился в разработку плана мужик.

– Лежи тихо, – продолжил воин, – Себя не обнаруживай. Понял?

– Ага. Понял.

– Потом, когда я всё вокруг осмотрю, я ружье у тебя заберу и войду внутрь. Твоя задача: оставаться снаружи и меня прикрывать. Понял?

Иван снова кивнул.

– Надо будет тебе дубину срубить. Топор взял?

– Про топор разговора не было.

– Топор не взял! Ладно, ломаем тебе что-нибудь. Не волнуйся. Завалим твоего Змея. Пусть только покажется. Тот камень, на котором, ты, сидел, как далеко от входа?

– Так, метров десять будет. Не больше. Далеко заходить было не к чему.

– Слева, справа?

– По правую сторону. Выпуклый такой. Плоский. Сидеть на нём можно.

– Понятно. В десяти метрах от входа справа. Камень удобный для сидения. Он нам и нужен. Ты, мне телогрейку свою дашь. На камень постелю. Посижу на нём, как, ты. Посмотрим, что будет. Если что, с неё соскочить легко. Соскочу и в лоб душетом: бах-бах! Патроны взять надо. Для перезарядки. Все, что есть. Дай-ка ружье. Посмотрю, как это можно быстрее сделать, – протянул руку, взял у Ивана двустволку, стал осматривать, – Ничего, тяжёлое. Надежное оружие, – переломил, – Тут у тебя какие патроны?

– Картечь.

– Порох дымный?

– Какой же ещё?

– Дальше я с ним пойду, – накинул воин на плечо охотничье ружьишко.

– Так пришли уже. Вон она горочка, – указал мужик на холи слева от дороги.

– Вот оно значит где. Ну, всё. Пошли тихо.

Николай мгновенно преобразился. И вот это уже был не он, а Чингачгук Большой Змей, шедшей тропой войны на полчища бледнолицых. У него даже походка изменилась. Шаг сделался мягким, пружинистым, легким, почти бесшумным, особенно после того, как он нырнул с дороги в густой кустарник, переходящий в сосновый лес, покрывавший собой всю усыпанную большими валунами возвышенность.

– Я так понимаю, грот будет с той стороны, – почти шёпотом уточнил он у Ивана, громко хрустящего следом сухими, опавшими ветками.

– Там, там, – махнул тот рукой.

– Тихо иди. Не хрусти, – приложил охотник к губам палец, – Лучше стой тут на месте. Я вперёд пойду, – взвел оба курка и словно кошка двинулся в обход пригорка.

Обойдя несколько крупных валунов и десятков вековых сосен, он увидел обрамленную густым мхом зияющую пасть пещеры. Перед ней располагалась освещенная солнцем полянка, вполне ровная и удобная для предстоящего боя со Змеем, если тот на него отважится. Прямо от входа в обход скалистой возвышенности шла еле приметная тропинка, ведущая к дороге, а примерно в пяти метрах, напротив, кустился густой орешник вокруг небольшой ямы, оставшаяся от корневища поваленной ветром сосны, образуя вполне подходящий наблюдательный пункт. Впрочем, он, видимо, тут ранее и находился, если судить по сломанным веткам, пустым бутылкам и прочему сору, сопутствующему пребыванию человека на природе.

Николай знаками подозвал к себе Ивана.

– Сиди тут, – указал на густой орешник.

– Ага, – кивнул тот, протягивая руку за ружьем.

– Так сиди. Наблюдай. Кричи, если что, – изменил воин на ходу разработанный план действий, явно не желая расставаться с оружием, наполнявшим его романтическим, воинственным духом, – Я скоро.

Он двинулся в обход полянки, скрываясь в тени обрамляющих её сосен, внимательно осматривая по пути все кочки и ямки. Дошёл до возвышенности, легко взлетел на вершину, сверкая на солнце своими белоснежными кроссовками, осмотрел с неё окрестности, спустился с противоположной стороны и проследовал тропой от дороги до выставленного в кустах секретета.

– Никого нет, – сообщил Ивану.

– Кому ж тут быть? Ясно дело.

– Ну, тогда, я пошёл. Давай ватник.

Мужик, нехотя, стянул с себя привычную, теплую вещь, переложил из неё в карманы штанов все пять пачек сигарет и протянул Николаю.

– Шибко не пачкай.

– Патроны, – указал тот на пояс.

Иван снял и его. Добрый молодец перекинул ремень через голову коробочкой под правую руку, сверху надел на себя ватник.

– Так, – молвил, – фонарик у меня есть. Патроны есть. Время? – посмотрел на часы, – Четырнадцать сорок три. Жди минут тридцать. Если не выйду... – поморщился, подбирая нужное слово, – Ну, сам знаешь, – видимо, не нашёл, – Пошёл я, – махнул рукой и двинулся к пещере.

– Не пуха тебе, – шепнул в спину мужик.

– К черту. Дубину себе найди, – бросил молодец через плечо.

У самого входа он остановился, повел носом, тихо выругался и, держа фонарик в левой руке, а ружье со взведенными курками в правой, осторожно ступая, медленно погрузился во мрак.

* * *

Нужный камень Николай нашёл почти сразу. Действительно в десяти метрах от входа, справа, оказался большой плоский валун удобный для сидения. В нём даже обнаружилась специальная неглубокая выемка весьма подходящая под соответствующую естественную округлость человеческого тела.

Подстелив под себя телогрейку, парень сел, обвёл сводчатое помещение придирчивым взглядом, глянув в сторону выхода, положил ружье на колени и прислушался. Но ничего не услышал. Тишина окружила его со всех сторон. Легкой поступью она подкралась к нему сзади, склонилась над ним, надавила на плечи, слегка подула в висок и мягко опрокинула в какую-то чёрную пустоту. Дыхание перехватило. Руки и ноги оледенели. Тело сковала мёртвая неподвижность и над самой головой, несколько в отдалении, сухо и отчужденно, зазвучали, словно из старого репродуктора, два скрипучих голоса каких-то механических, неопределённой принадлежности существ.

– Посмотри, какой глупый. Пришёл, сел и что нам теперь с ним делать? – спросил первый.

– Да, он глуп. Впрочем, как и всё они. Но в нём много энергии, – ответил второй.

– Думаешь, он, может быть, нам чем-то полезен?

– Я вижу в нём хороший потенциал. Надо его использовать.

– Как?

– Пускай строит. Пускай много строит. Они все должны жить в больших городах. Так легче нам будет управлять ими. Чем больше город, тем лучше.

– Но он ничего не умеет.

– Он быстро научится. Активируй его и веди.

– Но у меня уже есть много таких, как он. Зачем мне ещё этот?

– Если этого правильно направлять, то он может опередить их всех. Посмотри, сколько в нём скрытой энергии.

– Да. Вижу. Хорошо.

– Пускай они между собой дерутся. Сталкивай их. Пускай они соревнуются, кто из них лучше. Чем больше они будут между собой драться, тем быстрее мы сможем достичь нашей цели. Они сами себя уничтожат. Песка и извести нам не жалко. В большой массе они быстрее тупеют. Чем больше у них техники, тем слабее они становятся. Когда ни окончательно превратятся в обезьян, мы очистим от них планету. Они нам здесь не нужны. Отпускай его. Пускай идёт. Пускай строит.

* * *

Все отведенные для ожидания тридцать минут Иван высидел, как и договаривались, в положенном месте под кустом орешника в обнимку с корявой, березовой дубиной, обнаруженной за ближайшими кочками, терпеливо давя комаров и слегка поеживаясь от пробирающего в тени прохладного воздуха. Из своего зеленого укрытия он хорошо видел черный провал входа, всю залитую солнцем лужайку и тропочку, ведущую к дороге. Поэтому сильно удивился, когда на двадцатой минуте пристального наблюдения из грота неожиданно выглянул маленький человечек с большой головой, широким лицом какого-то бурого цвета, непонятно во что одетый, ни на кого не похожий, и, как мужику показалось, с выпученными, круглыми глазами и ртом, сильно напоминающим рыбий. Только на одно мгновение он показался в черном проеме, тут же развернулся и сразу исчез в темноте.

Иван потряс головой, сгоняя наваждение, протер глаза и уставился на то место, где только что предстало перед ним странное явление.

«Неужели малец нас догнал? – промелькнула в голове мысль, – Так, вроде, не похож на него... Тогда, кто это?»

Минут пять он размышлял на эту тему, перебирая в голове возможные варианты. Но ни один из них не удовлетворял вразумительностью объяснения.

«Ладно. Колька, знает. Не мог же Колька его не видеть? У меня-то с головой всё нормально. Я даже не пил сегодня», – решил мужик, вышел из своего укрытия и, держа дубину наперевес, осторожно приблизился к гроту. Но не решился заглянуть в чёрный проем. Присел возле самого входа, прислонившись спиной к холодному камню.

Прошло ещё минут пять. Иван сидел, внимательно прислушиваясь к тишине, царящей внутри подземелья. Но там ничего не происходило. От этого становилось очень страшно. Сильно захотелось бросить дубину и убежать. Но осознание того, что Колька останется один, не позволило двинуться с места. Он чувствовал, что там, в тёмной глубине, творится что-то недоброе. Неспроста выглянул этот странный, маленький человечек. Возможно, сейчас парню нужна его помощь. Но он не находил в себе сил подняться, как не находил их, хотя бы для того, чтобы просто окликнуть его снаружи. Страх сковал ноги, приморозил спину к каменному основанию и превратил пальцы в деревянные сучки, охватывающие основание березовой дубины. Все существо его охватило жуткое предчувствие ужасной гибели. Откуда-то из глубины сознания пришло понимание того, что стоит ему только проявить себя, обнаружить, как пещера моментально засосет в себя, как в прошлый раз, но теперь уже безвозвратно.

Как долго сидел Иван, преодолевая в себе страх, стыд и боль, он не заметил. Только постепенно холодный камень отпустил спину, и в голове появилась мысль о том, что прошло уже достаточно много времени и пора начинать что-то делать.

«Уснул он там, что ли?» – подумал мужик, встал на четвереньки и осторожно заглянул внутрь грота. Первое что он почувствовал, это крепкий запах бурно разлагающихся на воздухе экскрементов.

«Обделался он там, что ли?» – мелькнуло в голове.

– Эй, ты, там, жив, или как? – прошептал он в темноту.

Никто ему не ответил. Только несколько темно-зеленых, навозных мух поднялись в воздух с ближайшей, оформленной в виде большого кренделя, кучи и гулко прошли мимо.

– Э, как... – молвил мужик, медленно поднимаясь на ноги и обозревая широкую полосу похожих куч, уходящую вглубь подземелья, покрывающих не только ровные участки земли, но и широкие верхушки угловатых камней, – Да, тут, я погляжу, наследили... И когда же это они успели? Такого тут не было. Да, кто же это так наделал?

Обилие следов жизнедеятельности некоего большого организма заинтересовало его гораздо больше, чем долгое отсутствие Кольки. Не может же один человек столько сотворить, да ещё за такой довольно короткий срок? Тут явно поработала целая бригада. Но зачем? И как теперь тут можно пройти, не запачкавшись? Ступить же некуда!

– Эй, ты, тут? – смелее уже крикнул в темноту.

Но снова никто не отозвался.

Пошарив в карманах штанов, Иван извлек прихваченную, одноразовую зажигалку, засветил и вытянул вперед руку. Но слабый огонек пламени с трудом раздвигал тьму, не в силах пробиться глубже, чем на полметра. Пришлось пойти поискать что-нибудь посуше и посущественнее.

Со своего наблюдательного пункта он принёс пустую пластиковую бутылку, поджёг её и бросил в глубину подземелья. Летящий огонь высветил угловатые, уходящие вглубь каменные своды и закутанную в ватник человеческую фигуру, неподвижно сидящую, видимо, на том самом камне, чуть далее десяти метров от входа. Сложив ружье на колени, она опустила голову на грудь и казалась спящей.

– Во, как! Сидит, дрыхнет! – гулко прокатился голос Ивана. От бывшего страха не осталось и следа. Он словно исчез, выжженный яркими языками пожирающего пластик пламени, – А, ну, вставай! На поезд опоздаешь! Вояка, твою мать, – бросил небольшой камень. Тот мягко шлепнул спящего в левое плечо.

– А? Что? – встрепенулся молодец, словно пробуждаясь, и с удивлением обозревая окружающую темноту, – Где я? Кто тут? Куда? Почему? – соскочил с камня.

– Вставай, говорю, – повторил мужик в темноту.

– Я, что, спал? – отозвался голос охотника на динозавров.

– Дрых, как сурок. Выходи, давай, соня.

– Чёрт! – выругался воин в глубине грота, – Быть не может. Неужели спал? Да, нет. Врёшь.

Не спал я.

– Ага. Как же! Песни пел и плясал, – усмехнулся напарник.

– Не спал, я говорю, – с явным раздражением возразил Колька и двинулся к выходу. Но, ступив в первую, подвернувшуюся под ногу кучу, растерянно заскользил по ней. Дабы удержаться в равновесии, отпустил цевье ружья и схватился рукой за каменный выступ. Тяжелый ствол перевесил, ударился в темноте о камень. Он резко дернул его на себя. Пальцы руки рефлекторно сжались. Указательный спустил ближний курок. Прогремел раскатистый выстрел. Картечь кучно ударила в пол каменного свода. Острые осколки со свинцовыми шариками рикошетом засвистела над головой. Он пригнулся, едва не выронив оружие. Переступил ногой в сторону и тут же вляпался во вторую кучу. Вдохнул резко поднявшийся сильный запах, осознал, что это, отпрянул в бок и влетел в следующую. Громко выругался, зацепил стволом другой камень, снова дернул на себя. Второй заряд полыхнул чуть ли не под самые ноги. Он подпрыгнул, приземлился всем могучим своим весом на массы расположенные рядом и ринулся прочь, топчась без разбора всё, что отделяло его от яркого света.

Когда он выскочил на освещенную солнцем полянку, то имел настолько растерянный вид, что Иван не удержался от смеха. Тыча пальцем в его некогда белоснежные кроссовки, от бывшего великолепия которых не оставалось больше никакого следа, он только и мог вымолвить:

– Ну, ты, и вляпался... Ха-ха-ха!..

– А-а! – смертельно раненым зверем завопил Николай на весь лес, глядя на образовавшиеся на ногах толстые лапти отвратительного буровато-коричневого цвета, – Сволочь! А-а! – развернулся и вlepил изнемогающему от смеха мужику мощный удар кулаком в лицо, – Ржёшь! Смешно! Получи!

Иван отлетел в сторону, упал на землю, замолк, приподнялся, ошалело потряхнул головой, и, держась правой рукой за глаз, произнес:

– Ты, это, чего?.. Совсем, что ли, того?..

– Ржёшь? Смешно? Тебе смешно! Над кем ржёшь, гад? Сдохни, – вскинул парень ружье, взвел курки и решительно спустил их.

Но выстрела не последовало. Оба заряда уже своё отработали.

– А-а! – вновь огласил он окрестности яростным воплем, отбрасывая в сторону бесполезное оружие, – Заманил! Подставил! – бросился на Ивана, – Я тебе покажу, гад, как ржать! Я тебе покажу Змея! – схватил его двумя руками за горло и начал душить, – Будешь знать, как прикалываться! – начал приговаривать, в неистовстве колотя того головой о землю, – Сдохни, скотина!

По всей видимости, принял бы мужик свою смерть на том самом месте, если бы не прозвучала за спиной душителя зычная команда:

– Стоять!

* * *

Как обухом по голове обрушилась на Николая прогремевшая сзади команда.

«Что это я делаю?» – словно просветлело у него сознание.

Он отпустил Ивана, встал с него и с видом полного недоумения относительно того, что тут происходит, отошёл в сторону, растерянно хлопая глазами на толстого капитана милиции, стремительно приближающего к ним по тропинке со стороны дороги.

– Стоять, я сказал, – вновь повторил тот, отрезая дерущихся от брошенного ружья, – Что тут происходит!?

– Ваня! Ванечка!? Что с тобой? – выбежала из-за представителя закона Клара, стремительно подскочила к лежащему на земле мужу, схватила его руками за голову, приподняла, прижала к своей груди, – Ты, жив? Жив! Слава, тебе, Господи! Что он с тобой сделал? Что у тебя с лицом? Куда он тебя ударил? – градом посыпались вопросы, – Что тут у вас случилось? Кто стрелял?

Иван усиленно кашлял и ничего толком пояснить не мог, кроме бесконечного:

– Ну, дурак-то, ведь, ну, дурак... Я, думал, он, человек, а он... ну, дурак...

– Я, что? Я – ничего, – в полном смущении разводил руками добрый молодец, – Я ничего такого не делал. Я только... вышел... а он... того... А я – ничего.

– Я видел это ничего, – грозно произнёс капитан, – Кто стрелял? Он стрелял? – кивнул головой на мужика.

– Я не знаю... Я только вышел... Ничего такого... – повторял Николай.

– Так, он или не он? – надвинулся на него блюститель порядка.

– Да, нет, вроде... – совсем сник богатырь земли русской, видя, как на полянку вышел второй милиционер с автоматом в руке.

– Вроде зарыли в огороде. Он стрелял? – кивнул офицер головой на мужика, – Вижу, что он, – не дал что-либо возразить, – Значит, так: он стрелял, не попал, ты, ружье отнял, провалил на землю и... – попытался он подобрать нужное слово, – задержал в общем. Пресек, можно сказать, преступное посягательство. Правильно, я говорю? – вперился в ошарашенного душителя буравчики свои черных глаз.

– Да... вроде... – согласно промычал тот.

– Так. Иначе и быть не может, – с полной уверенностью в голосе заключил капитан, – Иначе выходит, что, ты, его душил. Убить пытался. А зачем, тебе, его душить?

– Я не душил, – отрицательно замотал головой воспрямивший духом молодец, – Зачем мне его душить? Он же мой друг.

– Видал я, какой он, тебе, друг, – обозрел его служитель закона и, оценив, что ситуация, вполне, находится у него под контролем, поднял с земли ружье, – Что это у тебя на ногах? Дерьмо, что ли? Ты, там, что, дерьмо топтал? – усмехнулся, передавая двустволку сержанту, стоявшему возле тропинки и молча наблюдавшему происходящее, опершись спиной на широкий сосновый ствол, уносивший крону куда-то далеко ввысь.

– Да. Вляпался, вот, – густо покраснел Николай, – Зашёл в грот, а там по самое горло.

– Конечно. А зачем шёл? Экзотики захотелось? Туда мужики наши специально ходить повадились, – пояснил милиционер, – После того, как, вот он, Змея своего там увидел. Врёт, конечно. Померещилось ему с перепоя. Но народ-то у нас простой. Народ у нас вообще во всякие глупости легко может поверить. Чем больше глупость, тем легче верит. Прибежали тут ко мне: дай, говорят, мину. Какую, вам, ещё мину? – спрашиваю, – Очумели! Как же, говорят, вдруг, Змей выползет?

– Кто? Кто прибежал? – откашлявшись, заинтересовался с земли Иван.

– Дружок, твой, прибежал, Санёк. Пьянь перекатная. Говорил, ему, не пей много, черти будут мерещиться. Вот, тебе, и пожалуйста, – презрительно сплюнул на землю капитан, – Как работы не стало, совсем у всех крыши поехали. Мину им подавай. Откуда у меня мина? Где я её возьму? Сами, говорю, минировать, чем можете. Вот они и заминировали. Как смогли. Каждый день на мотоциклах приезжают минировать. Видал, как заминировали? Теперь сразу видно, что за Змей выполз оттуда, – хихикнул в круглый кулак, – Тебя туда, зачем понесло? Чего, ты, там, в этой дыре, не видел? Не видел, что ли, что там... заминировано?

– Видал. Прошёл осторожно. По камням. А обратно, вот, вляпался. А он – смеяться, – кивнул парень в сторону приходящего в себя мужика, чувствуя, как вновь начинает медленно закипать, – Меня задело. Я разозлился. Ну, и того...

– Чего того? Вроде как, выяснили всё, – резко прервал признание офицер, – Ты вышел. Он на тебя напал. Так ведь? Деньги хотел отнять, да? Так оно было? – склонился над Иваном, – Что, не получилось? Парень-то оказался сильнее, чем, ты, думал.

– Какие деньги? Зачем деньги? Это он меня первый ударил, гад, – попытался тот что-то объяснить.

– Конечно, ударил. Нужно же ему было защищаться. Вот и ударил. А то, как же? – тоном, не терпящим никаких возражений, заявил служитель закона, – Знаем мы, вас, оборотов. Сперва заманите в тихо место, а потом того... Ружье зачем прихватил? Думал, мол, кто приежжего искать будет?

– Да, что, ты, такое говоришь, Михалыч?! Как, тебе, не стыдно! Ты же Ваню знаешь! – возмутилась Клара, поднимая на ноги мужа, – Как только у тебя язык поворачивается, говорить такое! Совсем, что ли, того? Ты, что, не видел, что тут было? Как этот бугай Ваню бил. Погляди, какой у него синяк! Прямо под глазом. Не видел, что ли?!

– Ладно, ладно. Видал. Всё видел. Не кричи. Разберемся, – тут же сдал капитан назад, – На то мы тут и поставлены, чтобы во всем разбираться, – повернулся спиной к женщине, пересекая дальнейшее выяснений с ней отношений, – И, нафига, мы её только по дороге с собой взяли, – сдержанно бросил сержанту, – Говорил, тебе, не бери. Нет, остановился. Ладно, – вновь повернулся лицом к мужикам, – Давай, собирайтесь, поехали. И, ты, дерьмотоп, то же. С нами поедешь. Только ноги оботри. Не хватало мне ещё, чтобы, ты, машину ногами своими изгваздал. Измажешь, сам отмывать будешь. Понял? Патроны сюда давай, – указал толстым пальцем на висевший на груди патронташ.

Последнее властное распоряжение, адресованное Николаю и произнесенное столь уничижительным тоном, снова всколыхнуло в нем откатившуюся, было, волну негодования. Внезапно обрушившееся на него потрясение, глупая гибель фирменной, дорогой вещи, наглое поведение самодовольного недоумка в капитанском мундире, неловкое чувство вины перед Иваном – все разом навалилось на возбужденное сознание и погрузило его в то сумеречное состояние, когда он уже слабо мог контролировать свои действия. С внезапным криком: «А ну, его всё на фиг!», – он рухнул на землю, стянул с себя обе кроссовки, и, вскочив на ноги, зафигтелил их в глубокую даль леса, простирающегося за густыми зарослями орешника. После чего скинул ватник, сорвал с себя кожаный ремень с патронами и швырнул его милиционеру.

– На, забирай. Ничего не надо. Пошли все в задницу! – выкрикнул, и как-то сразу весь сник, словно вышла из него последняя, оставшаяся от бывшего гнева, вибрация.

– Ты, это мне тут, не очень, – пригрозил капитан, ловя патронташ, но, видя, что всё, вроде как, закончилось, добавил, – Будешь орать, враз успокою, – явно намекая, на висящую у него на ремне увесистую, резиновую дубинку.

– Это же так зачем? – удивленно уставился Иван на своего внезапно ополоумевшего партнёра, – Это же, ты, их куда? Не надо, тебе, их, что ли, да? Выбросил?!

– Вот, дурак, какой! – воскликнула Клара, отряхивая своего мужа от налипших на него сухих сосновых иголок, – Видали, как он на людей бросается. Видали, как он вещами швыряется. А мы думали, человек хороший. В дом пустили. Чаем напоили. Дружка его в доме оставили. Такой же, видать, дружок у него, как и он сам. Сумасшедший. А мы его в доме оставили, – вспомнила, вдруг, – С детьми! – ужаснулась, – Ой, что же мы, тут, стоим! – представила, что может случиться, – К дому надо вертаться скорее! Дети у меня там одни оставлены. Что же это мы тут стоим! Поехали скорее!

– Действительно, – согласился с ней офицер, – Ну, что? Все, вроде как, целы? Поехали отсюда. У меня ещё дел много. Давай, мужики, в машину. Пошли.

– Погоди. Не оставлять же их тут, – возразил Иван, указывая в сторону леса.

– Кого? – недоуменно взглянул на него капитан.

– Обувку, – кивнул мужик на разутого парня.

– Ты, что, полезешь за ней, что ли? – удивилась женщина.

– Если кому не надо, то мне сгодиться, – заметил хозяйственный мужик.

– А, ну, живо в машину! – скомандовал старший милиционер, – Стану я тут ждать, пока ты будешь по лесу бегать.

– А, ты, не кричи. Не дома, – осадил его Иван, вполне оправившийся от непредвиденных потрясений. Поднял с земли брошенный ватник и добавил, – Можешь ехать. Мы пешком дойдем. Ружье, между прочим, моё. И патронташ мне отдай, – протянул руку к стоявшему рядом капитану, – Клавка, возьми у него патронташ.

– Я, тебе, покажу, возьми! Куда это возьми? Куда это, ты, собрался! – налетела на него жена, – Живо домой поехали! – и чуть ли не кулаками погнала мужика к стоявшей на дороге машине, едва ли не под аплодисменты присутствующих.

* * *

До дома доехали на милицейском, служебным Уазике быстро и без происшествий.

Дети уже отобедали и гуляли во дворе.

Дмитрий Кириллович терпеливо ожидал на кухне возле окна, на том самом высоком табурете, куда его определила хозяйка в самом начале.

Ввалились шумно и все вместе. Можно сказать, одной кучей. Просто удивительно, как взрослые и дети сумели одновременно пролезть через дверной проём. Последним гордо вошёл Николай и, протиснувшись через толпу детей, пробрался к своему другу.

– Как сходили? – тихо поинтересовался тот.

– Никак, – сбросил через губу товарищ.

– Зачем разулся? Тут и так грязно.

– Так просто. Жарко. Ноги вспотели.

– Понятно. Бывает.

Пока хозяйка выносила во двор пищевые отходы, попутно проверяя всё ли в доме в порядке, участковый без приглашения, уселся за стол, разгреб в стороны грязную посуду, оставленную детьми после обеда, положил перед собой свою черную, кожаную папку, расстегнул, извлек какую-то бумагу и, держа её в руке, повернулся к Ивану:

– Садись, – указал на рядом стоящий стул, – Рассказывай.

– Чего? – присел тот, опережая Петьку, – Чего рассказывать?

- Рассказывай, как церковь ограбил, – неожиданно выдал милиционер.
- Покачай, покачай! – тут же налип ему на ногу шаловливый Васька.
- Чего? – удивился вопросу мужик.
- Чего, чего? – передразнил его капитан, пытаясь содрать малыша с ноги свободной рукой, – Чего, вот, ты, вчера в церкви делал?
- Сам же сказал: зайди, зайди. Вот, я и зашёл, – пояснил Иван.
- Когда? – отцепил смеющегося малыша участковый.
- Получил комбикорма и зашёл. А что? – вырвал хозяин заварочный чайник из рук Таньки, плеснул себе в ближайшую стоявшую на столе чашку остатки слитой заварки, и захотел было её выпить, но не успел. Дочка схватила чашку, и с криком: «моё, моё», убежала из кухни в комнату.
- Точнее. Во сколько зашёл? – оттеснил от себя милиционер навязчивого Ваську, не желающего так просто сдаваться.
- Вечером. Когда же ещё? Как комбикорм получил, так сразу и зашёл, – уточнил мужик, наливая остатки кипятка из чайника во вторую чашку.
- И что, ты, там делал? – усердно отпихивался одной рукой участковый от разыгравшегося ребенка.
- Да ничего. Поговорил с попом и ушёл. Ты, конкретно, Михалыч, говори, что случилось, – глотнул, наконец, холодной воды хозяин дома.
- Церковь вчера ограбили. В Сенцах. Говорят – ты, – выдал блюститель порядка шокирующую новость.
- Я?! – выпучил глаза Иван, – Когда?
- Вчера. Вчера, Ваня, – тоном, преисполненным глубокого сожаления, пояснил капитан, – Как раз в то время, когда, ты, в ней находился. Ты, дурачку из себя не разыгрывай. Вещи ворованные куда спрятал?
- Какие ещё ворованные вещи!? – вошла с улицы Клара с пустой миской в руке, моментально переменяясь в лице, – Вещи все вон там, в кладовке стоят. Так это вот их вещи, – кивнула на гостей, проявляющих явное беспокойство по поводу своего дальнейшего нахождения в этом доме, – Они их принесли. А больше мы никаких вещей не знаем, и не видели.
- Да. Это наши вещи, – подтвердил Николай, – Разрешите, мы их возьмем и пойдём. Мы на электричку опоздаем.
- Когда отпущу, тогда и пойдёте, – пригвоздил их к месту участковый, – Клара уведи детей на улицу! Говорить невозможно. Толик, веди понятных. Сейчас разберемся, чьи у вас тут вещи находятся.
- Сержант поспешно вышел.
- Нет, ты, поясни, какие, ещё, такие вещи ворованные? Что это, ты, ещё, решил искать в моём доме? – надвинулась на участкового хозяйка, – Что это вообще тут такое происходит сегодня? То, ты, Ваньку, чёрт знает в чём, в лесу обвиняешь. То, теперь, какие-то вещи ворованные у нас ищешь. А ну, говори, что такое тут происходит!
- Ты, Клара, не горячись! – гаркнул на неё милиционер, перекрывая общий, поднявшийся в доме шум, – Детей сперва уведи. Потом говорить будем. Голова от них затрещала.
- Женщина звонко хлопнула в ладоши, детский шум моментально стих.
- Котя, идите играть на улицу, – произнесла очень сдержанным тоном, – Быстро! Детей как ветром сдуло. Даже звонкого Ваську.
- Давай, Михалыч, рассказывай, – подсела многодетная мать к участковому с другой стороны от мужа, – Что у тебя там случилось?
- Церковь вчера в Сенцах ограбили, – кратко пояснил он, – Икону Богородицы в золотом окладе с алтаря увели. Отец Никон говорит, поговорил с ним, на минуту к себе зашёл, выхожу, хлоп, а иконы нету. Пропала. Что, ты, на это скажешь?

- И причём тут Ваня?
- Вот и мне хотелось бы знать, что он там вчера делал? Можете мне пояснить? – милиционер откинулся на спинку стула в ожидании ответа.
- Ты же сам его за комбикормами позвал зайти, – напомнила Клара.
- Ну, позвал. Сказал, что их привезут. Что же я ему церковь после этого велел грабить, что ли? – возразил участковый.
- А он и не грабил! С чего это, ты, взял, что он грабил? Чего это, ты, на него всё валишь. Народу в Сенцах мало? Чего это, ты, до него всё цепляешься? Ведь, не грабил, Ваня? Не грабил? – с надеждой в голосе обратилась к мужику жена.
- Не грабил, – уверенно подтвердил тот.
- Вот, видишь. Не грабил, – с явным облегчением заключила женщина, – Чего тебе ещё надо?
- Ничего. Только проверю это и всё. Больше ничего, – согласился Михалыч.
- Проверил? – воткнула себе руки в бока хозяйка.
- Нет ещё. Но сейчас проверю. Сам икону выдашь или обыск у тебя делать? – смерил мужика пронзительным взглядом блюститель закона.
- Обыск? У нас? Совсем очумел? – вскочила хозяйка со стула, – Искать больше негде?
- Вот мы сейчас и посмотрим, есть, где искать или негде, – вскочил следом милиционер, видя, как в дом входит сержант, а следом за ним соседка баба Тоня, пенсионерка благообразного вида, и продавщица местного магазина Прасковья Петровна, по случаю официального выхода из дома накинувшая на свои дородные телеса ярко зеленый, осенний плащ, – Проходите, проходите, – махнул им рукой, – Свидетелями будете. Вот, – потряс бумажкой, что всё время держал в руке, – Постановление на обыск. Печать. Подпись. Всё, как положено.
- Да, свидетелями будете, как этот вот, паразит, моего Ваньку оклеветывает, – выскочила им навстречу Клава, – Это же надо себе такое придумать. Это же и представить себе невозможно, в чём Ваньку моего обвинил. Искать он у нас вздумал. У нас! Искать больше негде! Совсем совесть свою потерял.
- Ты, не кричи! – цыкнул на неё капитан, – Нечего на меня кричать. Порядок соблюдать надо. Положено проверить, значит надо проверить. Будешь постановление читать? Не будешь? Хочешь – читай. Не хочешь, не читай. Давай сюда, Ваня, показывай, с чем, ты, вчера ходил? Где оно у тебя?
- Что? – недоуменно захлопал мужик глазами.
- То, в чём, ты, вчера комбикорма носил? Мешок, где стоит? – уточнил участковый.
- А, мешок... В чулане, – махнул рукой хозяин.
- Иди, показывай, – пригласил его милиционер, – Давай. Где у тебя чулан?
- А, ты, не знаешь! – всплеснула руками Клара, – Иди и смотри, – выскочила вперёд всех в сени, – Давай, позорь нас среди людей. Вот он у нас, где чулан, – подбежала к двери, распахнула её, – Заходите, смотрите! Вот он мешок, – зашла внутрь и подскочила к стоящему в углу мешку, – Вот они комбикорма. Смотрите. Где тут твоя икона, – развязала, раскрыла, – На-те копайте, – отошла в сторону.
- Ничего, покопаем, – заметил капитан, протискиваясь следом, – Работа у нас такая, копать, – засучил рукав, запустил руку внутрь мешка, – Ну-ка, ну-ка, – нащупал что-то, потянул и словно фокусник вытащил из глубины гранулированного пахучего месива прямоугольную старую икону в золотом окладе, – Вот она, – поднял у себя над головой, так чтобы видели все, кто остался стоять у двери, – А, ты, говорила, нет! Вот она!
- Господи! Да, как же это! – всплеснула руками баба Тоня.
- Вот это, да! – заметила Прасковья Петровна.
- Ах! – только и вырвалось из груди Клары, – Откуда это?

– Оттуда. Не видела? Из мешка твоего. Что ж, ты, Ванька, творишь-то такое? – сочувственно произнес Михалыч, – То тебе Змеи всякие в пещерах мерещатся, то, ты, иконы из церкви начинаешь тащить. На что она тебе? Ты же её продать толком и то не сумеешь.

– Не брал я! – завопил Иван, – Быть этого не может.

– Как же не может. Вот она, полюбуйся. В мешке твоём оказалась. Эх, Ваня, надоело мне возиться с тобой. Совсем, ты, никаких слов не понимаешь, – сокрушенно посетовал участковый, – Ладно, будет у тебя время, посидеть, подумать. Пошли, протокол оформлять будем.

* * *

Пока Михалыч оформлял протокол результатов обыска, Клара сидела с лицом бледнее полотна, словно оглушенная, и без конца повторяла:

– Да, как же это может такое быть? Ваня, да, скажи, ты, им, что не брал!

– Не бал я, – неизменно повторял тот.

Икона лежала прямо перед ними на столе, среди кучи грязной посуды, вся облепленная комочками комбикорма. Сержант стоял у дверей в сенях. Рядом с ним в проходе тихо переминались с ноги на ногу озадаченные случившимся понятые. Николай с Дмитрием Кирилловичем ютились возле окна, не находя себе места и толком не понимая, что тут происходит. На их настойчивые просьбы отпустить их на электричку, участковый неизменно отвечал, что скоро и до них дело дойдет, пока же сидите, не суйтесь, а то живо окажетесь в отделении. Перспектива провести ночь в милиции не сильно радовала обоих незадачливых торговцев. Поэтому они сочли благоразумным не нарушать порядка проведения процессуальных, следственных действий, дабы не привлекать к себе лишнего внимания и без того озабоченного капитана, несмотря на то, что время прибытия долгожданного поезда неумолимо приближалось.

Наконец, местный шериф занес последнюю каракулю в протокол и предложил подписать его Ивану и понятым.

– Не смей, – неожиданно очнулась его жена, – Не смей подписывать эту гадость.

– Почему гадость? – возмутился участковый.

– Потому что это всё ложь и неправда, – заявила женщина.

– Вот тебе и раз. Ты же сама видела, где я её нашел, – указал Михалыч на икону.

– Мало ли, где, ты, её нашел. Ваня не мог её взять. Не мог, – стукнула она кулаком по столу.

– Мог, не мог, это уже не моё дело. Моё дело было найти. Я нашёл. Остальное пусть теперь другие решают. Кому это положено. Давайте бабоньки, ставьте свои подписи, – пригласил капитан понятых подойти к столу, – Вот тут, – указал одной, – И вот тут, – показал второй, – Подписывайтесь и можете идти. Свободны.

– Как же это, ты, Ваня, на самую Богородицу покусился? Ах, ты, изверг. Прости меня, Господи, – перекрестилась баба Тоня, – Детишек-то как жалко, – расписалась и чуть не плача вышла из дома.

– Дурак, – заключила Прасковья Петровна, – Дурак, он и есть – дурак, – поставила она свою размашистую подпись и удалилась с чувством честно выполненного долга.

– Извини, Ваня, придется мне тебя задержать. Уводи его в машину, – распорядился капитан.

– Арестовываешь? – переменилась в лице Клара, – А дети? А детей на кого?

– Не арестовываю, а задерживаю. Всего на трое суток, – пояснил милиционер, – Так положено. Понимаешь?

– А потом? – вскочила женщина на ноги.

– Суп с котом. Это уже не я решать буду, – как-то из под лобья, словно стыдясь самого себя, пояснил участковый, – Может, и отпустят, на подписку. Прокурор это решать будет. Чего зря, раньше времени, волноваться? Давай, Толик, веди его, оборота.

Анатолий махнул задержанному рукой, мол, пошли. Тот покорно поднялся и направился к выходу.

– Нет. Не пушу, – схватила его за рукав жена, – Ничего ещё не доказано. Не имеют права арестовывать. Садись.

– Клавдия, прекрати оказывать властям сопротивление, – укоризненно посмотрел на неё капитан, – Ну, что ты скандалишь. Сказано тебе, всего на трое суток. Обязан я это сделать. Понимаешь? Отойди в сторону. Не мешай. О детях лучше подумай. Всё. Прекрати.

Сопровождая свои действия подобными увещательными выражениями, Михалыч с грехом пополам вытолкал сержанта с задержанным из кухни на улицу. Клавдия устремилась за ними следом, но уже не столь активно выражая протест против произвола бездушных чиновников.

* * *

– Дурдом какой-то, – оценил происходящее Николай, оставшись со своим другом наедине.

– Ничего не понимаю, – признался тот.

– Уже иконы начинают переть из церквей.

– Мужик, вроде, нормальный был. Нафига ему эта икона?

– Мне сразу он не понравился. С этой его дурацкой историей про какого-то Змея.

– Зачем тогда с ним пошёл?

– Так просто. Скучно было сидеть.

– Может он её и не пёр.

– Тогда откуда она у него?

– Фиг знает. Может, подкинули.

– Зачем?

– Фиг знает.

– Чёрт, вот, влипли. Ещё на электричку опоздаем. Вообще писец будет. Где ночевать будем? На улице? – нервно заходил Николай по кухне.

– И что этому менту от нас нужно? Почему он нас не отпускает? – поинтересовался Дмитрий Кириллович.

– Хрен, его знает. Прибодался, что я этому паразиту в морду заехал.

– Так это, ты, ему глаз подсветил? За что?

– За всё. Лажа всё оказалась. Нет там ничего. Нет никакого Змея. Одно дерьмо кучами, – эмоционально пояснил рослый товарищ, – Все кроссовки измазал. Представляешь? Адидас! Всё. Напрочь. Урод. Придурак. Ещё и вором оказался.

– Что значит измазал?

– То и значит. В хлам. Полностью. Пришлось выкинуть. Там этого дерьма оказалось по самую крышу. Он меня в самое дерьмо сунул. Я его чуть не убил там, на месте, – неожиданно признался Николай.

Вернулся участковый. Молча прошёл, уселся на своё место, достал из папки чистый лист бумаги.

– Ну, давай, рассказывай, – кивнул головой рослому парню, тут же усевшемуся при его появлении на табурет.

– Что рассказывать?

– Всё рассказывай, – уточнил милиционер, – Как тут оказался? Зачем? Почему в лес пошёл? Ну, и так далее.

– Послушайте, уважаемый, – вклинился Дмитрий Кириллович, – Про всё рассказывать, времени не хватит. У нас электричка скоро уйдёт. Если мы на неё опоздаем, где нам тогда ночевать прикажете? На улице? А если с нами что-то случится? Кто отвечать будет?

– Значит, так, умник, давай, погуляй на улице. Будет надо, я, тебя, позову, – пресек его местный шериф, – Что сидишь, глазами хлопаешь? Пошёл вон, я сказал.

– Вы мне грубить не имеете право, – заметил Дмитрий Кириллович.

– Я сказал, вон пошёл. Будет он мне тут права качать, – гаркнул на него участковый, – Живо, давай, пошёл!

Пришлось маленькому человечку гордо удалиться.

– Ну, давай, рассказывай, – вновь обратился милиционер к Николаю.

– О чем?

– Дурочку из себя не строй. Заявление писать будешь?

– Какое?

– Такое. О том, что он пытался тебя ограбить в лесу. Забыл?

– Я что-то не очень вас понимаю. Кто, пытался меня ограбить?

– Иван. Ты, что совсем идиот, что ли? В общем, давай так, – доверительно склонился капитан к парню, – Ты мне сейчас быстренько пишешь заявление о том, что он пытался тебя, там, в лесу, ограбить и беги со своим малышом на электричку. Если нет, то я оформляю на тебя дело за покушение на убийство, и, ты, отправляешься ночевать в камеру. Как тебе такая перспективка? Давай, соображай быстрее. Поезд тебя ждать не будет. Ну, что? Будешь писать заявление?

– А нельзя сделать так, чтобы ни у кого, ни к кому не было бы никаких претензий, – одарил торговец блюстителя порядка обаятельной своей улыбкой, – Лично у меня к нему нет никаких претензий.

– Нельзя. Или, ты, пишешь или пишу я. Понял? Время пошло. У тебя три минуты на размышление. Вот бумага, вот ручка. А пока, ты, думаешь, я буду составлять протокол задержания. Посмотрим, кто из нас первым закончит свою писанину. Если ты, протокол твой. Если я – то можешь засунуть себе свое заявление. . . ну, ты, знаешь куда. Так что, давай. Думай, – заключил участковый и достал из своей кожаной папки второй листок, отпечатанный типографским способом и озаглавленный весьма страшно «Протокол предварительного задержания».

– Погодите писать, – остановил его Николай, – Не надо. Давайте все-таки договоримся. Разве мы не можем с вами договориться? Мы же разумные люди. Так ведь? Значит, мы всегда можем с вами договориться. Там же, в лесу, ничего невозможно было понять. Что, вы, могли видеть? Только то, как я сидел на нём сверху. И всё. Это же ничего не значит.

– Не будем мы ни о чем договариваться. Я тебе всё сказал. Дальше, решай сам. «На договариваться», у меня времени нет. Мне через пять минут нужно ехать. С тобой или без тебя. Понял? – капитан вынул из своей папки вторую авторучку, – Будешь писать?

– А если этот на меня потом заяву накает? Что я его того? Избивал? Тогда что? – поделился своими опасениями торговец.

– Не накает. Не бойся. А накает, так, кто ему поверит? Ему всё одно – крышка. Видал, какой ворюга оказался. С ним кончено. Он спалился, – с глубоким сожалением молвил Михайлыч и, не обращая больше внимания на собеседника, стал медленно выводить на длинных черных строчках большие, круглые буквы, – Ну, что завис? – глянул буравчиками черных глаз на нерешительного Николая, – Пиши, давай.

«Вот, блин, попал, – пронеслось у того в мозгу, – Этот точно засадит меня за решетку. На ровном месте. Можно сказать, ни за что. И что делать? Надо же что-то делать. Надо же как-то его остановить. Наехал на меня, как бульдозер. Заяву пиши. А что я ему напишу? Одна лажа

кругом. Что писать? Но надо же что-то писать. Писать, или не писать? Если не писать, то... он точно меня засадит. Во, как застрочил. А мне что писать? То чего не было или то, что могло быть? Да, кто я ему такой! Да, пошёл он к чертовой матери, чтобы из-за него так париться. Я из-за него все кроссовки в дерьме вымазал. Они сколько денег стоят? Ты их ещё достань, побегай! Теперь босиком по земле шлепаю. В белых носках. Как дурак. Да, за одно это, его на месте убить надо. Что это, если не грабеж, спрашивается? Конечно – грабеж. Ещё какой грабеж! Такая подстава! Знал же, что я кроссовки после этого выброшу. Вот меня и подставил. И что мне его выгораживать? Да, пошёл он к чёртовой матери!»

На этой мысли рука Николая быстро застрочила по белому листу бумаги ровными строчками, как из пишущей машинки. Он заявил, что некий, случайный прохожий, назвавшийся Иваном, предложил показать ему логово живого динозавра. Он согласился. Они прошли в лес. Там Иван показал на пещеру и предложил зайти в неё. Он зашёл, а Иван остался снаружи. В пещере оказалось очень грязно. Но Иван об этом не предупредил. Поэтому он сильно измазал свои дорогие, импортные кроссовки, которые пришлось тут же выбросить. На это Иван и рассчитывал. Таким образом, он его ограбил.

– Всё. На, – протянул листок милиционеру.

Тот взял, пробежал глазами короткие строчки и, вернув заявление обратно автору, произнес:

– Пиши, ниже, – ткнул пальцем в конец текста, – Кроме того, когда я вышел из пещеры Иван наставил на меня ружье и потребовал отдать ему деньги, – Написал?

Николай дополнил. Капитан прочитал и остался довольным написанным.

– Так. Дальше пиши, – снова вернул листок заявителю, – Поэтому я отнял у него ружье. В процессе борьбы произошло два выстрела. Я повалил Ивана на землю. В этот момент появились сотрудники милиции, которые его задержали. Всё? Написал? Так, – снова проверил, – Далее: на основании изложенного прошу возбудить уголовное дело и привлечь виновного к уголовной ответственности за разбой. Написал? Хорошо. Ставь число и подпись, – парень послушно расписался, – Всё, – забрал заявление и спрятал в свою кожаную папку, – Ну, вот и молодец. Давно бы так. Теперь быстренько составим объяснение, и будешь свободен, как сопля в полете. Паспорт сюда давай.

* * *

Формальности много времени у опытного милиционера не заняли, и, спустя минут десять, забрав из кладовки свои полосатые сумки, незадачливые торговцы уже спешили к железнодорожной станции, пытаясь нагнать упущенное время.

Шли быстро и молча, почти бежали. Николай, то и дело, ругался, наступая разутой ногой в холодную слякоть, или напарываясь на острый, торчащий из земли камень. Несмотря на то, что сумки стали существенно легче своего первоначального веса, они невероятно давили на плечи и всё время цеплялись за какие-нибудь ветки, словно нарочно мешая быстрому продвижению к спасительной электричке. Однако, успели. Только-только вскочили в вагон сквозь закрывающиеся двери.

– Ничего себе съездили, – оценил черную грязь на своих носках Николай, поудобнее устраиваясь на скамейке среди тучных пассажиров, обосновавшихся в этом купе.

– Поучительная прогулка, – согласился с ним Дмитрий Кириллович, скромно пристроившийся напротив.

– Из-за какого-то уroda вляпались в такое дерьмо. Всё. Хватит, – парень стянул с себя грязный промокший насквозь носок, – Хватит заниматься ерундой, – начал выкручивать из него воду прямо на пол, не стесняясь присутствующих, – Правильно, ты, тогда сказал, пора

браться за ум и выходить на серьезный уровень. Пока шли, я всё решил, – расправил носок и снова натянул его на ногу, – Займемся строительством.

– Чем?

– Стройкой, – тряхнул он своими кудрями, – Это же позитивно, – занялся вторым носком, – Это прибыльно, – снял его и начал выкручивать, – Наберём бригаду. Начнём брать подряды. Ты, видел, сколько у нас молдаван без дела шатаются? – расправил носок, брезгливо на него посмотрел, но одел на ногу, – Я это ещё там, в гроте, сообразил, – добавил, поморщившись, – Как можно всё это устроить, – посмотрел, куда можно поставить ноги, но ничего кроме большой, грязной лужи, набежавшей с носков, возле себя не обнаружил, – Чёрт, – оценил отсутствие чистого, сухого пространства, – Тут всё дело в цене, – критично обозрел сдержанно сидящих возле него пассажиров, – Пойдем отсюда, – поднялся с места, осторожно переступил лужу, взял поставленные в проход сумки, – Пойдем, вон, туда, – кивнул головой в другой конец вагона, заметив там свободное место, – Главное первоначально получить хорошую цену, – обернулся к своему маленькому напарнику, вставшему вслед за ним, – Если закрепим цену контрактом, то дальше уже дело техники.

– Слушай, Коля, а, ты, не хочешь сначала обсудить это с профессионалами? – поинтересовался его спутник, следуя за ним по проходу.

– А я, по-твоему, кто? – обернулся он на колкую, как ему показалось, реплику, – Думаешь, я мало, что тут понимаю? Ошибаешься. Я уже всё продумал. Как приедем, скинем это барахло, – качнул полосатыми сумками, – И начнём набирать команду. Ты, толковый договор сможешь составить?

– Я? – в удивлении остановился Дмитрий Кириллович.

– А то кто? Юриста нанимать будем? – одарил его сиятельной улыбкой напарник, устраниваясь на новом месте, где действительно оказалось больше свободного пространства в виду отсутствия у попутчиков излишнего багажа и телесной массы, – Что тут такого? Найди где-нибудь нормальный шаблон и составь, пока я буду команду собирать, – бесцеремонно приткнул сумки под окно вагона, поставив одну на другую, – Ты же сможешь. Это же, как раз по тебе. Ты, главное, пойми, что это совершенно другое дело. Это тебе не спекуляция мелким товаром. Это уже оборот. Перспектива. Масштаб. Хватит фигней заниматься. Хватит по мелочам размениваться. Брать дело, так стоящее. Всё, решено. Завтра же начну действовать. Работы предстоит много.

– Знаешь, Коля, мне почему-то так кажется, что, ты, там, в пещере, башкой стукнулся, – сдержанно заключил маленький человечек.

– Что, так, похоже? – удивился его рослый товарищ.

– Похоже, – сочувственно вздохнул малыш.

– Точно. Не думал, что, ты, об этом так быстро догадаешься. Неужели заметно?

– И очки надевать не надо.

– Ладно. Так и быть. Скажу. Но только тебе, – Николай подозрительно покосился на пассажиров, сидевших с ними вплотную, – Только, смотри, никому, – предупредил друга, сидящего напротив, доверительно склонился к нему и перешёл почти на шепот, – Там, в пещере со мной кое-что было. Ты, это правильно заметил: я не просто так решил бросить торговлю. Тут, знаешь ли, и объяснить это толком довольно сложно..., – задумался на минуту, словно подбирая нужные по выразительности слова, – В общем, я как вошёл туда, так сразу, как бы на поле оказался. В общем, на лугу. На зеленой траве. Стою, а прямо на меня девушка идёт. Тебе не передать какая. Я таких в жизни не видел. Обалденная в общем. Красавица. Подходит ко мне, прямо так, смело, обхватывает руками за шею и говорит, прямо в глаза: «Здравствуй, Коленька». Представляешь? «Как давно, – говорит, – Я тебя здесь ждала». Я офигел просто. Сказать ничего не смею. А она берет меня... в общем... в оборот, и мы с ней прямо там, понимаешь... того...

– Что переспали? – усмехнулся маленький собеседник.

– Ну, типа, этого... Офигенно было! Я такого... никогда не имел. Это было просто что-то... Тебе не передать... А потом, когда всё закончилось, она встаёт, берет меня за руку и говорит: «Пойдём». И тут мы с ней оказываемся на крыше высоченного небоскреба. «Посмотри, – говорит, – Как красиво. Узнаёшь город?» Я только головой мотнул. Типа: не узнаю. Слова вымолвить не смею. Дыхание перехватило. «Как же, ты, не узнаешь его? – рассмеялась она, – Вон, посмотри, здание университета на Воробьевых горах виднеется. Там Кремль. Это же Москва». И, правда, гляжу – Москва. Река синей лентой вьётся. Домишки маленькие вдоль улочек выстроились. Машинки, снуют, как игрушечные. Только дом этот, на крыше которого мы стоим, удивительный, не реальный какой-то. Я просто обалдел. «Нет в Москве дома такого», – говорю. «Конечно, нет, – смеется она, – Ты, же его построишь. Построишь, Коленька? Сможешь?» «Смогу», – отвечаю, а сам про себя думаю: «Какое, нафиг, смогу. Я же нифга в этот не шарю». А она, словно, услышав мои мысли, говорит мне: «Не бойся, Коленька. Ничего не бойся. Я помогу тебе. Всё сможешь сделать. И дом этот построить и много других ещё лучше этого». «Да, кто же, ты?» – наконец, спрашиваю. «Мечта твоя, – отвечает она, – Мы с тобой теперь всегда будем вместе. Ты, избран мною. Ты теперь мой. Навеки. Согласен?» «Согласен» – отвечаю ей. «Будешь со мной, – говорит она, – Всё у тебя будет. Всё тебе дам. Только слушай меня и делай, как я говорю. Понял меня?». «Понял, – киваю я головой, – Как звать мне тебя?» – спрашиваю. «Зови меня Марой. Я теперь ступай, – легонько толкает меня к самому краю, – Воспарь над городом. Расправь свои крылья, орёл мой. Лети и помни: ничего не бойся». Как замороженный шагнул я вперёд и оказался снова в пещере. Во, как! Вот, как тебя, её перед собой видел.

– Вечно тебе бабы мерещатся, – категорично определил Дмитрий Кириллович.

– Дурак, ты, – обиделся Николай, но продолжил, – Я такую никогда в жизни не видел. Даже после дури. Помнишь, мы тогда пробовали? Реально. Знаешь, насколько реально? Вот, как тебя сейчас вижу. Так, что... это не глюк. Далеко не глюк.

– Ну, да, – скептически усмехнулся товарищ.

– Вот после этого я и понял, чем нужно заняться, – вернулся в исходное положение собеседник, – У меня прямо в голове всё прояснилось. Дома надо такие строить. Как она мне сказала. Всё у нас тогда хорошо. Нет, – предупредил реплику, готовую сорваться с уст корытшки, – Даже не думай меня отговаривать. Это решено. Как сказал, так и будет.

Глава 2. Восхождение в бездну

Иван Иванович очень любил стричься. Но волосы его росли не так быстро, чтобы он мог получать это удовольствие каждый день, или даже раз в неделю или хотя бы раз в месяц. Волосы его росли так, что ему удавалось повторить эту приятнейшую для него процедуру только через полтора – два месяца. Ему чрезвычайно нравилось, когда теплые пальчики парикмахерши, а это должна быть непременно молоденькая девушка, касались его пролысоватой головы и шустро бегали по ней, цепляя прядки реденьких волосёнок, легонько их вытягивали, подцепляя расческой, и подрезали острыми ножницами. В эти моменты он зажмуривал глазки, и ему представлялось невесть что, но чаще всего что-нибудь эдакое озорное и, конечно же, в отношении этой молоденькой парикмахерши. То будто бы он чрезвычайно понравился ей, настолько, что она, наконец, не смогла больше сдерживать нарастающую внутри страсть, пригласила его к себе домой на чашечку кофе, где после легкого ужина набросилась на него, как дикая кошка, и овладела им раз десять подряд, не меньше. То будто бы он, наоборот, вдруг, произнёс такое, что она сразу же согласилась посетить его скромное жилище, в то время, конечно, когда супруга находилась на даче. И вот он уже балует её всевозможными удовольствиями, купает в джакузи, угощает ликёром и вообще приятно проводит время, исполняя все её маленькие прихоти. Ведь он мужественный и сильный, как Аполлон, а она страстная и ненасытная. Но, настает утро, пора расставаться. Она плачет, не желая покидать его, а он поглаживает её по головке, целует и отеческим тоном, полным мудрости и благородства говорит: «Ничего, скоро снова увидимся. Возможно, сегодня же, вечером». Она успокаивается и уходит, полная желанием моментально вернуться по первому его зову.

На самом деле, Иван Иванович никогда даже не пытался заговорить с мастером во время сеанса. Он просто сидел и, молча, воспринимал приятную для него процедуру. Как кот, которого слегка почесывают за ушком. И пока он вот так представлял себе что-нибудь эдакое, стрижка неожиданно заканчивалась, по причине отсутствия чего-либо ещё, что можно было бы как-то подцепить и подрезать. Тогда он вставал с кресла, сухо благодарил, и с видом, выражающим явное недовольство, расплачивался точно по счету. После чего уходил отращивать волосы с тем, чтобы вернуться.

Два месяца пробегали незаметно. День за днем, как один день: работа, дом, телевизор, магазин, ужин, завтрак, работа, дом, сон. И всё. Ничего примечательного. Можно даже не задумываться, что делать завтра. Заранее известно. Встал, умылся, поел, оделся, поехал на работу. Вечером вернулся, разделся, умылся, поел, посмотрел телевизор, лег спать. И только когда волосы немного подрастали, в душе возникало легкое волнение от предстоящей встречи с той, что шаловливыми, смелыми пальчиками пробегала по его голове, отрезая от неё маленькие клочки.

Никто из обширного окружения Ивана Ивановича даже не догадывался о том, что в этом успешном и уважаемом человеке живет такая маленькая, неказистенькая страстишка. Насколько ничтожная и смешная, что о ней даже стыдно кому-нибудь рассказывать. Хотя, казалось бы, что может быть проще? Иван Иванович обладал достаточно большим капиталом для того, чтобы иметь возможность в любой момент пригласить молоденькую девицу в свой кабинет, поставить её позади себя и заказать ей на весь день почесывание головы. Так нет. Не приглашал. Не смел. Стыдился. Боялся признаться даже себе самому в такой пустяковой слабости. Предпочитал пережидать эти два месяца, пока не отрастут волосы достаточной длины, дающие пристойный повод для получения такого маленького удовольствия.

А тем временем, пока росли волосенки, вокруг его головы кипели поистине нешуточные страсти, куда масштабнее какой-то там косметической процедуры. Дело в том, что Иван Иванович, вот уже двадцать лет, возглавлял один из крупнейших строительных трестов Санкт-

Петербурга. И даже почти на половину являлся его собственником. Так уж случилось, что он занялся этим делом еще до пресловутой «Перестройки». Сначала стал директором государственного предприятия, затем успешно поучаствовал в его приватизации, да так и остался на своем месте, продолжая заниматься тем, что лучше всего умел делать – строить типовые панельные дома для жителей города.

Иван Иванович считал себя человеком достаточно солидным и порядочным. Он не являлся приверженцем какой-либо религии, ибо вырос и получил воспитание в атеистическом духе в эпоху развитого социализма, однако определенные представления о морали и нравственности, почерпнутые из «Кодекса строителя коммунизма», помнил и пытался в меру сил и возможностей их придерживаться, почитая за общечеловеческие, непреходящие ценности. Поэтому он не позволял себе никаких непристойных глупостей, предпочитая хранить физическую верность своей жене Екатерине Павловне и, тем самым, правильно воспитывать единственную дочь, переживавшую бурный период девичьего становления в окружении грехов и соблазнов, хлынувших на Россию из развращенной Европы. Правда только этим обстоятельством и ограничивалось его воспитание. На большее у него не хватало ни времени, ни сил, ни большого желания. Остальным, как говорится, занималась жена. Потому как это её женское дело заниматься детьми. Его же, мужское, работать и приносить пользу обществу. Иначе говоря, дома строить, деньги зарабатывать и в семью давать, сколько надо.

* * *

В этот майский день в пятницу тринадцатого числа Иван Иванович вошёл в свой рабочий кабинет позже обычного. Желудок с утра прихватило. Видимо, что-то съел на ночь недоброе, из того, что залежалось в холодильнике с праздничного стола в честь Дня Победы. Иван Иванович вообще любил много и разнообразно покушать. Не стеснял себя в этом удовольствии и практически ничем не ограничивал. Мог очесать пять полновесных блюд в ресторане и после этого плотно поужинать дома перед сном. Поэтому такое досадное обстоятельство как пищевое отравление иногда у него случалось, и жена к этому всегда заранее приготавливалась. Она припасала соответствующие таблетки, микстуры и даже большую спринцовку. Так что пока Иван Иванович с утра прочищал пищеварительные каналы, принимал таблетки и собрался с силами, перевалило за полдень.

Утреннее производственное совещание провел первый заместитель. Не в первый раз такое случалось. Да и не намечалось в этот день ничего необычного. Налаженный механизм стройки работал исправно. Материалы подвозились. Прорабы руководили. Башенные краны оживленно крутились.

– Зеленого чайку? – тихо осведомилась секретарша, опытным глазом оценив зеленоватый оттенок лица шефа.

– Да. Пожалуй, – тяжело пропыхтел Иван Иванович, следуя к своему широкому, дорогому кожаному креслу.

Он основательно утвердил в нём своё пышное тело, пробежал беглым взглядом лежащие на столе бумаги и с тоскою посмотрел на висевшую на стене напротив картину художественно изображавшую прорубание окна в Европу Петром 1. На ней великий русский царь заливчато крутил колесо корабельного штурвала, народ, стоя на набережной Адмиралтейства, что-то кричал, а вдаль уплывала стайка парусных судов с Андреевскими флагами на фок мачтах.

– Да-а, натворил дел... – глубокомысленно произнёс Иван Иванович.

К чему именно относилась эта фраза: к деяниям царя или к утреннему происшествию, осталось неясным.

Вошла секретарша Люба, серьезная замужняя дама лет сорока, с большой белой чашкой горячего чая на подносе. Молча, поставила напиток на стол и встала в ожидании указаний.

Никаких указаний Иван Ивановичу давать не хотелось. Они просто ещё не образовались в его голове. Почему-то захотелось пончика. Румяного, поджаренного, круглого, такого какие давали на Невском проспекте. Но его не принесли. Хотя, если бы он отдал такое распоряжение, то исполнительный шофер Вася моментально смотался бы к Дому Ленинградской Торговли и прикупил бы там пару десятков. Остыть не успели бы, как оказались бы на столе прямо перед ним. Но он такого распоряжения не сделал. Потому что понимал, что это сейчас, после утреннего промывания и прочего, весьма вредно. От чего настроение у него образовалось пасмурное. Взяв в руки чашку горячего, крепко заваренного зеленого чая, он стал шумно отхлебывать, сдувая пухлыми губами клубочки медленно понимающегося пара.

– Что-нибудь ещё? – поинтересовалась Люба.

– Спасибо. Не нужно.

Секретарша направилась к выходу, но возле самой двери остановилась.

– Там, вас с утра молодой человек дожидается. Пригласить?

– Кто?

– Да этот. Из новых.

– Минут через пять.

– Хорошо.

«Новыми» назывались те, что неведомо откуда вылезли и набросились на строительный рынок, давно и правильно распределенный среди ответственных, опытных, знающих свое дело строителей. Неуёмные, жадные, молодые они волнами накатывали на строительный трест, заливая его предложениями от бессчетных дурацких кооперативов купить какой-нибудь материал с откатом, провести зачет или передать им часть строительных работ в субподряд. А под «этим» имелся в виду тот самый парень, что в последний раз пытался продать по сходной цене бригаду строителей, состоящих не то из молдаван, не то из украинцев, якобы весьма опытных, но очень дешёвых. Тем не менее, от встречи с ним в памяти Ивана Ивановича осталось довольно приятное впечатление. Он не показался таким уж бестолковым, как прочие, и в отличие от своих сверстников не пытался сразу купить старого директора, внимательно выслушал его мнение, не настаивая на своём, и больше говорил о возможности достижения общей для всех пользы, чем о прямой денежной выгоде. Кроме всего прочего он оказался высок, светел лицом, кудряв, симпатичен, энергичен, вежлив, приветлив и явно не глуп. Из такого со временем вполне мог бы получиться хороший работник.

Иван Иванович попробовал вспомнить содержание последнего с ним разговора, но у него не получилось. Осталось только общее впечатление, детали стерлись. Хотя о чём-то они всё же, видимо, договорились? Но о чём? Впрочем, какая сейчас разница. Всё равно тресту от него ничего не нужно: ни его дешёвых строителей, невесть откуда прибывших, ни чего-либо ещё. Тогда зачем он снова пришёл? И как его там зовут... Имя тоже куда-то запропастилось. Хотя какая разница, как его там зовут. Пришёл, ушёл, как говорится: с глаз долой – из сердца вон.

* * *

Этот молодой человек нарисовался на пороге кабинета ровно через пять минут, как и пожелал Иван Иванович. Вот что значит выученный секретарь.

– Разрешите? – поинтересовался он.

Директор молча указал рукой на одно из двух кресел приставленных для посетителей к фасадной части массивного деревянного письменного стола старинной работы. Тот стремительно преодолел расстояние от двери до места, пройдя не менее двадцати кресел, выстроенных в ряд вдоль длинного стола, предназначенного для производственных совещаний.

– Здравствуйте.

Иван Иванович кивнул в ответ головой.

– Я снова к вам и вот по какому вопросу. Вы оказались совершенно правы. Они действительно никуда не годятся.

– Кто?

– Молдавские рабочие. Только вы, с вашим большим опытом, смогли сразу это определить. Нет, конечно, где-нибудь на лесоповале, они вполне могут сойти за нормальных работников. Но только не на стройке. Строительных рабочих нужно специально готовить. Это очень не простое и очень ответственное дело, – решительно заявил посетитель.

– Да, – согласно кивнул директор. Общее направление разговора ему понравилось. Он даже слегка улыбнулся.

В это момент дверь в кабинет решительно распахнулась и вошла молодая девушка, худенькая, бледная, взволнованная. Её большие черные глаза, казалось, занимали половину лица и горели, как у настороженной кошки в легком обрамлении аккуратно уложенных светлорусых волос.

– Папа, я больше так не могу, – завила она с хода, – Пусть он или уходит, или больше не занимается своими киосками. Зачем, ты, ему дал денег?

– Лиза, я занят, – сердито глянул на неё Иван Иванович.

– Ах, простите. Ты – занят. Значит, я могу свободно катиться куда угодно, – всплеснула девушка тонкими ручками, – Ко всем чертям, – уточнила, разворачиваясь к выходу.

– Зачем, ты, так!?! Постой. Сядь. Лиза! – директор выбрался из-за стола и двинулся грузным телом к дочери, с трудом преодолевая пространство большого кабинета. Ему удалось настичь её возле самой двери. Впрочем, она и не спешила его покинуть.

– Сядь и успокойся, – схватил он девушку за руку, – Извините, – кивнул посетителю, – Сядь, я говорю, – подвел к длинному столу и усадил в крайнее кресло, – Что у тебя снова случилось?

– Ничего. Всё нормально, – передернула она угловатыми плечиками, – Ему до меня ровным счетом нет никакого дела. Ему нужны только его киоски. Больше ничего. Ради них он бросил институт. Представляешь? Связался с какой-то шпаной. Не вылезает из ресторанов. Приходит пьяный. Говорит только о машинах. Я для него кто? Никто. Пустое место. Он на меня смотрит и не видит. Слушает и не слышит. Я всегда могу подождать. Сколько угодно. Главное – это киоски.

– Ладно. Я поговорю с ним. Обещаю. Сегодня же, – отец сдержанно погладил дочь по тонкому плечу, – Чаю хочешь?

– Уже несу, – раздалось со стороны двери.

Опытный секретарь принёс на подносе стакан холодной воды и чашку горячего крепко заваренного, черного чая.

– Вы, не могли бы немного подождать? – обратился директор к посетителю, внимательно наблюдавшему происходящее со своего места возле рабочего стола.

– Конечно. Конечно, – с готовностью вскочил тот на ноги.

– Я угощу, вас, чаем, – любезно улыбнулась ему секретарша, устанавливая возле девушки стакан воды и чашку чая.

– Спасибо.

Вместе они и вышли.

Оставшись без посторонних, дочь Ивана Ивановича почти расплакалась.

– Представляешь, он даже книжек никаких не читает. Ему это не интересно. Смотрит только свои дурацкие кассеты. Эти ужасные боевики. Где все время кого-то убивают, – взволнованно рассказывала она, запивая близкие слезы холодной водой, – У меня уже голова болит от этих его боевиков. Всё время пальба. Он ничем не интересуется. На уме одни цены. Цены на всё. Что бы у него не спросили. Он всегда всему знает цену. Как же так можно?

– Я поговорю с ним. Обязательно поговорю, – пытался успокоить её отец.

- Что толку с ним говорить. Ему нужно вернуться в институт. Забери у него деньги.
- Как, ты, себе это представляешь?
- Возьми и забери. Ты же можешь? – с мольбой в глазах посмотрела на него дочь.
- Он достаточно взрослый человек, чтобы понимать, что делать. И потом... это же работа.

Это же ради вашего будущего. Вспомни, как нам было трудно пока я не... Впрочем, ты, этого помнить не можешь. Ты тогда была очень маленькой. Мужчина должен уметь обеспечить свою семью, – Иван Иванович чувствовал себя крайне неудобно. И не потому, что дочь неожиданно примчалась к нему на работу в расстроенных чувствах, а от того, что случилось это в присутствии совершенно постороннего человека, да ещё в такое неподходящее для семейных разборок время. Не могла вечера подождать? Он вообще не любил смешивать работу с семейными проблемами и всячески старался избегать подобных ситуаций. И вот не получилось. Вырвалось. Полетело. Теперь начнут обсуждать на всех перекрестках, обсасывать, смаковать, ставить оценки. Трещать его доброе имя. Скверно. Очень скверно получилось. И не то скверно, что у дочери никак не могут сложиться отношения с её молодым человеком. А то, что его маленькие семейные тайны стали вдруг достоянием широкой общественности. Да ещё этого парня, неизвестно откуда, вдруг, взявшегося. Хотя, может он ничего и не понял. Это же совершенно его не касается. Может не стоит вообще обращать на него внимание?

– Ладно. Всё образуется. У нас с твоей мамой тоже не сразу всё сложилось. Но, как видишь, ничего, живём. И у тебя сложится. Надо только немного потерпеть. Я с ним поговорю. Понимаешь, сейчас время такое. Все бизнесом занялись. Стараются денег заработать. Это же хорошо, когда в доме достаток. Он человек энергичный, занятой. Пять киосков – это не шутка. Времени на них надо много. Он ещё два собирается поставить. Возле рынка. А как работать? Ни на кого же нельзя положиться. Кругом мошенники и воры. И мне надо работать. Люди ждут. Давай. Потом поговорим. Уладим всё. Успокойся, – утешал он, прекрасно понимая, что не всё так просто, как кажется, но искренне надеясь, что всё само собой как-нибудь сложится, или мать, как обычно, устроит. Устроила же она это знакомство. Стало быть, ей и разруливать теперь образовавшуюся ситуацию. В конце концов, не он сосватал дочери этого человека, а она. Пригласила общих знакомых, что называется «на чай», людей приличных и состоятельных, свела в перспективную, по её мнению, партию, вот теперь пусть и разбирается.

– Но ведь это же не нормально, – не успокаивалась никак девушка, – На уме одни деньги. Только деньги. Ничего кроме денег. Все разговоры о них. Все интересы вокруг них. Так же с ума сойти можно.

– Так ведь это и есть работа. Я тоже всю жизнь работаю. У мужчины должно быть своё дело. Я строю, он торгует. Раньше у нас в стране план был. Так мы всё время о плане говорили. А теперь плана нет. Теперь вместо него деньги. Теперь это такой новый показатель работы, понимаешь? Вот и всё. У кого денег много, тот и успешен. Тот, так сказать, выбился в лидеры.

– Нет. Ты, не понимаешь. Это не показатель. Это мировоззрение. Это тупик. Один большой, тёмный тупик. Он же, как ненормальный.

– Да нет. Это период у него такой. Становления. Организации и становления дела. Естественно оно отнимает много времени и сил. Вот как только всё сложится, наладится, так он сразу же станет другим. Вот увидишь. Дай, ты, ему возможность наладить всё. Не дергай. Это же серьёзное дело. Ладно. Давай. Иди. Успокойся.

Сбросив внутреннее напряжение, девушка, и правда, немного успокоилась, выпила чай и покинула отцовский кабинет, унося с собой слабую надежду на возможные перемены.

* * *

Молодой человек вскоре вернулся и снова занял оставленное ненадолго место возле рабочего стола Ивана Ивановича. С видом многозначительным и серьёзным он заявил:

– Не буду отвлекать много времени. Перейду сразу к делу. Я подумал и решил: я готов все риски принять на себя. Взять на себя, так сказать, всю ответственность.

– Какую ответственность? – удивленно взглянул на него директор треста.

– Полную. Материальную. За всех, – уточнил посетитель.

– Простите. Не понял. Что, вы, от меня хотите? – поставил вопрос ребром хозяин кабинета.

– Я хочу получить субподряд, – прямо ответил молодой человек.

– У вас есть строительная контора с лицензией?

– Пока нет. Но я надеюсь получить её в ближайшее время. И я очень надеюсь, что, вы, мне в этом поможете.

– Вы с ума сошли. Это невозможно.

– Почему?

– Потому. Я, вас, не знаю, – ответил Иван Иванович так же прямо и точно, как давно уже никому не отвечал.

– Но... я не прошу много. Дайте мне шанс. Вы, ничем не рискуете. Я даже не прошу денег. Заплатите мне потом, если устроит качество нашей работы. Мы согласны работать по самым минимальным расценкам.

Нахальство и самоуверенность молодого человека начинали переходить всякие границы. Иван Иванович даже слегка оторопел, что случилось с ним не так часто. Видимо, наслоиилось болезненное состояние и недавняя неприятная беседа с дочерью. Но он быстро собрался с мыслями и спросил:

– Вы представляете себе, что такое строительство?

– Вполне.

– Нет. Вы не представляете себе, что такое строительство. Строительство – это не кирпич на кирпич за хороший магарыч. Строительство – это, прежде всего, сроки. Время. Понимаете меня? – Иван Иванович даже наклонился в сторону молодого человека, настолько сильно охватило его желание втолковать этому недотепе, куда он пытается влезть со своей самоуверенностью, – Время, – повторил он, – И только потом деньги. Не уложишься в отведенные сроки, потеряешь всё.

– Ну, я понимаю, – закивал головой собеседник, с видом преданного ученика, воспринимающего мудрость своего учителя.

– И что прикажете мне делать, если, вы, в отведенные, вам, сроки не уложитесь? Или напортачите? На переделку времени у меня не будет. Мне его никто не даст. Мне придется отвечать перед заказчиком. Мне, а не вам. С вас взятки гладки. Пришли, напортачили, ушли. Свищи вас потом, как ветер в поле. А я не уйду. Мне уходить некуда. Я останусь. Останусь отвечать перед всеми за все ваши косяки и недоделки. И не важно, заплатил я вам что-то или нет. Мне это все обойдется гораздо дороже.

– Ну, дайте нам для начала что-нибудь простое. Не такое ответственное. Например, канаву копать, – предложил молодой человек, вытянувшись на стуле, как по стойке смирно, готовый немедленно приступить к выполнению любого задания, – Я вас не подведу. Всё будет сделано на самом высоком уровне.

– Послушайте, молодой человек, зачем, вам это всё надо? – поинтересовался директор.

– Хочу заняться стройкой, – тут же ответил тот.

– Почему именно стройкой? Других занятий вам не нашлось? Вон, ставили бы киоски. Торговали. Чем плохо?

– Я торговал, но это не интересно. Тут нет позитива. Размаха, так сказать, для создания. Всё примитивно и пошло. А я хочу созидать. Строить, – горячо выпалил соискатель фронта работ, – Надо же не просто так чем-то заниматься. Надо же заниматься тем, за что потом не будет стыдно в глаза людям смотреть.

– Вот как? Вы что действительно так думаете?

– Конечно. Только так. Я для себя решил твердо: стройка – это мое призвание.

– Что ж... я подумаю над вашим предложением, – несколько смягчился Иван Иванович, – Можете идти. До свиданья.

– Спасибо, – подскочили на месте будущий строитель, словно получил согласие на заключение контракта, – Вы ещё не всё знаете. Я собираюсь не просто работать. Я собираюсь строить быстро и дешево. Я всё подсчитал. Я буду использовать ту самую иностранную рабочую силу. Это сейчас они иностранцы. Но раньше они все были нашими. Работать они умеют. Я говорю об украинцах, а не о молдаванах. Я специально наберу бригаду строителей. Это будет огромная экономия по фонду оплаты труда. Кроме того, им можно вообще платить просто наличными мимо кассы. Это ещё более выгодно. Никаких налогов. Никаких трудовых споров. Никаких контрактов. Это всё я полностью беру на себя. Вам достается только выполненный объем работ. Вот, – выпалил он и сел в ожидании бурных оваций.

Но оваций не последовало. Иван Иванович смерил его усталым взглядом утомленного удава и молвил:

– Такие выгодные предложения поступают мне три раза на дню. Я уже сказал вам, что я подумаю.

– Когда можно будет, вас, побеспокоить?

– На следующей неделе. После вторника. Нет. В четверг, после обеда. Позвоните секретарю. Она, вас, соединит.

– Надеюсь на успешное, долгосрочное сотрудничество, – протянул руку молодой человек, вставая, желая, видимо, скрепить, тем самым, достигнутую договоренность. Но рукопожатия не последовало. Директор треста явно до конца ещё не проникся масштабностью предложенного проекта и не бросился обнимать перспективного партнера. Выскакивать из-за стола и провожать его он тоже не собирался. Вместо этого он взял в руку оставленную на столе чашку и углубился в созерцание остывших остатков зеленого чая.

– Так, в четверг я, вам, обязательно позвоню, – втянул в себя посетитель протянутую конечность подобно потревоженной улитке и мягко заскользил к выходу.

– Да, да. Позвоните, – подтвердил Иван Иванович, хватая трубку спасительного телефона, требовательно зазвеневшего на столе. – Да? Кто? Ты? Почему ещё не начинал!?. Кто сказал?.. Я говорю, заливайте! Понял меня?.. Чтоб сегодня же всё было залито. Я с тебя спрашивать буду. Понял?.. Лично, – начал вразумлять кого-то в обычной своей деловой манере, совершенно не заметив, как гость покинул его кабинет.

«Это же надо, какой нахал, – подумал он, опуская трубку на место, – Чтобы я ещё помогал ему получить лицензию! Ну, и молодежь пошла...»

* * *

Лиза уже третий день болела. Не простудой и не иной понятной современной медицине болезнью. Её недуг находился в области иного плана, официальной науке неведомого, запретного, можно сказать, еретического, выходящего за рамки материалистического понимания Мира. Такой недуг хорошо иметь где-нибудь на Тибете или в Индии. Там им никого сильно не удивишь. Там мудрый, седой брахман или лама сразу определит причину, и успокоит страдальца добрым напутствием и молитвой. У нас же дела обстояли несколько иначе. Европейцы как-то не привыкли доверять внутренним ощущениям и больше полагаются на так называемые объективные показатели медицинских приборов, то есть на то, что можно получить в результате инструментального измерения. Иначе говоря, если что-то невозможно исследовать при помощи линейки и лупы, то этого в Мире не существует. Такой подход дает ряд преимуществ в работе с грубой материей и позволяет максимально приспособить её под свои нужды. Но он

отстраняет человека от понимания сути происходящих явлений, превращая окружающую его Природу в черный ящик, наблюдение за которым составляет набор статистических данных с условно выведенными закономерностями.

Лизу терзали воспоминания. Не свои, не о той жизни, пусть не длинной, но реальной, проходящей на глазах родных, близких и друзей, а какие-то иные, чужие, наведенные ярким лучом из тёмных глубин подсознания прямо перед её внутренним взором. Они постоянно и неотступно следовали за ней, словно прорываясь сквозь фон собственных картин прошлого. Поражали своей нереальностью, удивляли, пугали и настораживали. Иногда, будто накопив силы, они неожиданно возникали перед глазами яркие, контрастные, реалистичные и полностью выбивали из повседневности, бросая куда-то вниз, в хаос раздирающих душу переживаний. Правда, такое повторялось не часто, но с завидной периодичностью примерно четыре раза в год на протяжении всей жизни, насколько она себя помнила, на несколько дней погружая в состояние раздвоенности, а иногда и просто плотно окутывая сознанием иной личности. В этот период она терялась в окружающей обстановке, утрачивала нить происходящего, не узнавала родных и хорошо знакомых людей.

Три раза её пытались лечить и даже помещали в психиатрическую больницу. Однако никакого результата это не приносило. Приступы быстро, бесследно проходили, и она снова становилась такой, какой все привыкли её видеть, то есть самой собой, или той, какая наиболее устойчиво в ней утвердилась с самого первого дня появления на свет. Но те воспоминания, что терзали её в период обострений, не забывались. Они странным образом продолжали жить в ней, находясь в глубине памяти, заслоненные новыми реальными эпизодами, как живут кадры просмотренных кинофильмов или сюжеты прочитанных книг, несколько отстраненно, но рядом, готовые в любую минуту выскочить на свет.

На этот раз всё проходило не так остро, но как всегда мучительно, смешивая события из разных жизней в один пестрый клубок. Два дня Лизу не выпускали из дома. Так всегда делали в таких случаях. Продержали на транквилизаторах. На утро третьего дня она вполне нормально осознала себя в той обстановке в какой проснулась: в своей комнате, среди знакомых вещей. Встала, умылась, привела себя в порядок, провела долгую беседу за завтраком со своей мамой Екатериной Павловной и, убедив её в адекватности своего восприятия Мира, вышла в магазин за новой заколкой. Благо он располагался возле самого дома. Но там, в обувном отделе, всё вновь началось.

Утро, завтрак, разговор с мамой, выход из дома, даже дорога до магазина – всё это словно исчезло из памяти. Вместо этого она отчетливо, до последней детали, помнила иные события, ужасные, всколыхнувшие её всю до основания, совершенно разбившие жизнь, такую, казалось бы, восхитительную, можно сказать, сказочную, что так удачно складывалась и вот-вот должна была начаться, быть может, сегодня, прямо сейчас, в эту самую минуту, когда она сидит здесь в незнакомом магазине, среди чужих людей, говорящих на ином, непонятном ей языке. Как она здесь оказалась? И как хорошо, что она оказалась именно здесь. Подальше от этого монстра в людском облики, что так искусно притворялся порядочным человеком. Как такое могло случиться, что она едва не стала его женой? Что бы тогда с нею стало? Если бы она вчера сохранила спокойствие, то, возможно, сейчас стояла бы рядом с ним возле алтаря, стала бы его женой, затем родила бы ему наследника и вошла бы в семью самой аристократической фамилии Англии, оказалась бы одной из них и могла бы легко называть тётушкой саму королеву.

Её всю передернуло от отвращения при воспоминании о вчерашних событиях, и она еле сдержалась от того, чтобы её не стошнило.

Как могла она так ошибаться! Да и кто не ошибся бы на её месте, когда он был так очарователен, так мил, так романтично ухаживал, так искушал своим положением и богатством. Кто бы устоял на её месте? Умный, сильный, обаятельный. Он так сильно вскружил ей голову, что будущее представлялось безоблачным, напоенным любовью и благополучием. Если бы

не так сильно, то возможно и падение не стало бы таким ошеломительным. Нет, сказка про Золушку – это не про неё. Хотя в начале, казалось, совершенно иначе. Как хорошо всё началось... Прогулки, цветы, опера. Вечеринки с друзьями, яхта, старинный замок с галереей портретов предков в тяжелых золоченых рамах, дорогие подарки, помолвка и затем бесконечный банковский счет. Настолько емкий, что она на третий день обладания им потеряла ощущение реальности. Ей даже не приходилось доставать кредитную каточку. Продавцы отдавали приглянувшуюся вещь так, стоило ей только зайти в магазин и указать на неё пальцем. Счета приходили потом, прямо к нему, в его банк, и он ни разу не обмолвился о каком-либо превышении.

И вот наступил этот вечер. Вчерашний, последний перед их свадьбой. Уже вся многочисленная родня со всего мира съехалась в фамильный замок, завершались последние приготовления, в последний раз отрабатывались детали старинного церемониала венчания и её, утомленную хлопотами и пребывающую в сильном волнении пригласили на последний ужин, накрытый на двоих в отдельном флигеле, куда до этого она ни разу ещё не заходила. Приглашение принес слуга, карлик, милый и веселый, как ей казалось, человек. Он же проводил до места, длинным, гулким коридором с бесконечными переходами.

Жених, как всегда безупречно одетый, встретил её возле двери, сдержанно поцеловал руку и подвел к небольшому столу, сервированному на две персоны фамильным серебром, стоявшему в центре каменного помещения старинной части замка. Плотно зашторенные окна, старые, пыльные гобелены и два кресла с высокими спинками возле стола завершали мрачную обстановку странной комнаты, освещенной двумя большими золочеными канделябрами.

На ней вечернее платье с глубоким вырезом, бриллиантовое ожерелье на шее, подчеркивающее белизну девичьей гладкой кожи.

– Милая, обычно перед свадьбой принято проводить мальчишники. Но мне это мероприятие представляется слишком скучным. И потом это будет не справедливо по отношению к тебе. Поэтому я решил открыть тебе маленькую тайну, прежде чем, ты, окончательно вступишь в нашу семью. Присаживайся, – усадил её в кресло, – Вина?

– Тайну? Как интересно, – оживилась она, – Какую? Я люблю тайны.

– Тебе придется узнать много разных тайн. Но эта – самая главная. Ты, умеешь хранить тайны?

– Как могила.

– Хорошо сказано. Сейчас всё узнаешь, – загадочно улыбнулся он, наполняя вином её серебряный бокал, – Помнишь месье Николая, нашего садовника?

– Нет.

– Впрочем, у нас их несколько. Всех даже я не знаю. Но этот – француз, и он отличился. Представляешь, он украл у нас золотые часы. Пытался сбежать.

– Какой негодяй.

– Ты же знаешь, какие у нас высокие требования к персоналу. Чтобы получить работу в поместье нужно пройти довольно жесткий отбор. И, тем не менее, несмотря на все наши требования, случается и такое. Впрочем, его поймали. Сейчас он здесь. Ты можешь с ним познакомиться.

– Зачем?

– Для того чтобы познакомиться с тайной. Джим, голубчик, пригласите месье Николая, – отдал он распоряжение карлику и тот ввез в помещение провинившегося садовника крепко привязанного к креслу-каталке.

Но это оказалось не обычное кресло. Оно было усиленно крепкой спинкой со специальным приспособлением, плотно фиксирующим гладко выбритую голову пациента в неподвижном положении.

– Вот, позволь, милая, представить тебе месье Николя. Он любезно согласился порадовать нас своим участием. Как видишь, он молод, здоров и образован. Если я не ошибаюсь, вы, кажется, окончили Сорбонну, месье Николя?

– Да. В прошлом году, – словно очнулся садовник, – Отпустите меня, пожалуйста.

– Зачем, вы, украли часы? – поинтересовалась она.

– Я не крал. Это какая-то ошибка. Честное слово.

– Вы, кажется, по специальности ботаник, месье Николя? – заметил молодой лорд.

– Да. Я ботаник.

– Что же, вас, привело к нам? Вы не смогли найти работу у себя на родине?

– У вас очень хороший сад. В нем много редких растений. Мне интересно у вас работать.

– Зачем же, вы, украли часы? – снова поинтересовалась она.

– Я не крал. Это ошибка.

– Это не важно. Месье Николя спортсмен, не правда ли?

– Да. Я был чемпионом по спринту. Я очень хорошо бегаю.

– У месье Николя отменное здоровье. Ты же знаешь, дорогая, как мы трепетно заботимся о здоровье наших работников. Регулярные осмотры. Профилактика. Бесплатное лечение. Всё это важно. Важно заботиться о том, чтобы работники никогда, ничем не болели. Вы же сейчас ничем не болеете, месье Николя?

– Я здоров. Я могу работать. Я ни на что не жалуясь.

– Вот видишь. Он здоров. Он умен. Он хорошо себя чувствует. Джим, голубчик, приступайте к делу, – отдал распоряжение хозяин своему карлику, все это время молча стоявшему за спиной связанного садовника.

Тот тут же вскарабкался на маленькую приставную лесенку, приготовленную, видимо, заранее, и оказался прямо над гладко выбритой головой пленника. Приставив к его виску какой-то аппарат черного цвета, чем-то напоминающий электрическую бритву, он стал медленно обводить голову по окружности, образуя на белой коже тонкий надрез подтекающий красными капельками быстро сворачивающейся крови.

– Что он делает? – возмутилась она, видя, как нервно морщится несчастный француз.

– Не волнуйся ему совершенно не больно. Вам же не больно, месье Николя?

– Как-то неприятно покалывает, – произнес тот, испуганно вращая глазами.

– Зачем это всё? – обратилась она к жениху.

– Сейчас увидишь, – загадочно произнёс он, наполняя вином второй бокал, – Давай, дорогая, выпьем. За нас, – предложил тост, – За наше единство.

Она пригубила. Вино оказалось густым, терпким и сладким, как кровь.

Тем временем карлик закончил свое дело, сунул странную машинку в карман и с ловкостью опытного хирурга откинул в сторону отпиленную крышку черепной коробки вместе с белым кожным покровом, явив на свет оголенный головной мозг несчастного садовника.

Ей стало дурно.

– Посмотри, милая, как он прекрасен, – подошёл к жертве молодой лорд, – Как он светится изнутри здоровьем и силой. Разве это не чудесное зрелище?

У неё не нашлось слов выразить своё возмущение и подкативший к самому горлу панический страх.

– Что у меня там? – поинтересовался испуганный француз, – На что, вы, там смотрите?

– У вас, месье Николя, имеется уникальная возможность увидеть свой мозг и убедиться в том, что он у вас есть. Редко кому при жизни выпадает подобное счастье, – заметил хозяин замка, – Покажите ему, Джим, это сокровище.

Карлик поднес к пленнику большое овальное зеркало. Тот глянул и увидел свою располовиненную голову. Его мозг бугристыми извилинами возвышался над срезом черепной коробки.

– Что вы со мной сделали? – возмутился он как-то вяло, без особой настойчивости в голосе, как дежурный воспитатель, обнаруживший мелкую шалость чужого ребенка, – Немедленно верните голову на место.

– Полно вам, месье Николя, лучше расслабьтесь. Сейчас вы испытаете огромное наслаждение. Как и я, – с этими словами молодой лорд погрузил в его мозг серебряную ложку и, зачерпнув кусочек мозговой ткани, отправил её себе в рот.

Она увидела, какое счастливое выражение обрело лицо её избранника, когда он медленно вкушал это ужасное лакомство. Она увидела как то место, откуда он извлек свою ложку, тут же наполнилось кровью. Но лицо несчастного при этом обрело такое умиротворение, словно его освободили от гнетущего, тяжкого бремени.

Последнее, что она помнила, это были слова:

– Дорогая, попробуй. Это удивительно вкусно.

Очнулась она в своей комнате. На кровати. Часы показывали половину первого ночи.

Рядом стоял карлик Джим.

– Выпейте. Вам станет легче, – участливо преподнёс он высокий, тонкий, хрустальный стакан с водой.

Она выпила и откинулась на подушки. Ей снова стало дурно. В голове побежало и она, словно провалившись в какую-то пропасть, оказалась тут, прямо в обувном отделе универмага, в окружении безвкусно одетых людей, что-то обсуждавших между собой на непонятном ей языке, рассматривавших ужасные туфли на полках, спокойно входивших с улицы и выходивших обратно, совершенно не озабоченных какой-либо тревогой или страхом. Воздух, наполнивший помещение, показался спертым, душным и был напоён такими неприятными запахами, что у неё даже закружилась голова.

* * *

Лиза присела на скамейку, пытаясь понять, что она здесь делает и как она тут очутилась. Не сон ли это? Ущипнула себя за бедро и, осознав боль, поняла, что находится наяву, что всё, что её окружает, является реальностью. Но как такое могло произойти? Как в один миг она, вдруг, переместилась сюда, в этот неизвестный ей магазин дешёвой одежды? И кто облачил её в эти жалкие обноски? Откуда взялись эти потёртые джинсы? Как на ней могла оказаться эта вульгарная блузка? И кто обул её в эти ужасные, разношенные босоножки? Она взглянула на себя в зеркало и ужаснулась. На неё смотрело малосимпатичное лицо незнакомой молодой девушки явно лишённое не только элементарного ухода, но и аристократизма.

– *Боже мой!* – вскрикнула она на весь зал, закрывая лицо руками, – *На кого я стала похожа!*

– Что такое? – всполошились продавщицы.

– Что случилось? – обратились на неё покупатели.

– *Что с моим лицом? Что он со мной сделал!* – восклицала она на чистейшем английском языке и её, естественно, никто не понимал.

Но внимание проявили многие. Некоторые стали живо интересоваться, что так беспокоило молодую, милую иностранку и чем они могут ей помочь? Но она только повторяла: «*Что он со мной сделал?*» и «*На кого я похожа!*»

– Сумасшедшая какая-то, – заключила пожилая, видная дама, явно администратор этого магазина, явившаяся на шум из-за двери с табличкой «Службное помещение».

– Ага. С дуба рухнула, – поддержал один из покупателей, хихикнув.

– Житья нашего вкусила, – печально заметил кто-то.

С эти мнением сочувствующие явно согласились и, понимая бессмысленность дальнейшего общения, снова обратились к своим прерванным делам, тем более, что иностранка

заметно утихла и только всхлипывала, вздрагивая острыми плечиками на своё отражение в зеркале.

Участие незнакомых, говорящих на непонятном языке людей, словно прошло мимо. Она практически ни на кого не обратила внимания, да и не поняла обращенные к ней слова. В это момент ей отчетливо вспомнилась одна мимолетно брошенная им фраза. Тогда она показалась ей шуткой, ибо ничто не предвещало беды. Все веселились. Ласковый, морской ветер овеивал лица. Они шли на яхте и он, в капитанском кителе, отдавая какие-то распоряжения команде, вдруг, бросил в её сторону: «Не будешь слушаться, превращу в жабу». Все посмеялись. Но теперь она, вдруг, осознала, что он с ней сделал.

«Неужели он исполнил свою угрозу? Как он мог! После всего, что между нами было! После всех слов и обещаний! После всех вечеров и приемов! После разговора с самой королевой! Подлец! Негодяй! Колдун!.. Неужели он колдун!?. Боже, как мне теперь жить!.. Что со мной будет!?. Надо найти его. Вымолить прощение!..», – завертелось в голове, и в этот момент прямо перед глазами предстал карлик с маленьким букетиком ландышей, показавшийся ей удивительно походим на Джима, налепившем зачем-то себе под нос смешные, черные усики.

– Это вам, – произнес он, протягивая ей цветы.

«Джим!?. Сам пришёл!..», – чуть не вскрикнула она от удивления.

Решение в голове сложилось моментально.

– *Немедленно отведи меня к нему*, — она крепко схватила его за руку, не обращая никакого внимания на преподносимый букетик.

Коротышка не ожидал такой резкой реакции со стороны девушки.

– *К кому?* – недоуменно поинтересовался он на понятном ей языке.

– *К своему хозяину*, – уточнила Лиза.

– *У меня нет хозяина. Я сам по себе*, – пояснил маленький человечек.

– *Джим, прекрати кривляться, и отведи меня к нему. Немедленно!* – приказала она.

– *Во-первых, меня зовут не Джим, а Дмитрий Кириллович. Во-вторых, у меня нет хозяина. Я – свободный человек. И, в-третьих, отпустите мою руку, мне больно. Вы меня с кем-то спутали*, – нагло заявил карлик.

Но такое объяснение её явно не удовлетворило.

– *Слушай, Джим*, – наклонилась она к нему, продолжая крепко сжимать его запястье, – *Нацепи, ты, на себя хоть тридцать усов и назовись кем угодно, я тебя всё равно узнаю. Зачем он тебя послал? Где он? Отведи меня к нему. Мне нужно с ним поговорить.*

– *Ладно*, – согласился, вдруг, карлик, – *Если вы так настаиваете, я вас к нему отведу. Тем более, что он здесь рядом. За углом. В кафе. Разбирайтесь с ним сами. Лично мне это всё порядком уже надоело.*

Она отпустила руку маленького человечка, поднялась со скамейки, и они вышли из магазина на улицу.

Лиза не узнала этой части города. Здесь ей бывать ещё не приходилось. Она с удивлением окинула взглядом широкий проспект, засаженный высокими, зелеными тополями, и цепочку выстроенных вдоль него длинных, блочных, обшарпанных, многоэтажных домов, удивительно похожих друг на друга. Их остекленные витринами первые этажи занимали различные магазины и заведения. Из одного из них они и вышли на улицу. Замусоренный тротуар, странные модели припаркованных рядом автомобилей и, главное, атмосфера, наполненная непонятным внутренним напряжением, передававшимся через лица прохожих, подействовали на неё крайне угнетающе.

– *Где мы?* – спросила она провожатого, следуя за ним к соседнему зданию.

– *Где, где – в Караганде*, – проворчал тот кратко, но уточнил, – *В Питере, где же еще?*

– *В каком Питере? Где это?*

– *Вообще-то, в России.*

– *Как в России?* – она даже остановилась от неожиданности.

– *Обыкновенно. Он всегда тут был. А вы где хотели бы оказаться?*

– *В России!.. Я нахожусь в России?!.*

– *Ну, да. Где же ещё!*

– *Ты врешь! Этого не может быть!*

– *Я вру? Я вру! Пошли,* – карлик махнул рукой в сторону ближайшего дома, предлагая подойти к нему, – *Вот, взгляните на вывеску. Вы, читать умеете?* – показал на первую попавшуюся им по дороге металлическую, прямоугольную табличку, прикрепленную к его фасаду слева от железной двери коричневого цвета, – *Видите адрес этого учреждения? «Россия, Санкт-Петербург, проспект Косыгина»* – прочитал вслух, – *Видите? Я что сам её сюда прилепал, что ли? Я вру...*

– *Боже... Этого не может быть!*

– *Я рад, что сумел сообщить вам что-то новенькое. Однако, нам вот туда,* – показал на стеклянную дверь кафе, расположенного на первом этаже соседней, блочной многоэтажки, – *Практически мы пришли. Он там.*

Лиза медленно направилась в ту сторону, ошеломленная невероятным известием. Сознание отказывалось верить в реальность происходящего. Как она смогла в один миг оказаться в России?.. Она вспомнила, как однажды её могущественный жених произнес, обращаясь к своим друзьям: «Я всегда говорил, что нет страны хуже России, и нет людей, хуже русских». Вот почему, превратив в жабу, он отправил её сюда, к этим самым варварам – русским!

«*Колдун. Это колдун*», – стучала в голове мысль. Теперь это стало ей окончательно ясно. Но главное заключалось не в этом, главное заключалось в том, что он тоже находится здесь. Следовательно, у неё ещё оставалась надежда признать его власть над собой и прекратить этот кошмар. Быть может даже превратить это всё в шутку. Хотя, нет. Это не шутка. Это демонстрация могущества. Но для какой цели? Неужели, для того, чтобы, раздавив, вернуть её обратно? Вернуть? После того, что она видела? После того, что она о нём знает? Как это возможно? Неужели он думает, что она сможет вернуться к нему и станет такой же, как он? Станет поедать живой человеческий мозг и испытывать от этого наслаждение!?

Её всю передернуло от отвращения. Нет, это невозможно. Это исключено. Она этого никогда делать не будет. Она просто не сможет этого сделать. Следовательно, она никогда не станет подобной ему. Потому, что она – другая. Но какая? Такая, как сейчас: страшная жаба в старых обносках, выброшенная на обочину человеческой цивилизации? Навсегда лишенная всех своих роскошных платьев, домов, бриллиантов, машин, денег, всей своей красоты и молодости, и того комфорта, уюта и респектабельности, что окружали её в последние годы, то есть всего того житейского счастья, в котором она просто купалась, греясь в лучах избранности, без чего дальше просто не мыслила своего существования? Неужели это всё можно оставить? В один миг лишиться всего и не сойти с ума?

Ну, почему он не может просто вернуть её обратно, в милую Англию и оставить в покое! Может, его можно будет уговорить сделать это? Она же никому, ничего не расскажет. А если и расскажет, то кто этому поверит! И вообще, в чём она перед ним виновата! Неужели сейчас ей предстоит сделать этот страшный для себя выбор? Сейчас, здесь, в эту минуту? Стать таким же, как он, или остаться такой, какая она сейчас есть?

«*Жаба я или жизни достойна?* – думала она, — *Вот в чём вопрос! Как выбрать? На что решиться? И то плохо, и это как-то не хорошо.*»

Она посмотрела на свое отражение в стеклянной двери кафе и едва сдержала накотившие слезы. Так жалко ей себя стало, что сердце в груди сжалось от боли.

«*Может, ничего страшного в этом нет?* – невольно проскользнуло в голове, – *Подумай, съел какой-то кусочек. Тот сам был виноват. Зачем он украл эти часы?».*

Неужели из-за такого пустяка стоит терять всё, к чему она так стремилась? Оно уже было так близко, что оставался всё один шаг до восхождения на вершину мира. Быть может, всё-таки, стоило это сделать? Просто взять и попробовать. Может, это оказалось бы не так уж и плохо? Не так уж и страшно? Может, это действительно оказалось бы вкусным?

– *Так, мы идем?* – вырвал её карлик из оцепенения.

Она пропустила его вперед и вошла следом. В прокуренном, плотном воздухе, прогревом солнцем через большие витринные окна, остро пахло подгоревшим кофе. Его варили тут турецки в металлических турках на горячем песке. Видимо, заведение пользовалось большим успехом, так как свободных мест практически не наблюдалось. Карлик провёл её вглубь зала к столику возле окна, утопающему в ярком солнечном свете. За ним одиноко потел за чашечкой кофе какой-то молодой человек. При их приближении он поднялся с места, обнаружив довольно высокий рост, и приветливо заулыбался.

Вытянутая, тинейджерская, застрированная футболка тёмно-синего цвета с непонятными надписями через широкую грудь, протертые джинсы, грошковые часы на руке, курчавая неопрятная голова, наглое выражение лица – все, буквально всё во внешнем его облике не соответствовало образу коварного колдуна.

Лиза в недоумении останавливаясь перед ним.

Карлик молча положил на столик букетик ландышей, всё ещё находившейся в его руке, вскарабкался на рядом стоящий стул и произнёс, обращаясь к парню, по-русски:

– Вот, привел. Сам с ней теперь разбирайся.

Тот, продолжая широко улыбаться, протянул ей свою здоровенную ладонь:

– Привет. Вы меня помните? Я рад, что, вы, согласились придти. Меня зовут Николай. Мы с вами встречались в кабинете вашего отца несколько дней назад. Помните?

Лиза ничего не поняла из того, что он ей сказал, и его рука осталась висеть в воздухе.

– *Кто вы?* – поинтересовалась она по-английски.

– Николай. Меня зовут Николай, – повторил молодой человек, немного смутившись, – Мы с вами уже встречались. Помните? Вы зашли в кабинет, а я там сидел...

Он опустил руку на стол и неприятно поморщился, видимо, вспомнив, что так же поступил и её отец при их встрече.

– *Кто это?* – обратилась она к слуге, поскольку высокий парень явно не понимал человеческой речи.

– *Это тот, кого вы хотели видеть. Это он меня к вам послал. Всего-навсего попросил вручить вам цветы. Вот с ним теперь и общайтесь,* – как-то нагло произнес тот, схватил со стола вторую чашку, понюхал её и проворчал на непонятном ей языке, – Это, ты, мне взял? Да? Совсем остыло, пока я тут с ней возился.

Повисла неудобная пауза. Перед ней стоял явно не он. Но тогда кто? Быть может тот, кого он послал, дабы узнать: что с ней стало, не сошла ли она с ума? Но для такой миссии хватило бы одного Джима. Зачем нужен второй? А, может, второй совсем не второй? Может... он первый? Может... это и есть он? Но почему он в таком виде?.. Но в каком же ему быть виде в чужой стране? Ясно, что он изменил свой облик для того, чтобы его не узнали. Он же колдун. Он это может. Значит, это и есть он. Но тогда почему он говорит на непонятном ей языке? Почему ведёт себя так странно, как совершенно невоспитанный человек, словно не знает, кто перед ним стоит? Или он намеренно притворяется? Хочет сохранить инкогнито? Хочет сначала узнать её настроение и только потом раскрыться? Что ж... пусть так.

Лиза решила подыграть, сдержанно улыбнулась и присела на стул.

– *Передайте ему, что мне очень жаль, что всё так получилось,* – произнесла она, – *Я не имею к нему никаких претензий. Я ни на что не претендую. Я только прошу его вернуть меня обратно. Я обещаю, что никто ничего не узнает. Я умею хранить тайны. Я никому ничего не скажу. На этот счет он может быть совершенно спокоен.*

Курчавый парень недоуменно хлопнул глазами, наклонился к Джиму и тихо спросил:

– Что она сказала? Ты, понял?

– Она сказала, что ей очень жаль, что всё так получилось, и что она ни на что не претендует, – перевел тот, соблюдая конспиративность общения, – Только просит что-то вернуть. Но никому ничего не скажет.

– Чего вернуть?

– Не знаю, – пожал карлик плечами, – Сам у неё спроси.

Николай выпрямился, широко улыбнулся и молвил, обращаясь к девушке:

– Вы, знаете, мы тут с моим другом обычно говорим по-русски. Особенно за чашкой хорошего кофе. Может, перейдем на родную речь? Не возражаете? Вы, кофе хотите?

Лиза строго посмотрела Джима.

– *Что он сказал?* – спросила на понятном ей языке.

– *А ты не поняла?* – нахально ухмыльнулся тот.

– *Джим, я просила тебя больше не кривляться. Что он сказал? Что он от меня хочет? Что тут вообще происходит? Кто этот человек? Джим, скажи, это он тебя ко мне направил? Да? Тогда где твой хозяин? Мне нужен твой хозяин. Где мне его найти? Джим, ради всего святого, объясни мне это всё,* – горячо воскликнула Лиза.

Дмитрий Кириллович устало пожал плечами, тяжело вздохнул и произнес:

– *Ну, сколько можно вам говорить, что я не Джим. Почему, вы, все время называете меня Джимом? А это мой старший, школьный товарищ. Зовут его Николай. Он хотел, чтобы я подарил, вам, вот этот букетик. Сам, видимо, постеснялся это сделать. Поэтому послал меня. Видимо, хочет познакомиться с вами поближе. Таким, вот, образом. Что тут не понятного? Только я, вам, зачем? Что, вы, меня всё время мучаете? Хватаете за руку! Называете Джимом. Ну, ладно, называете Джимом, это ещё терпимо, но зачем голос на меня повышаете. Будто я вам чем-то обязан. Разбирайтесь между собой сами. И вообще, говорите нормально, чтобы, вас, все понимали. У, вас, что, игра между собой такая: сегодня говорим по-английски. Так, сообщаю, по-английски он понимает плохо. Вообще не понимает. Учился в школе неважно. Сам бы он вам в этом не признался. Но теперь, вы, об этом знаете. Так что можете его больше не мучить и спокойно переходить на русский.*

– *Я русский не понимаю,* – ответила Лиза.

– *Конечно. Так я, вам, и поверил. Кончайте придуриваться.*

– *Я не придуриваюсь! Не смей мне грубить!* – стукнула она кулачком по столу.

– Знаете что, ребята, мне это всё надоело, – громко заявил маленький человечек на родном ему языке, – Выясняйте свои отношения сами. Пошёл я отсюда. У меня своих дел до чёрта. Она ещё кричать на меня будет! Да, пошли вы все к чёртовой матери.

С обиженным видом он слез со стула и пошёл к выходу, оставив на столе недопитую чашку холодного кофе.

– Димыч, ты, что! – недоуменно вскинул вверх руку высокий парень, – А кофе?

Тот только отмахнулся, мол, ну, вас...

– *Куда он пошёл?* – поинтересовалась она.

– Э-э... – глубокомысленно произнес парень, провожая глазами выходящего из кофе друга и не решаясь остановить его, – Как это будет... Слушай, – обратился к недоуменно смотрящей на него девушке, – Давай я ещё кофе закажу, а?

Но она его явно не поняла и предложила:

– *Если Джим нам больше не нужен, то, может быть, нам стоит поговорить открыто? Полагаю, нас никто не услышит. Мы вполне можем здесь всё обсудить. Садитесь и мы всё обсудим.*

– Я говорю, кофе! Понимаешь? Кофе, говорю, хочешь? Пить, – Николай поднес к своему рту пустую чашку и слегка опрокинул её, будто пил, – Пить, пить. Кофе? О`кей?

Она согласно кивнула головой.

Парень широко улыбнулся, взял со стола букетик ландышей и протянул его Лизе.

– Позвольте преподнести, вам, этот букетик чудесных, весенних цветов. Извините, что всё так путано получилось. С этого, конечно, нужно было начинать. Ну, в общем, это вам.

Его красноречивый жест не нуждался в каком-либо переводе. Лиза сочла за благо принять подарок.

– *Спасибо*, – произнесла кратко.

Вдохновленный двойным успехом высокий парень поспешил сделать заказ.

Лизу охватило волнение. Карлик почему-то ушёл. Этот тип, называвший себя Николаем, двинулся к стойке. Она осталась одна. Так чего доброго они все разбегутся, и она, ничего не выяснит, останется здесь с носом, с эти уродливым, острым носом, рассекающим худое, бледное лицо на две перекошенные половины.

Она встала, чтобы лучше видеть, что делается возле стойки и в этом время к столику подошли два типа с чашками в руках.

– Свободно? – поинтересовались и, не дождавшись ответа, сели на свободные стулья.

– *Кто вы? Что вам тут надо?* – удивилась Лиза такой бесцеремонности.

– Оба-на! Кажись, иностранцы, – присвистнул один.

– Нормально, – согласился второй.

– Жевачка есть?

– На кол тебе сесть, – неожиданно подошел к столику Николай с двумя чашками кофе.

– Это как? – зыркнул на него первый.

– Кверху каком. Парни, не видите, столик занят? У нас тут еще два японца на подходе. Давайте, вон туда. Там только что освободилось, – кивнул головой в центр зала.

– Ну, ладно, – поднялись незваные гости и нехотя удалились в указанном направлении.

Молодой человек сел, придвинулся вплотную к девушке, обдав её жаром своего потного тела, зачарованно посмотрел ей прямо в глаза и молвил,

– Угощайтесь. Здесь варят замечательный кофе. Особенно сегодня. Я попросил добавить в него корицы. Чувствуете, какой аромат? Попробуйте. Я тут на днях машину себе купил. Вот я скажу, вам, агрегат попался, покруче пылесоса.

Далее их разговор больше напоминал беседу немного с глухим. Николай корчил странные рожи, размахивал перед ней руками, тыкал пальцами в разные стороны, пытаясь объяснить громкими восклицаниями и странными знаками, позаимствованными как ему казалось из международного языка общения глухонемых, об азбуке которого он имел довольно смутное представление, внутреннее устройство коробки передачи отечественного автомобиля «Москвич – 412». Видимо, этот вопрос сильно волновал его, поскольку, как он полагал, передачи включаются недостаточно четко, и он ещё не решил для себя стоит ли машину отдать в ремонт, что обойдется весьма не дешево, или следует немного подождать и приноровиться. Она смотрела на него преисполненная внутреннего страха и ожидания. Стороннему наблюдателю могло показаться, что он намеривается вытащить джина из пустой кофейной чашки, но у него, пока, не получается. Тем не менее, он сумел приковать внимание к своим жестикуляциям не только своей собеседницы, но посетителей из ближайшего окружения. Некоторые из них даже попытались принять участие в интересной беседе. Но у них это получилось как-то вяло и не вызвало такого живого отклика со стороны остальных зрителей.

К концу этого монолога, когда внутри молчаливой слушательницы иссякнул запас терпения, а в маленькой кофейной чашечке напиток бодрости, она, ткнув пальцем в пустой стул, оставленный карликом, спросила, естественно, по-английски:

– *Когда Джим вернётся?*

– Он ушел, – махнул Николай рукой в сторону двери.

– *Верни его. Я ничего не понимаю. Если хочешь со мной что-то обсудить, то, пожалуйста, говори по-английски. Или верни Джима.*

– Он ушёл, чтобы не мешать нам, – радостно уточнил парень, – И правильно сделал. Знаешь, что я хотел сказать тебе? – принял он, вдруг, серьезное выражение лица, – Ты очень мне нравишься, – произнес проникновенным тоном, – Я, как увидел тебя в первый раз, ещё тогда, в кабинете твоего отца, так сразу понял, что, ты, будешь моей. Ты, очень красивая. Ты, даже сама не понимаешь, какая, ты, красивая. Ты, понравилась мне с первого взгляда. Я очень боялся, что, ты, не придёшь, потому что у тебя уже кто-то там есть. Но, ты, пришла. И я очень рад этому. Даю тебе честное слово, что, ты, станешь для меня самым значимым человеком в жизни. Мы всегда будем вместе. Ты, меня слышишь? Ты, меня понимаешь?

Лиза не поняла точного значения обращенных к ней слов, но общее направление мысли, облаченное в интонацию, до неё дошло сразу. Это её несколько озадачило. Сидящий перед ней парень, явно объяснялся ей в своем отношении. Она ему нравилась. Это она поняла. Нравилась даже такой, какой являлась в настоящий момент. Хотя, для него это большого значения не имело. Поскольку он больше знает её другой, если, конечно, он тот, кем она его полагает. И если он – это действительно он, то в этом нет ничего удивительного, ибо по сути своей она прекрасна, и между ними давно уже всё оговорено в полной мере. Тогда зачем дальше притворяться? К чему эти личины? Может, было бы проще вернуться и обсудить сложившуюся ситуацию так, как это принято в нормальном, цивилизованном обществе? Спокойно, без лишних эксцессов, тем более, что она в полной мере усвоила преподнесенный урок и сделала правильные для себя выводы. Что следует, хотя бы из того, что она сидит здесь и внимательно слушает эту белиберду вот уже без малого тридцать минут.

– *Зачем эта комедия?* – вырвалось, вдруг, из нее, – *Я согласна вернуться к тебе. Давай просто вернемся домой. Я не хочу больше здесь оставаться. Мне страшно. Пожалуйста.*

Словно почувствовав настроение девушки, Николай ещё больше притушил звучание своего голоса, бережно взял её руку и поцеловал. Затем ещё раз. Она не сопротивлялась. Она смотрела на него так, как смотрят на дорогой, бесполезный подарок, принимая его, но, не понимая, для чего, собственно говоря, он нужен.

Кафе они покидали вместе, почти по-дружески. После третьей чашки крепкого кофе, после перенесенных волнений и потерь, у неё сильно разболелась голова. Она шла, погруженная в эту боль, почти бессознательно, туда, куда он её вёл вдоль улицы. Он же непрерывно о чем-то рассказывал, размахивал руками и тыкал пальцем в припаркованные автомобили. Что он имел в виду, Лиза не понимала и даже не пыталась понять. Она отдалась воле Судьбы, утратив всякую надежду как-либо противиться или бороться с ней. Она сломилась. Сила намного могущественнее той, какой она обладала, раздавила её окончательно, как грузовик жабу. Ну, так и путь оно будет так, как оно будет.

Тем временем парень посадил её в какой-то пропыленный насквозь автомобиль и куда-то повез. За окном мелькали дома, деревья, машины, люди. В салоне пахло бензином и старыми тряпками. Внизу непрерывно что-то громыхало и позвякивало. Он всё время болтал, перекивая дребезжащую из динамика музыку, а ей хотелось просто прилечь на заднем сиденье и умереть, тихо и спокойно, так, чтобы никто не видел и никто не мешал.

Наконец, машина остановилась во дворе какого-то дома. Музыка смолкла, громыхание прекратилось. Он открыл дверцу, помог ей вылезти из салона, и повел к какому-то подъезду, мимо помойки, через длинный шлейф отвратительных запахов, исходящих от распаренных солнцем пищевых отходов. Потом последовала тёмная лестница и его горячий поцелуй прямо в губы перед какой-то железной дверью. За ней оказался узкий коридор и вот она уже лежит на кровати, а он, осыпая поцелуями её онемевшие руки, снимает с неё эту отвратительную, вульгарную блузку, стягивает старые джинсы, наваливается сверху и делает то, что положено делать только законному супругу. Но ей всё равно. Она не издала ни единого звука. Раз так

предопределено то, пусть так и будет. Пускай он, безжалостный и великий, наслаждается её телом и радуется блестяще одержанной победой над беззащитной, бедной девушкой. Пускай торжествует над раздавленной её жизнью.

* * *

Лиза очень удивилась, обнаружив себя голой в чужом доме, в чужой постели, рядом с незнакомым, голым мужчиной. Всё события имевшие место сначала в универмаге, а затем в кафе, отошли в сторону, как некий посторонний сюжет из жизни другого человека, не имеющего к ней никакого отношения. Она отчетливо помнила, как всего на несколько минут вышла из дома купить заколку, зашла в обувной отдел и вот, оказалась тут, в самом, что ни на есть, неприглядном для себя виде. Кто этот парень, что с таким наслаждением курит, откинувшись спиной на подушку? И как она оказалась с ним рядом?

Она отчетливо осознавала, что между ними случилось всё, что только могло случиться между мужчиной и женщиной. Судя по ощущениям внизу живота, происходило это довольно бурно и продолжительно. Однако, она никак не могла вспомнить, как именно. И главное, почему она согласилась? Как вообще такое стало возможным! Каким образом всего за пару минут она смогла перенестись из магазина в постель и совершить то, на что минуты, при обычном развитии событий, никак не достаточно.

«Может, у меня провал в памяти? – подумала она, – Может, меня похитили? Он похитил. Иначе и быть не может. Схватил на улице, стукнул по голове и затащил в своё логово».

Оно посмотрела на его наглое, самодовольное выражение лица.

«Каков подлец! Стукнул, затащил и изнасиловал. Поэтому я ничего и не помню».

Рядом с раскрытым диваном на журнальном столике поверх ярких обложек автомобильных изданий валялась растерзанная пачка импортных презервативов «Durex».

«Надеюсь, он пользовался ими. Убью, если нет, – промелькнуло в мозгу, – Однако, что мне теперь делать?»

– Любимая, ты, проснулась? – заметил он движение её глаз и тут же загасил сигарету прямо об одну из лощенных обложек журналов, сунул окурочек в пустую коробочку из под презервативов. – Мне было так хорошо, – произнёс вкрадчивым тоном. – Ты, у меня такая красивая, – склонился над ней и нежно поцеловал в плечо, – Такая нежная. Тебе со мной хорошо?

От него неприятно пахло табаком и потом.

– Ты бы мог больше не курить, – сдержанно заметила она.

– Извини. Я у тебя спросил, но, ты, ничего не сказала. Ты, видимо, спала. Я вообще-то бросаю, но сегодня... ты, снова говоришь по-русски? Я рад. У тебя такой нежный голос.

– Я что, похожа на дуру, которая не говорит по-русски? – зло заметила она, прикрываясь одеялом. – Где моя одежда? – присела, оглянулась, заметила на рядом стоящем кресле свою скомканную блузку. – Это, ты, её сюда бросил?

– Извини. Я хотел аккуратно, но... – начал он оправдываться.

– Отвернись. Мне нужно одеться. Хотя сначала, я бы хотела принять душ, – почувствовала она на своем теле отвратительные, чужеродные выделения. – У тебя есть душ?

– Конечно. Сразу направо. Первая дверь. Я провожу?

– Сиди. Сама найду. Полотенце там есть?

– Синее. Махровое. С тигром. Чистое. Позавчера повесил.

– Спасибо.

Она встала, подняла с пола свои джинсы, стянутые с неё вместе с трусиками, подхватила блузку и вышла в коридор.

Ощущение «дежа-вю» больно толкнуло в сердце. Здесь она уже раньше была. Этот узкий проход, оклеенный полосатыми, коричневыми обоями, уже когда-то встречался в её жизни.

Но когда? Щелкнул выключатель. Ванная комната оказалась маленькой, узкой с грязным чугунным корытом, ютившимся за просаленными, полиэтиленовыми шторами. Но это обстоятельство уже мало её беспокоило. Хотелось поскорее вымыться и уйти отсюда. С тем, чтобы забыть, как дурной сон, смыть чистой водой из памяти всякое воспоминание об этом дне, выкинуть из себя, как наваждение, как досадное недоразумение, что иногда случается в нашей такой непростой, суетной жизни.

«Надеюсь, деньги он у меня не украл», – промелькнула в голове мысль.

Поверила карманы джинсов. Маленький кожаный кошелек белого цвета оказался на месте. Деньги из него не пропали.

«Как же это он смог меня сюда затащить? – подумала она, открывая воду, – Хотя такой бугай, мог сделать, что угодно. Кто станет вмешиваться? Хотя... не похож он, вроде как, на насильника, – она чуть приоткрыла дверь и в образовавшуюся щель выглянула наружу. Парень с виноватым видом сидел на диване, чуть свесив вниз голову, – Нет, не похож он на насильника, – отметила про себя, – Значит, случилось что-то другое. Неужели опять приступ?»

Лизе уже много раз рассказывали о её странных приступах, и о том, что во время их наступления она говорит исключительно на английском языке, объявляя себя невестой какого-то английского лорда. Она и сама что-то об этом потом помнила. Но всякий раз отметала в сторону, как нечто несуразное, никак не согласующееся с условиями её обычной, нормальной жизни. Слишком абсурдным всё это казалось. Да и английский язык она с горем пополам освоила только в рамках школьной программы и никак не могла изъясняться на нём свободно. Она даже испытывала к нему внутренне отвращение, как к чему-то мертвому, чужеродному, навязанному извне насильно, вопреки желания и здравого смысла. Но он упомянул о том, что она снова говорит по-русски. Следовательно, она говорила иначе. Он называл её «Любимая», и его поведение никак не соответствовало её представлениям о насильниках. Выходит, она отдалась ему добровольно? Во время своего очередного приступа? Иначе как объяснить её присутствие здесь, в чужом доме, в одной постели с этим мужиком? Значит, он овладел ею в то время, когда она не осознавала себя, хищно воспользовался её беспомощным состоянием. Подлец.

Тщательно вымывшись, она оделась и вышла из ванной. Он встретил её в узком коридоре, облаченный в модную темно-синюю футболку и джинсы.

– Я приготовил нам перекусить, – ласково улыбнулся ей, – Кофе, горячие бутерброды с ветчиной и сыром. Наскоро, что успел. Всё готово.

Из кухни доносился восхитительный аромат поджаренной ветчины, хлеба и кофе. Настолько сильный, что моментально перебил исходящий от него запах пота и отозвался сокровенным урчанием в желудке.

Лизе сразу захотелось есть. Только сейчас она почувствовала, как сильно устала и как страшно голодна. Словно почувствовав эту внутреннюю борьбу между желанием уйти и остаться, он произнёс, несколько смущаясь и путаясь:

– Ты, знаешь, я так счастлив, что, ты, у меня осталась. Я хочу сказать, что мне очень хорошо с тобой. Мне ещё никогда не было так хорошо и спокойно, как сейчас, когда, ты, здесь, со мной. Ты, такая красивая. Спасибо тебе, что, ты, есть на этом свете. Спасибо тебе, что я тебя встретил. Пожалуйста, не уходи, так быстро. Позволь мне ещё немного побыть рядом. Позволь угостить тебя, Любимая?

Она не знала, что на это ответить. Он буквально настигнул её врасплох, опрокинул и спутал все карты. И пока она вновь собиралась с мыслями, достал из-за спины большой помидор ярко красного цвета и спросил с обезоруживающей детской непосредственностью:

– Нашел в холодильнике последний помидор и не знаю, что делать. Порезать и положить на горячий сыр или просто подать отдельно, на тарелочке? Ты, как думаешь?

Ей захотелось ответить ему, что он может засунуть этот помидор в известное ему место, но не смогла. Сердце её дрогнуло, и зов плоти пересилил голос рассудка. Она согласилась остаться и перекусить. Тем более, что он больше не вызывал в ней никакого страха или настороженности.

«Уйти я всегда успею» – решила она, следуя за ним на кухню.

* * *

Они зашли в маленькое кафе, приютившееся в каком-то глухом переулке, где гостей обещали попотчевать чем-то грузинском. Об этом красноречиво вещала вывеска «Кухня Кавказа» с изображением изогнутого бараньего рога.

– Садись. Угощаю, – радушно пригласил Николай своего маленького друга занять место за круглым столиком, стоящим возле пыльного окна, – Это событие следует отметить. Чем-нибудь вкусненьким.

– Хочешь отпраздновать очередную победу? – поинтересовался Дмитрий Кириллович.

– Ты даже не представляешь масштаб моего достижения. Мы прорвались на строительный рынок. Понимаешь это? Влетели. Ракетой. Можно сказать, вонзились в самое мясо.

– И как тебе это удалось?

– Как говорят французы: ищите женщину. Всего три встречи и я – потенциальный зять генерального директора большого строительного треста. Вот так, – самодовольно раскинулся на стуле победитель. – И всё, благодаря тебе, – добавил, многозначительно кивнув головой.

– Мои поздравления, – сухо молвил малыш, устраиваясь напротив, в тенечек, куда яркое солнце не могло дотянуть свои жаркие щупальца.

– Заказывай, что хочешь.

– С меня кофе достаточно. Я ел недавно. Спасибо.

– Ты, как будто, не рад.

– Почему? Рад. У тебя получилось. Молодец. Можешь собой гордиться.

– Так в чём дело? Всё. Началась работа. Нормальная. Понимаешь? Засучай рукава и вперед с песнями. Сидеть будет некогда. Поэтому быстренько пьем кофе и побежали.

– Ага. Только, давай без меня.

– Это ещё почему?

– Я тебе уже говорил об этом. Раз десять. Но, ты, как-то, меня не слышишь. Или не хочешь слышать. Не тем, ты, занимаешься. Вот почему. К чему это всё?

– Я тебе отвечал на это. Раз десять. Заработаем денег, станем свободными и будем делать, что захотим. Это что, не понятно? – Николай взял в руки меню, – Ты, что будешь? Шашлык, хачапури или люля-ке-бабу?

– Мне бы чего попроще. Ватрушка есть?

– Как скажешь. Мне всё равно. Ватрушку, так ватрушку.

Подошла официантка славянской наружности:

– Что будем? – поинтересовалась, с любопытством рассматривая маленького усатого человечка, – Может вам детский стульчик подать?

– Спасибо. Так обойдусь, – поблагодарил Дмитрий Кириллович.

– У вас тут ватрушки есть? – переключил её на себя рослый товарищ.

– Есть.

– Свежие?

– У нас все свежее, – нагло соврала официантка.

– Тогда два кофе и две ватрушки, – кратко распорядился гость.

– Кофе каких?

– Два капучино, – тут же последовало уточнение.

Девушка чиркнула ручкой в блокнотике и удалилась, видимо, выполнять заказ.

– Сколько бы ты денег не заработал, свободным, ты, никогда не станешь. Это иллюзия, – заметил маленький друг детства.

– Почему это?

– Потому это. Это обман навязанный человечеству. Обладание большим количеством денег не делает человека свободным. Всё как раз с точностью наоборот. Чем больше денег, ты, будешь иметь, тем менее свободным будешь становиться. Сам себя закабалишь. Ограничишь. Заточишь в золотую клетку.

– И каким это образом?

– Тут всё зависит от того, что понимать под «свободой», – продолжил Дмитрий Кириллович, – Если «свобода» от голода и холода, то есть такое понимание, какое дается на физическом плане, то – да, деньги позволяют её достичь. Освободить тело от голода и холода. Если под «свободой» понимать нечто большее, как, например, свобода от кабалы своего тела, свобода образа мыслей, свобода сознания, – то нет. Тут извини. Потому что сознание человека ограничено сферой его интересов. Что его заботит, о том он и думает. Если его заботят голод и холод, то он думает о деньгах. А если его заботят иные вопросы, то деньги его, собственно говоря, не очень сильно волнуют. Они отодвигаются на второй план.

– Так, я тебе и предлагаю отодвинуть их на второй план. Потом. Когда они у нас с тобой будут. Для того чтобы что-то отодвинуть, нужно сначала поймать то, что отодвинуть, – откинулся на спинку стула Николай Михайлович, весьма довольный своим умозаключением.

– Ты снова меня не понял, – вздохнул коротышка, – Скажи, тебе будет жалко потерять то, что тебе с таким трудом удалось добыть?

– Конечно.

– Вот видишь. Значит, ты, не захочешь терять деньги, если они у тебя появятся. Ты будешь думать о том, как бы тебе их сохранить и даже приумножить. Ты не будешь уже думать о чем-то другом. Потому что если, ты, начнешь думать о чем-то другом, то сразу начнешь терять свои деньги. Вот тебе и ловушка. Вот тебе и кабала. Едва только, ты, в неё вляпаешься, так тебя тут же начнут окружать сплошные обязательства, которые предполагают либо получение этих самых денег, либо их сохранение. Для того, собственно говоря, всё и делается, чтобы образовать эти самые обязательства. Стоит тебе их на себя принять и, ты, уже не свободен, ты, уже из них больше никогда не выскочишь. Ты, влипнешь в них, по самые уши, как муха влипает в мёд. Еды много, а улететь невозможно. Вот и получается, что не, ты, деньги схватил, а они схватили тебя. Схватили и держат. Кто же их бросит? Если, ты, их бросишь, то их вмиг пригребут другие. Ничего не оставят. Выбросят тебя на обочину. Это же страшно остаться, вдруг, нищим. Вот и получается, что сначала безумная гонка, а потом беспросветное бдение. Жадность и Страх воцарились над Миром. Жадность и Страх вместо Любви и Добра. И кто, спрашивается, в этом виноват? Кто нам это всё нам подарил?

Девушка принесла кофе с ватрушками.

– Ну, и кто нам это всё подарил?

– Я много читал в последнее время. И вот, что выходит. Россия во времена Петра не была единым государством. На территории современной России тогда была два государства: Московия и Великая Тартария. Упоминание о Великой Тартарии сохранилось только на английских картах 17 века. Все сведения о ней из истории начисто стёрты. Ничего не найти. Но она была. И занимала громадную площадь: от Тихого океана, то есть всю Сибирь, и до Волги. Так вот, Петр правил только в Московии. И никакого окна в Европу он не прорубал. Романовы уже тогда были ставленниками этой самой Европы в Московии. Так сказать, были смотрящими за отдаленными провинциями. Вот он и захотел, чтобы и его вотчина стала похожей на эту самую Европу, на этот золотистый фантик, прикрывающий собой обыкновенное дерьмо, – малыш подтянул к себе чашечку и стал медленно, размешивать маленькой ложечкой

сахарный песок, – Ты посмотри, что было у нас, и что было у них. У нас: поля, храмы, деревянные города, в которых приятно жить людям, духовные устремления. А у них: каменные города, похожие на тюрьмы, заводы, инквизиция, послушная паства, согнанная в стадо. О чём это говорит?

– О чём? – одарил Николай ясным взором маленького собеседника чуть возвышавшегося над краем стола.

– О том, что в России люди испокон веков жили совершенно иными ценностями, – уточнил тот, – Они жили, находясь ближе к Богу. К истинной своей Природе, к пониманию сущности своего предназначения. Ближе к тем непреходящим ценностям, о которых мы, благодаря радениям Петра, сегодня почти все поголовно забыли. А Запад всё это время жил только своим брюхом, товарами, деньгами, страхом и послушанием. Петр распахнул ворота перед чем? Перед этим самым страхом и послушанием. Перед товарами и деньгами. Перелил, так сказать, церковные колокола в пушки и думал, что сотворил великое благо. Развернул, так сказать, сознание народа в сторону подлости и корысти. А разве этого было русскому человеку нужно? России-то он не знал. Не понимал её. И не хотел понять. Он вообще русским не был по своему рождению. Ну, что в ней такого просвещённого в этой Европе? Всеобщая жажда наживы? Желание каждого прибрать к рукам побольше денег? Знание о том, как наилучшим образом сотворить себе капитал в ущерб другому?

– От чего же в ущерб? Может, как раз, наоборот, во благо, – возразил рослый приятель.

– Какое тут может быть благо? Благо в чём? В том, чтобы один помыкал другим только потому, что него больше денег? В этом заключается благо? – обтер бумажной салфеточкой маленький философ свои усики, испачканные кофе, – Вот что, спрашивается, совершил Петр? Разрушил мир Любви и Добра, и распахнул ворота перед Страхом и Жадностью. И кто он после всего этого?

– Тебя послушать, так он просто монстр, – усмехнулся собеседник.

– А кто же он, по-твоему? Благодетель?

– Ну, и не монстр. Вон сколько ему памятников наставило благодарное человечество.

– А что в этом хорошего?

– А что в этом такого плохого?

– Да, то, что чтут не те ценности, вот что, – заключил Дмитрий Кириллович, – Произошла подмена понятий. Обман, если хочешь. Глобальный обман планетарного масштаба. Всем просто мозги промыли и запудрили. Сначала промыли, а потом запудрили. Даже в Писании сказано: «Не собирай себе сокровищ на Земле». Но кто этому следует? Все думают только об одном – о собственном пузе. Сколько всякого разного и умного уже было высказано по этому поводу, и всё – безтолку. А сколько ещё будет высказано! И, думаешь, это кого-нибудь изменит? Ты скажешь: кому интересно сидеть голодным и думать о вечном? Отвечу: никому. Все хотят сидеть в тепле и холе. Пить кофе с ватрушкой. Рассуждать о бренности бытия. Никто не хочет работать в поте лица своего, добывая себе хлеб насущный. Так ведь?

– Конечно, – с готовностью согласился Николай, кусая эту самую ватрушку.

– Вот все и бросились за деньгами. Ринулись, как тараканы на приманку. И что с ними будет потом? Потом через эти деньги они все станут послушными и покладистыми, либерально настроенными демократами, достойными членами потребительского общества, которых затем можно будет легко и просто отправить на бойню. Всех поголовно. Как это уже ни раз случилось, чему примером служат первая и вторая мировые войны. Вот что с ними будет потом, – малыш назидательно вознес над столом пальчик, – А всё почему? И всё по какой причине? А всё потому, что они не понимают, что есть такое человек. Человек, как таковой. Кто они, собственно говоря, по своему рождению? В чём их суть и в чём смысл их жизни.

– А ты понимаешь? – ехидно заметил Николай Михайлович.

– Да. Я понимаю, – твердо заявил малыш, – Я понимаю, что человек это не тело. Вернее, тело – это ещё не человек. Это всего лишь физическая оболочка человека. Маленькая фронтальная сущность, если хочешь. Человек – это гораздо больше, чем тело. Человек – это, прежде всего – Сознание, Дух и Душа. Это проявление Высшей Сущности, или, если хочешь. Это некий энергетический частотный потенциал, работающий здесь и сейчас на определенной частоте созвучной частоте этой Высшей Сущности или частоте Бога.

– Ну, ты, и вылепил, – усмехнулся рослый товарищ, смачно кусая ватрушку, – Сам-то понял, чего сказал?

– Потому и сказал, что понял. Убери этот частотный потенциал из человека и его не станет. Останется одна оболочка. Зомби. Зверь. Тварь дрожащая. Да, и та проживет не долго. Россыпится, как сухая кучка песка. И что в результате у нас получается? Человек заботится об этой кучке песка, вместо того, чтобы заботиться о своем частотном потенциале. Всю жизнь гонится за деньгами, вместо того, чтобы повышать частоту вибрации этого потенциала.

– Как это повышать? Через что?

– Через Сознание, через Творчество, через Единение с Богом. Через Нравственность, если хочешь. Это единственное, что отличает человека от обезьяны. Уровень сознания. Уровень Нравственности. Именно он, как творческая сила, ведёт человека к созданию того, чего раньше до него на Земле не было. Это же так просто. Только начни что-то созидать, и ты с неизбежностью столкнешься с пониманием этого.

– Занятно, – почесал голову Николай Михайлович.

– Более чем занятно, – едва не подпрыгнул на месте Дмитрий Кириллович, – От одного только понимания того, что такое человек мы приходим к пониманию Мира, Смысла жизни и постижению законов Вселенной.

– Ну, ты, мне объяснил. Я понял. Давай кофе пить. Оно почти остыло. Тело, оно, конечно, вещь незначительная, по сравнению со Вселенной, но и его питать надо. Иначе потенциалу негде будет вибрировать.

– Ему и так негде вибрировать. Условия не позволяют.

– Это ещё почему? Кто это, тебе, мешает вибрировать?

– Выстроенная система ценностей. Вот что мешает. Окружение бездуховных людей. Как можно вибрировать на высокой частоте в низкочастотном поле? Мне же тоже хочется общаться с людьми понимающими меня. Не могу же я жить в обществе абсолютно один. Белой вороной. Все вокруг все хапают, жрут, воняют, а я нет. Все быдлеют, а я весь в белом. Это же страшно. Это как оказаться одному среди стада свиней. И так я ни на кого не похож.

– Да, ладно, тебе. Брось. Не все так плохо. Я же тебя понимаю. Мы же только жить начинаем. И затем, почему обязательно жрут. Просто хотят жить более удобно. Более комфортно.

– Комфортно.

– Ну, да. Я и говорю. Хватит, говорю, посидели в дерьме. Посмотри, как люди жить начали. Столько разных возможностей открылось. Мы на строительный рынок выходим. Первый подряд получили. Давай, работай. Созидай. Как, ты, говоришь, включай творчество. Генерируй хорошие вещи. В этом и есть смысл нашей реформы. Каждому теперь позволено делать хорошие вещи. Чтобы всем хорошо было. А, ты, сразу – быдлеют. Не быдлеют, а делом занимаются. Кончай ныть. Лучше ватрушку кушай. Это тебя утешит.

– Ватрушкой рот не заткнёшь, – улыбнулся Дмитрий Кириллович, – Ватрушкой душу не утетишь.

– Зато тело укрепишь, для пользы потенциала, – улыбнулся в ответ Николай, – В конце концов, ты, же понимаешь, что я не только для себя стараюсь. Я же тебе обещал, что помогу тебе вырасти. Обещал? Я слово своё помню. Вот увидишь, заработаем денег, найдем тебе супер-специалистов и они, будь в этом уверен, вытянут тебя до нормального роста. Никуда не денутся. Не ниже других будешь. Сам говорил, что человек растёт до тридцати лет.

- До тридцати трех, – поправил коротышка.
- Тем лучше. Но всё равно, времени у нас с тобой не так много. Рассиживаться некогда. Деньги зарабатывать надо.
- Так генерировать хорошие вещи или деньги зарабатывать?
- Одно другому не мешает. За хорошие вещи и платят хорошие деньги.
- Так всё же вещи или деньги? – акцентировал Дмитрий Кириллович.
- Будут деньги, будут и вещи, – уточнил Николай Михайлович, – Договорчик мне набросашь ко вторнику?
- Нет. Извини. Я же сказал, давай без меня, – как-то насупился маленький собеседник.
- Это ещё почему? – удивился большой.
- Неприятно мне всё это. Понимаешь? Стыдно. И тебе должно быть за это стыдно.
- А по вагонам обезьянкой ходить приятнее было? Это было не стыдно?
- В вагоне я никого не обманывал. А тут придется обманывать. Или, ты, знаешь иной способ, как заработать большие деньги?
- Зачем же обязательно обманывать?
- А как же быть с присвоением прибавочной стоимости? Забыл «Капитал» Маркса? Так я напомним. В присвоении и кроется обман. Рабочую силу покупают по одной цене, а товар продается совсем по другой. Сейчас все деньги зарабатываются на откровенной спекуляции. Это даже не прибавочная стоимость. Это вообще деньги из воздуха. Деньги ни за что. Как бессовестный ссудный банковский процент. А я хочу заниматься тем, что мне интересно. И за что мне не будет потом стыдно.
- Все хотят заниматься тем, что им интересно. И что с того? Жить-то, на что будешь?
- Придумаю что-нибудь.
- Я уже всё придумал. Не строй из себя гимназистку и болваночку мне ко вторнику подготовь. Хорошо?
- Ну, подготовлю. А дальше что?
- А дальше не волнуйся. Дальше, всё будет хорошо. Тебе понравится. Это же совсем другое дело. Это же стройка! Какая тут может быть спекуляция? Туда, сюда. Всё крутится, вертится. Все бегают. Обороты. В общем, давай, допивай кофе и пошли. Время не ждет. Мне ещё ребят зарядить надо.

* * *

Прошло три месяца и о новой строительной фирме «СтройМорМонтаж» заговорили на разных уровнях строительного рынка. Название появилось с подачи Ивана Ивановича, что обеспечил новому зятю своими связями первый большой подряд по ремонту здания котельной, обогревающей центральный офис «Балтийского Морского пароходства». Следует отдать должное, новоявленный строитель свои обязательства выполнил точно в отведенный ему довольно короткий срок и за весьма умеренную плату. Правда, сразу после расчета пароходство внезапно впало в состояние банкротства и стремительно развалилось, так и не испытав в полной мере высокое качество произведенных работ. Но на связь между этими событиями никто особого внимания не обратил. Тем более, что в тот период законодательство в этой сфере только развивалось и практически ничего не регулировало. Прямой заинтересованности между подрядчиком и заказчиком никто не усмотрел, а у кредиторов обанкротившегося предприятия и без того забот имелось великое множество: каждый самостоятельно стремился урвать свой кусочек. Но далеко не всем посчастливилось его получить.

Окрыленный своим первым успехом, глава начинающей строительной конторы начал обивать пороги кабинетов известных строительных трестов и очаровывать солидных управляющих своим оптимизмом и молодостью. Те, как правило, люди пожилые и разочарованные

жизнью первое время с удивлением воспринимали бесцеремонного визитера, вторгающегося к ним со своими смелыми предложениями. Но постепенно, оболеждённые его неуемной энергией, а больше положительным откликом и весьма приличной рекомендацией, в конце концов, сдавались, и отдали определенные виды работ под его исполнение, удивляясь, как это он сумел так быстро уговорить их на таких выгодных для себя условиях. Однако, условия заключенных договоров выполнялись и нареканий не следовало. Обусловленные откаты с авансов аккуратно передавались, журналы строительных работ велись правильно, акты скрытых работ составлялись, процентовки оформлялись вовремя и со стороны надзорных инстанций особых нареканий не поступало. Была ли в этом лично его заслуга или этому многомерно содействовал умудренный опытом будущий тесть – сказать сложно. Но встречались они часто и довольно много времени проводили наедине в кабинете Ивана Ивановича, откуда молодой руководитель всякий раз выходил задумчивый и лохматый.

Так или иначе, постепенно новая строительная контора стала уверенно обретать репутацию достаточно надежного субподрядчика на подхвате. Старых строителей особенно подкупала заинтересованность молодого директора в конечном результате общего дела. Не заработанные деньги, а хорошо построенный объект в целом, вовремя сданный в эксплуатацию. Казалось бы, что в этом важного для какого-то маленького субподрядчика, закрывающего свой незаметный участок. Получил деньги и гуляй – свободен. Другие будут отдуваться за сдачу дома заказчику. Так, нет, суетился, совал нос, беспокоился, участвовал в производственных совещаниях, выступал, предлагал свои, часто, казалось, абсурдные решения. И это замечалось. И это становилось приятным. И это начинало делать его своим. Далеко немногие молодые предприниматели проявляли такой интерес в общем деле, и стариков это подкупало. Всегда приятно увидеть, пусть даже и в чужом человеке, некое продолжение себя. Не зря же столько лет тянул ляжку... А, спрашивается, для кого?.. Своих сыновей не сильно привлекала хлопотливая строительная индустрия. Как говорится отдыхала природа в детях. А тут, вдруг, такое. И вот уже они старались оказать ему поддержку и обращали на него внимание заказчиков. Начали двигать вперед, укреплять хорошим субподрядом. Рекомендовали надежным поставщикам строительных материалов. Даже стали приглашать в баню, туда, где решались основные деловые вопросы во вне рабочее время.

Там, в атмосфере распаренной доверительности вершились большие дела, оговаривались условия сделок, производился разбор полетов в ненавязчивой, благожелательной форме, устанавливались новые контакты, завязывались связи. Вот тут молодой и ранний разворачивался во всю. Блистал, как клоун на арене, абсолютно не боясь показаться смешным. Непрестанно шутил, рассказывал анекдоты, постоянно путаясь и сбиваясь в сюжете, от чего становилось ещё забавнее, смело делился своими мыслями, легко признавал ошибки, искренне благодарил за науку, ненавязчиво проявлял заботу о каждом и даже принимал на себя обязанности организатора, показывая при этом завидную предусмотрительность в каждой мелочи, способной доставить дополнительное удовольствие даже пресыщенному комфортом состоятельному человеку. Если заказывался алкоголь, то лучший, если еда, то самая свежая и натуральная, если веники, то самые ароматные. Денег он не жалел. Для друзей, говорил, не жалко. И друзья отплачивали ему с торицей.

Но пролезть на строительный рынок, не значит крепко утвердиться на ногах в среде предпринимателей города. Для этого нужна ещё слава. Он начал рваться наверх, не упуская ни одного предоставленного ему шанса.

Как известно основным капиталом являются не деньги. И даже не заводы с пароходами. Главным капиталом является хорошая репутация. Именно она приносит человеку доход, и составляет основу его благополучия. Как говорится, для приятного человека никаких денег не жалко, а с противным – и на горшок рядом не сядешь. Какой уж тут бизнес? Все миллиардные состояния сколочены на доверии. Взять тот же «МММ» одиозного господина Мавроди.

Как только перестали ему люди верить, так сразу же всё рухнуло. А какой банк устоит, если все вкладчики начнут забирать обратно свои деньги? Да, что там банк, вся экономика Соединенных Штатов Америки держится исключительно на доверии. Иначе она бы давно уже развалилась под натиском бесчисленных кредиторов.

Прекрасно понимая это важное обстоятельство, Николай стал уделять большое внимание формированию своего положительного образа не только в среде строителей, но и среди деловых людей города в целом. Особенно тех, на кого он мог оказывать непосредственное влияние, т.е. представителей своего круга, независимо от того в какой сфере деятельности они прилагали свои усилия.

Природа одарила его обаянием и неумной энергией или они выработались под давлением огромного желания вырваться из нищеты, но так или иначе обворожительная, обезоруживающая улыбка оказывалась тем самым ключиком, которым он открывал двери человеческих сердец. Он врвался в их затаенный мир стремительно, как петарда, взрывая серую обыденность привычного распорядка дня невероятным мероприятием или поступком. О нём стали говорить, с ним хотели познакомиться, ему начали доверять.

* * *

Николай появился внезапно. Лиза никак не ожидала его в это время. Всего час назад уехал к себе в офис по срочному делу и, вдруг, вернулся. Она только приготовила краски, приколотла белый бумажный лист к фанере, установила на мольберт, и намеревалась нанести первый мазок тонкой, колонковой кисточкой, мысленно формируя будущую композицию из березки на крутом берегу реки, скамеечки под ней и улетающих вдаль журавлей, когда дверь в комнату шумно распахнулась, и он, всклокоченный и возбужденный, прямо с порога выпал:

– Собирайся. Быстро. Нас ждут.

– Куда? – окинула она его удивленным взглядом.

– Гонки на воздушных шарах. Я договорился. Все наши уже выехали. Погода отличная. Ты будешь в восторге. Давай. Быстро. Возьми свитер. Я переодеться и за биноклем, – с этими словами он исчез в сумраке коридора.

– Вообще-то я сегодня никуда не собиралась, – возразила она в образовавшуюся пустоту, – Ты, видишь, хотела немного поработать. У меня появились мысли...

Лиза не считала себя художником. Она вообще рисовать не умела и никогда этому не училась. Но внутреннее тяготение к чему-то такому, возвышенному, творческому, постоянно томило её душу. Дома она стеснялась этой своей, как ей казалось, слабости, поскольку её родители являлись людьми очень практичными, на земле стояли двумя ногами твердо и своего никогда не упускали. Мыслили категориями простыми, материальными, можно сказать, грубыми, но понятными. И если что-то не укладывалось в житейскую формулу «полезности», то оно тут же отвергалось и, даже больше того, подвергалось остракизму, как нечто, по меньшей мере, не серьезное. Поэтому брать в их присутствии кисть и писать никому не нужные картины, если они потом не продавались на аукционе за большие деньги, представлялось делом весьма глупым, убивающим зря бесценно отведенное время, которое можно, с гораздо большим толком, потратить на учебу, столь необходимую для социального становления и последующей карьеры. Не удивительно, что Лизе приходилось украдкой рисовать только в различных блокнотиках и тетрадках. Особенно на скучных лекциях в университете, где она числилась на третьем курсе психологического факультета. Училась она без энтузиазма и особого для себя успеха. Больше, видимо, пытаясь разобраться в собственном странном мировосприятии, чем постичь глубины человеческой психики. Не понял её творческого позыва и прежний жених Михаил, практически забросивший учебу в Технологическом институте и занявшийся так

называемым «бизнесом», по сути, обыкновенной спекуляцией, продавая всякую мелочевку через киоски. И только Николай как-то сразу откликнулся и проникся пониманием, даже более того, купил ей мольберт и краски. После чего она окончательно перебралась к нему жить на его съемную, малогабаритную квартиру, при молчаливом согласии Ивана Ивановича и вопреки бурным протестам Екатерины Павловны.

– Всё будет отлично, – донеслось до Лизы из глубины коридора, где он, видимо, копался в стенном шкафу, – Все свои мысли возьми с собой. И блокнот тоже. Там, может, увидишь отличный сюжет. Сразу и набросаешь. Вид будет обалденный! Это я тебе обещаю. Ты, когда-нибудь, летала на воздушном шаре? – появилась его розовое лицо в дверном проеме, – Это, говорят, забываемо. Всё. Возражений не принимаю. Через минуту нам выходить.

Она захотела ему сказать, что он может сам лететь, куда ему вздумается, а у неё работа, творческая мысль, настроение, но он, словно почувствовав нарастающую волну сопротивления, вошёл в комнату, нежно обхватил её своими сильными руками, прижал к телу, поцеловал и тихо произнес:

– Ну, куда я могу без тебя один полететь? Мы же с тобой вместе. Знаешь, как там будет красиво. Ты только представь себе: солнце, небо, земля под ногами и мы с тобой на высоте птичьего полета. Как орлы будем парить над полями, лесами, домами. Давай, Любимая моя, поехали.

Она, молча, кивнула.

– Кстати, ты, не видела моей красной футболки? Не могу найти. Такая, помнишь, аддисонская, – неожиданно перескочил он на бытовую тему.

– В стирке, – тихо молвила Лиза.

– Чёрт. Думал её надеть. Ладно. Купим по дороге другую. Это же моя лидерская футболка! Всё, хватай свитер, пошли.

Через минуту они уже мчались на его подержанной иномарке в сторону Кавголово.

* * *

На большом зеленом поле под яркими лучами солнца распускались разноцветные воздушные шары. Вокруг них суетились люди, наполняя их горячим воздухом, разогретым большими газовыми горелками. Вдоль дороги выстроилась цепочка автомобилей. Кто-то запускал бумажного змея. Стоял гул многочисленных голосов, говорящих громко и одновременно.

Парни, представленные Николаем и приглашенные им на «Праздник воздухоплавания», как он выразился, сначала Лизе совсем не понравились. Они показались ей какими-то чужими, закрытыми, замкнутыми. В её представлении они совершенно не вписывались в единую команду. Каждый из них больше уходил в себя, держался несколько зажато, сдержанно участвуя в общем разговоре и не позволяя остальным пересекать определенную грань дозволенного. Чувствовалось, что они ещё не достаточно хорошо знают друг друга, встречались от силы не более двух-трех раз, не имеют никакой объединяющей их идеи, и собрались здесь, главным образом, для того, чтобы развлечься, вернее, позволить другим развлечь себя в меру их сил и фантазии. Лизе даже показалось, что каждый из них слегка подтрунивает над собравшим их Николаем, как над составной частью общей забавы. На что он нисколько не обижался, и даже поддерживал такое к себе отношение, как поддерживает его клоун, выступающий на арене цирка. Ей даже стало слегка за него обидно. Особенно в те минуты, когда создавалось впечатление, что он перед ними слегка заискивает. Во всяком случае, по всему было видно, что всё они здесь не просто так, а по какой-то причине, и эта причина больше важна Николаю, чем каждому из них.

Всего, собралось человек семь. Прочти все одного возраста, молодые, в приподнятом настроении. Когда Николай представлял Лизу, то, называя каждого из стоящих полукругом

парней по имени, тут же подчеркнуто добавлял, какую фирму он представляет. И каждый из них являлся в какой-то степени хозяином своего дела: кто в сфере торговли телефонными аппаратами, кто в области маркетинговых услуг, кто в сетевой торговле, а кто в секторе поставок строительных материалов. Эта избранность представителей «новой жизни» Лизу даже несколько покорила. Настолько, что она не сумела запомнить толком ни одного имени. Зато это нисколько не смущало Николая. Он легко воспринимал такое окружение «сильных мира сего» и плескался в нём как рыба в воде.

«Вот, только от одного „бизнесмена“ ушла, – печально подумала Лиза, – Как тут же вляпалась в другого...».

Но её пессимистическое настроение продолжалось не долго. Стараниями Николая довольно пестрая компания быстро вступила в общий разговор, предшествующий запланированному мероприятию. Пока он бегал от одного шара к другому, о чем-то договариваясь с их владельцами, занятыми заполнением их горячим воздухом, Лиза вынужденно стояла в окружении новых знакомых и те, избрав её центром внимания, завели беседу ни о чём, которая постепенно, словно воронка, вовлекала в себя всех участников. Сначала обсудили удачное стечение обстоятельств, приведшее каждого на это поле в теплый, летний, субботний день. Затем воздали должное организаторским способностям её друга, по-доброму посмевшись над некоторыми нелепостями, допущенными им на прошлом мероприятии, когда он, желая с ветерком прокатиться по треку, втиснул свое большое тело в детский, спортивный кар и застрял в нем, не имея больше никакой возможности вылезти или поехать. Вызволять его пришлось с помощью трех техников и какого-то лома. При дружном обсуждении этого забавного случая завеса отчужденности с присутствующих как-то незаметно спала, и они открылись совершенно с иной стороны. Лиза с удивлением заметила, что это довольно милые люди, несмотря на молодость много понимающие в жизни, знающие массу смешных исторических фактов и анекдотов, особенно про «новых русских», дающие весьма ценные советы и делающие довольно разумные суждения. Ей даже стало с ними интересно. Но главное, они вдруг стали проявлять в отношении её живое, неподдельное участие, словно соревнуясь друг с другом в оказании ей маленьких знаков внимания. Кто-то даже извлек откуда-то маленькую шведскую шоколадку и угостил её. Это оказалось настолько приятным, что она, почувствовав себя женщиной, незаметно для себя перешла на игривый тон разговора, совершенно забыв о недавней своей настороженности. Особенно всех забавлял довольно бесцеремонный и шумный молодой человек по имени Валерий, по-видимому, считавший одно свое присутствие на этом поле большим подарком для всех окружающих. На это у него имелись определенные основания, если судить по его жизнерадостности и завидной раскованности. Название фирмы, которую он возглавлял, Лизе ни о чем не говорила, и она её даже не запомнила.

– Кстати, есть еще такой анекдот, – моментально заполнял он любую образовавшуюся паузу в разговоре, – Пришел один правильный пацан в антикварную лавку. «Что, – говорит, – У вас тут есть покруче? Хочу купить». Ну, ему, ясно, тут же втюхали барабан. Это, мол, от самого Страдивари. Очень крутая штука. Про Страдивари он слышал. Башляет. Приходит к своим, так, мол, и так, купил барабан от Страдивари. Ему говорят: ты, что, в натуре, Страдивари скрипки делал. «Как?» – удивляется он. Пошел выяснить. Возвращается весь такой из себя довольный и говорит: «Нифига. Это он для лохов скрипки делал, а для нормальных пацанов – барабаны».

Тем временем, вернулся Николай и на правах организатора мероприятия стал делить присутствующих на четыре команды по количеству арендованных воздушных шаров, больше ориентируясь на их весовые характеристики. Однако многие с таким подходом не согласились. Большинство изъявило желание оказаться на звездно-полосатом шаре в одной корзине с Валерием. Возникла некоторая заминка при распределении шаров и формировании команд. Однако, выход нашелся довольно скоро. Импозантный, холеный парень по имени Роман, веда-

ющий какими-то делами в области сотовой связи, предложил бросить жребий. Для этого, достав из барсетки пачку стодолларовых банкнот, он вынул восемь купюр, в уголке каждой писал цифры от единицы до четырех, по количеству воздушных шаров, перемешал их и протянул участникам:

– Так, – объявил всем, – Единичка – это «Америка», – ткнул пальцем в звездно-полосатый шар, – Двойка – «Оса», – указал на желто-зеленый, – Тройка – «Союз», – перевел палец на красный, – И, наконец, четверка – это «Такси», – показал на клетчатый, – Кто какую бумажку вытянет, тому на таком и лететь.

– Билет возвращать обязательно? – поинтересовался Антон, высокий, стройный, спортивного сложения молодой человек, занимающийся какими организационными делами среди молодежи за бюджетные средства.

– Можно не возвращать. Оставьте на чаевые, – великодушно бросил Роман под общие одобрительные восклицания.

«Счастливым» номер вытянул представительный, аккуратно одетый Константин, топ-менеджер официального представительства шведской компании «Скания» в Санкт-Петербурге. Остальным достались Оса, Союз и Такси. На последнем выпало лететь Лизе с Николаем и толстому, бесформенному владельцу розничной, торговой сети по имени Михаил.

– Наша задача догнать «Зайца», – начал инструктаж участников соревнования организатор мероприятия, огласив результаты жеребьевки, – «Заяц» – это вот тот белый шар с голубыми полосками. Он будет лететь впереди, – указал на край поля, где в воздух поднимался белоснежный круглый красавец, – Кто первый его догонит, тот и выиграл. Тот победитель. Тому приз, слава, наш респект и уважуха.

– И как мы будем его догонять? – поинтересовался Сергей, высокий, худой парень, слегка сутулый, хорошо и со вкусом одетый, носивший дорогие, импортные очки на остром, греческом носу. Из всех участников он менее всего понравился Лизе за его завидную щедрость в раздате весьма уничижительных оценок, циничные высказывания по каждому поводу и высокомерное отношение к людям. Из общего разговора она запомнила, что он с большим успехом гонял какие-то «вертушки» со щебнем по всему Северо-западу.

– Это просто. Но это не просто. Все дело в том, что вы должны будете поймать правильное направление ветра, – пояснил инструктор, – Вы спросите: как это сделать? Очень просто. Нужно поднять шар выше или опустить его ниже. Дело в том, что на разной высоте ветер дует в разные стороны. Отсюда ваша задача заключается в том, чтобы поднимая или опуская шар, найти нужное направление ветра.

– И как мы будет опускать шар? – задал вопрос Роман.

– Опустить шар будет не просто. Он все-таки шар, – пошутил Михаил.

– Опускать вам ничего не придется, – сквозь мужской общий смех уточнил Николай, – Это за вас сделает пилот. Он же владелец шара. Ваша задача заключается только в том, чтобы дать ему вовремя правильную команду: понять шар или опустить его. Вы командуете, он – исполняет. Он знает, как это делать. Всем все понятно? И учтите, с пилотами есть договоренность: без вашей команды они ничего не делают. Не стоит перекладывать на них свою работу. Всё должно быть по-честному. Спорт, есть спорт. После гонок нас ждет банкет в честь победителя. А теперь, предлагаю занять свои места в корзинах. Шары к старту готовы. Желаю всем попутного ветра.

* * *

– Вообще-то я боюсь высоты, – замялась Лиза, глядя на устремленный ввысь купол воздушного шара, тихо вздыхавшего прямо над головой.

– Какая тут высота? Брось. Ничего страшного. Не выше девятого этажа. Давай. Полетели. Всё будет хорошо, – Николай энергично подхватил её на руки и закинул внутрь плетеной корзины.

Следом погрузился грузный Михаил. Стер носовым платочком с лица крупные капли пота и изрек:

– Я первый раз на таком полечу. А вы?

– Я тоже, – сдержанно призналась Лиза.

– Стартуем! – бодро скомандовал организатор гонки, легко заскакывая к остальным.

Земля выпорхнула из-под ног. Казалось, что это не шар мягко взмывает в небо, а поле опускается куда-то вниз на огромном, неведомом лифте. Оставшиеся на нем люди, деревья, машины стали быстро уменьшаться в размерах и поначалу это показалось забавным. Лизу охватило ощущение необычайной легкости, будто она потеряла свой вес и теперь её уносит куда-то вверх, прямо к пушистым, белым облачкам. «Вот так, наверное, будет и после смерти, – подумала она, – Это и есть Вознесение». Неожиданно, оставшиеся внизу маленькие фигурки человечков, куда-то двинулись, раздвоились, поехала в сторону макушка высокой березки, автомобили, припаркованные на краю поля, странно закружились на месте, словно их понесло на какой-то неровной, медленной карусели, качнулось небо, и Лиза крепче схватилась руками за борт плетеной корзины, чтобы не вывалиться. Из живота стал подниматься какой-то холодный страх, голова как-то сама собой отяжелена и устремилась вниз, к земле. Она почувствовала подкативший к самому горлу приступ тошноты.

– Здорово! Правда, здорово! – гремел над ней голос Николая, перекрывая шипение большой, газовой горелки, – Выше! Давай ещё выше!

– Класс. Просто класс, – оценивал ощущение толстый Михаил, – Нам газа вернуться хватит?

– Хватит, – бодро отвечал пилот, бородатый мужик в синей, натянутой на самые глаза бейсболке, – До Англии долететь хватит.

Лиза попыталась преодолеть это охватившее её жуткое состояние, постаралась больше не смотреть вниз, но с неба на неё набросились скомканные, ватные облака, обволокли голову, согнули шею, и она снова увидела эту кружившуюся под ногами землю, торчащие иглами макушки деревьев, букашечных человечков и серые разрывы дорог между зелеными квадратами полей.

– Смотри, смотри, какие они маленькие, – склонился к ней Николай, – Здорово, правда? Я же говорил, что будет красиво. А вон и он – «Заяц»! Смотри, совсем недалеко улетел. Куда ветер? Так, давай выше. Ещё выше! – скомандовал пилоту, – Смотри, а вон виден залив. Видишь? Тут мне анекдот смешной рассказали. Про барабан. Слышала? Так вот, купил один пацан барабан. Ну, из этих «новых русских» и это, в общем, оказалось, что не тот барабан купил. Ему это так говорят. И он такой: «У меня барабан от Страдивари». Смешно, правда?

– Мне плохо. Мне что-то очень плохо. Опустить меня обратно, – ответила она слабым голосом.

– Как это? Зачем? Ты, что?!

– Меня сейчас вырвет? – опустилась она на корточки на дно корзины, – Мне, правда, плохо, – закрыла лицо руками.

– Что это с ней? – удивился Михаил.

– Так, ясно. Давай вниз, – скомандовал Николай пилоту.

– Зачем?

– Даме плохо. Ты же не хочешь, чтобы её стошнило.

– Нас отнесло. Придется возвращаться, – заметил тот.

– Значит, возвращайся. Черт. «Зайца» упустили. Ну, ничего. Давай, назад, – махнул рукой капитан.

– Как скажешь, – потянул за фал клапана рулевой.

Шар медленно стал опускаться.

– Гляди, куда эти уже улетели, – с досадой в голосе указал Михаил, тыча пальцем в сторону звездно-полосатого купола, стремительно от них улетающего, – Их теперь не догонишь.

– Догоним. Мы ещё не проиграли. Давай вниз быстрее.

– Куда? На лес? – усмехнулся пилот.

Пришлось производить сложный маневр. Шар медленно, убийственно медленно подплыл обратно к большому полю и едва коснулся корзиной земли, как Николай тут же выскочил из неё, стремительно вытащил Лизу и посадил её на кочку полевых цветов. Вдали маленькими цветными точечками стояли автомобили.

– Вот ключи. Иди к машине. Я скоро вернусь, – стремительно вскарабкался обратно в корзину, – Сама дойдешь? – скорее дал указание, чем спросил, – Там, на заднем сиденье бутылка с водой. Давай! Гони! – крикнул пилоту, – Мы скоро. Догоним и вернемся. Гони выше! Вперёд!

Длинный язык пламени со свирепым шипением вонзился в воздушное брюхо шара, его качнуло и он, оторвавшись от земли, устремился в синее небо. Но этого Лиза уже не видела. Её стошнило прямо в распахнутые глаза пушистого куста ромашки.

* * *

Прошло три часа томительного ожидания, прежде чем усталые шары стали медленно возвращаться на базу. Они тяжело подплывали к точке своего старта, зависали над ней и тихо садились, безупречно точно, как по заказу. В каждой такой мягкой посадке угадывалась рука опытного воздухоплователя.

Новоявленные спортсмены высыпались из корзин шумно, весело. Переполненные впечатлениями от полета и азартом погони они обменивались подначками, постоянно выясняя между собой, кто первым допустил трагическую ошибку при выборе высоты. Из их шумного спора Лиза поняла, что победу одержала команда Такси. Она невероятным образом обогнала всех остальных на самом последнем отрезке гонки и теперь все просто недоумевали, как им удалось это сделать.

Николай вернулся последним. Их клетчатый воздушный шар приплыл как триумфатор. Гордо совершил круг почета над полем и под аплодисменты ранее приземлившихся участников причалил. Те мгновенно обступили победителей плотным кольцом.

Лиза уже давно оправилась от своего недомогания, самостоятельно пересекла поле и всё это время провела в машине, слушая записи на аудиокассетах. Она бы с большим удовольствием отсюда уехала, но не умела водить машину и не взяла с собой на такси денег. Выйдя из автомобиля, девушка медленно, словно виноватая в чем-то, стала подходить к общей, шумной компании.

– Я кричу ему: «Давай выше. Лес. Разобьемся!», – ещё издали услышала она возбужденный рассказ Михаила, – А он: «Так держать. Так держать». Не знаю, как только мы не зацепились за сосны. Ветер нас так и гнал. Верхушки гнуться. Лес скрипит. Мы летим. Пилот орет: «Низко. Зацепимся. Рухнем». А он ему: «Так держать. Хорошо идем. Не дрейф, рухнем – заплачу». А потом вдруг: «Давай выше». Я даже не понял сразу. Тот как дал выше. И точно, ветер опять был наш. Так и гонит нас, так и гонит. Прямо наперерез Америке и Зайца. Прямо между ними вывернулись. Снизу.

– Мы просто офигели, как вы нас подрезали. Откуда вас только чёрт принес, – поделился впечатлением Валерий, – Мы думали вы всё, сдулись. Мы его почти догнали. Ещё чуть-чуть и всё, приз наш. А тут вы, как черти. Вынырнули из-под нас. Ну, сделали нас, просто на пять баксов.

– Так мы его и взяли, – продолжил толстый напарник, – Страха я натерпелся. Жуть. Особенно когда над самым лесом летели. Макушки под самой корзиной мелькали. Шишки на лету сшибать было можно. Еще немного ниже и все, кранты. Висели бы сучках, как белки.

– Скорее, как обезьяны, – уточнил Сергей.

– Обезьяны не висят. Они скачут, – обратил на себя внимание Александр, обычно не принимавший активного участия в разговорах не то в силу своей замкнутости, не то, полагая, что и без него смогут разобраться в таких поднятых на обсуждение пустяках. Как ни как он руководил каким-то производством на совместном с канадцами предприятии и, видимо, не привык бросать слов на ветер.

– Это всё потому, что вы легче стали, – усмехнулся Константин.

– Ага, как говорится, баба с воза... – заметил Сергей, ничуть не смутившись близкого присутствия той самой подошедшей к этому моменту девушки.

– Дорогая, мы победили! – радостно обхватил её Николай, всё это время молчаливо слушавший эмоциональное повествование своего напарника об их выдающейся победе, – Мы их догнали! Представляешь! Несмотря ни на что. Поймали ветер и догнали. Ты, как себя чувствуешь? С тобой всё хорошо? – поинтересовался, заметив равнодушное выражение её лица.

– Нормально, – сухо пояснила Лиза, – Мы здесь ещё долго? Я устала.

– Что значит устала? У нас впереди вечер. Ресторан. Отличный вечер с музыкой и танцами. Отличная выпивка, закуска. Такой день. Мы победили. Надо отметить. Ты, что не рада? Да, что с тобой?

– Я вполне уже развлеклась. Спасибо. Больше не хочу.

– Так, мужики, сейчас все дружно едем в ресторан «На взморье», – хлопнул в ладоши Николай, переключая внимание слушателей на себя, – Это отсюда недалеко. Валерий знает, где это, если кто-то ещё не в курсе. Там уже все накрыто, там нас ждут. Отдохнем, посидим, поздравим победителей, перекусим. Дорогая, поехали с нами, а? Ну, поехали? – настойчиво и тихо обратился к девушке.

– Нет. Я домой. Отвези меня, – твердо и громко заявила она.

– Так, парни, ежайте прямо туда. Я присоединюсь к вам четь позже. Хорошо? Поехали, – кивнул Николай Лизе и стремительно направился к машине, но, не пройдя десяти шагов, повернулся снова к оставленной им компании, – Да, чуть не забыл. Эта часть программы уже полностью оплачена. Чаевых я не касаюсь. Посчитаемся чуть позже, когда я вернусь, – развернулся и опять кивнул головой девушке, – Погнали.

* * *

По дороге они больше молчали. Лишь иногда обменивались незначительными фразами на отвлеченные темы. Каждый думал о своём, пытаясь внутри себя понять, что происходит. Говорить не хотелось. Тем более что-то обсуждать. Хотя, как Николаю казалось, обсудить было что. Но все его попытки хоть как-то объясниться, наткнулись на резкие, короткие фразы: «потом», «я устала» и совсем грубое – «отстань».

Всю дорогу до дома Лизу угнетало открывшееся ей равнодушное к ней отношение. Ему словно бы стало всё равно, его будто бы совсем не интересовало, что с ней происходит, как она себя чувствует, о чём думает, что переживает. Ей показалось, что он всецело поглощен только собой, беспокоится только об этом дурацком соревновании на воздушных шарах, заботиться только о том, как угодить этим самодовольными надутыми индюкам, бездумно бросавшим деньги на ветер и смеявшимся над глупыми анекдотами. Как такое могло произойти, что он, вдруг, отстранился от неё? Бросил одну посреди поля без помощи и поддержки? Выбросил из корзины на траву как балласт и улетел гоняться за каким-то никому не нужным «Зайцем»? Неужели эта идиотская затея оказалась для него важнее, чем она? Может быть, он её

разлюбил? А, может, и не любил никогда вовсе? Только притворялся всё время, что любит? Но зачем? Зачем ему нужно было притворяться? Зачем вообще она ему нужна? Может быть, ему нужна не она, а её отец с его большими связями? Ну, так и женился бы на её отце! Это же подло использовать любовь для достижения корыстных целей. Это же губит жизнь человека. Но, может быть, ещё рано делать такие предположения? Может быть, это случайно так вышло? Он просто ошибся, увлекся, заигрался, как ребенок, а на самом деле всё обстоит иначе, так, как было до этого?

Во двор заезжать он не стал. Оставил машину в проезде напротив дома. На его посеребрившем, жестком лице словно читалось: «Некогда. Сама дойдёшь».

– Извини, – произнёс он вместо поцелуя, – Мне с парнями ещё надо несколько деловых вопросов обсудить. Я, может быть, буду поздно.

– Поздно, так поздно, – хлопнула она дверцей. Как звонкую пощечину отвесила.

«И это за то, что я для неё сделал?» – поразился он.

Пока она не зашла за дом, Николай простоял на месте, провожая её взглядом. Она ни разу не обернулась.

«У неё что, крышу сорвало? – подумал он, – Что происходит?»

Он не понимал, за что к нему такое, вдруг, отношение. Почему она ведет себя так, будто он её оскорбил? Он же старался сделать, как лучше. Хотел устроить для неё праздник. Сделать так, чтобы всем было весело и интересно. Старался, можно сказать, изо всех сил. Подготовил настоящий для нее сюрприз. И вот на тебе: результат с точностью до наоборот.

«Нет, у нее явно с мозгами не всё в порядке, – решил он, трогаясь с места, – Все эти видения, перевоплощения, страхи, все эти её английские сюжеты, ей точно окончательно снесли башню. Или, всё-таки, я что-то не так сделал? Но я сделал всё правильно. Все были довольны. Мне себя упрекнуть не в чем. Я сегодня был просто молодец! Значит, точно не во мне дело. Блин... вот, блин, связался... Впрочем, все бабы такие. Никогда не знаешь, что у них на уме. Говорят одно, делают другое, думают третье. Может, к этому надо просто привыкнуть? Найти, так сказать, способ преодолевать неадекватность поведения? Адаптироваться к непредсказуемости? Если принимать это, как данность, то, наверное, вполне реально можно сосуществовать с ними в относительно стабильном состоянии. Некоторое время. Если вовремя делать поправку на неадекват. Но это же ненормально. Они, что не люди? Впрочем, какие они люди, если выкидывают такое. Другая бы на её месте „спасибо“ сказала. На шею бы бросилась. А эта! Вот с чего, спрашивается, надулась? Что, вот, ей надо? Нет, баб точно с собой больше не берём».

Решив, таким образом, он успокоился, включил музыку и стал насвистывать вылетающий из динамиков шлягер. Мимо промчалась украшенная воздушными шариками машина. Молодожены спешили навстречу своему счастью.

«Ещё этот хрен толстый без конца на свадьбу мне намекает, – подумал Николай, сворачивая в сторону ресторана, – А какая тут может быть свадьба с такой дурой? Вот так взять, и на всю жизнь, что ли? Потом не знать, что с этим делать. Это всё равно как на обезьяне с гранатой жениться. Сегодня одно, завтра другое. Нет, с этой свадьбой придётся повременить. Если вообще кончать с этой затеей. Типа, погуляли, и хватит. Хорошего понемножку. А что делать? Он сам-то не понимает, что тут такое? Не дурак, видимо, понимает. Поэтому и спешит спихнуть дочку, чтобы самому не мучиться. Дудки. Не выйдет. Я вам не клоун».

Подъехав к ресторану, он припарковался и прошёл в зал.

Участники состязания уже приступили к закускам. Их было разнообразно много. На любой вкус и под любой напиток. Как говорится, глаз радовался обилию разносола.

– Привет, привет. Всем привет. Вот и я, – устроился он на свободном месте за столом возле Михаила, видимо, оставленным для него, – Почему не пьем? – обозрел пустые рюмки, – Предлагаю тост, – тут же взял инициативу в свои руки, – Кому вискарика? – поднял бутылку и обозрел присутствующих, – Отличное шотландское виски хорошей выдержки. Реко-

мендую. На мой вкус, просто замечательное. Чего-то опасаетесь? – поймал на себе недоуменные взгляды, – Ах, да! Забыл сообщить. Примерно через четыре часа сюда приедут восемь водителей и каждого доставят туда, куда будет нужно. Вместе с его машиной. Проводят, припаркуют, ключи вернут. Все будет, мужики, нормально. Уже заказано.

– Так бы сразу и сказал, – первым протянул бокал Сергей.

За ним дружно последовали и остальные.

– А меня и так никто не остановит, – заметил Валерий, – Мою машину каждая собака знает. Просто скучно пить одному.

– Итак, предлагаю тост, – снова поднял рюмку Николай, – Предлагаю выпить за нас. За энергичных, инициативных, талантливых, креативных людей, делающих реальное дело, а не размазывающих соплю у себя под носом. С каждым из вас, так или иначе, мы сталкивались по делу. Но здесь мы собрались не для того, чтобы обсуждать какие-либо дела. Здесь мы собрались для того, чтобы просто нормально отдохнуть. Мы это заслужили. За нас, за умеющих жить в этом мире, дружить, делать дело и поддерживать друг друга. За нас, за сильных и смелых. За решительных и честных. За, я бы сказал без всякого преувеличения, основу нашего общества. В общем, за нас мужики, – и выпил залпом.

– Отлично сказано, – поддержал Антон.

Выпили. Закусили.

– Между первой и второй, перерывчик не большой, – напомнил Роман, – Предлагаю выпить за наших сегодняшних победителей. За тебя Коля, и за тебя Миша. Вы сегодня были просто молодцы. Сначала дать всем такую фору, а потом всех обогнать, это дорогого стоит.

– Да. И по этому поводу от лица российско-канадского предприятия вам вручается приз – одна тысяча долларов. Получите, – Александр встал, подошел к Николаю и передал ему конверт под аплодисменты остальных участников соревнования.

– Спасибо, друзья. Благодарю вас, – потряс награжденный над головой дорогим призом, – Будет на что сегодня как следует повеселиться. Ты, Миша, не против, если мы сегодня как следует покутим все вместе на все эти деньги?

– Нет, не против, – согласно закивал Михаил головой, – С меня вполне достаточно тех острых ощущений, которые я получил, когда сшибал шишки на елках своей задницей. Правду скажу, чуть не обделался.

– За вас друзья, – под общий смех завершил торжественную часть Роман и все снова выпили.

Разговор за столом оживился и далее вечер протекал, как обычно бывает в таких случаях. Много ели, много пили, говорили ни о чём. Когда на тарелках оставались лишь жалкие остатки шашлыка, Николай с полной рюмкой текилы подсел к Валерию, смачно курившему тонкую, дорогую сигару.

– Слушай, – тронул его за плечо, – Давай в следующий раз полетаем на дельтопланах.

– Давай, – согласно кивнул тот головой.

– С мотором, – добавил инициатор.

– Можно и с мотором.

– Или на парашютах.

– Можно и на парашютах.

– Без баб.

– Аналогично.

– Нет, баб больше брать не будем. Ну, их всех к чёрту, – эмоционально треснул стопкой по столу Николай, – Ну, что толку, что я её сегодня с собой взял? Вы, мужики, меня извините, что я её сегодня сюда притащил. Хотел сделать бабе приятное. Покатать, так сказать, на воздушном шаре. Когда ещё такое выпадет? Так нет. Видали, что было? Чуть из-за неё всё на хрен

не покатилося. Миху чуть не угробил из-за неё. Нет, мужики, давайте так договоримся: больше никаких баб ни за что никуда брать не будем. Всё. Точка.

Все с этим охотно согласились и для закрепления договоренности выпили.

– Парни, я хочу сказать, – поднялся Николай на нетвердых ногах, – Что мы с вами вообще сила. Мы с вами волки. Мы и должны быть силой. Потому что мы – волки. А волки – это сила. Это не стадо. Не быдло какое, которое там, канючит и скулит, типа дай денег, дай денег. Которые вообще не знают, что делать и что им надо. Мы знаем, что нам надо. Нам надо деньги. И будем иметь деньги. Потому что мы – волки. Потому что деньги – это сила. А у кого сила и деньги, то у того: всё будет хорошо!

– А, ты, Колян, ничего, нормальный такой, – оценил выступление Валерий, – С тобой можно иметь дело.

– Спасибо.

– Я тебе позвоню на днях. Встретимся. Обсудим.

– Хорошо.

– Может, что-нибудь сляпаем.

– Легко.

– Пойду, продышусь. А то тут надымил кто-то, не прохохнуть.

– Давай. И мне надо выйти.

Они поднялись, и каждый направился в свою сторону по своему делу.

– А этот Валерка, кто? – поинтересовался Константин у сидящего рядом Александра.

– Ты с ним летал и не знаешь? – удивился тот.

– Как то неудобно было спрашивать.

– Он сын губернатора.

– Этот?

– Ну, да.

– Один чёрт встретил второго, – криво усмехнулся Сергей.

– Ну, будет теперь дело, – заключил Антон.

* * *

Валерий позвонил ближе к пятнице и пригласил к себе в свой «маленький офис», как он выразился. Встречу назначил под часами возле аптеки, расположенной на первом этаже здания сталинской постройки в одном из переулков, примыкающих к Смольному.

«Вот оно, началось, – пронеслась в голове мысль, – Вытянул счастливый билет. Наверняка предложит мне хороший подряд на городском объекте».

В приподнятом настроении Николай точно в назначенное время прибыл на место. К нему подошёл очень немногословный человек спортивной наружности. Про таких обычно говорят «бычок». Задал пару вопросов удостоверяющих личность и велел следовать за ним. Через ближайшую арку они прошли во двор, пересекли его по диагонали, перешагивая через проломанные металлические оградки, отделяющие разграбленные детские площадки от разбитых, бугристых проездов, и зашли в ни чем не примечательный подъезд. Там провожатый отпер ключом железную дверь, ведущую в подвал, и кивком головы пропустил гостя вперед.

Внизу длинной бетонной лестницы Николая встретил второй качок, немногим симпатичнее первого. Смерив незнакомца оценивающим взглядом, он открыл вторую тяжелую, массивную, стальную дверь и пропустил в небольшое помещение, где за простым письменным столом дежурил возле третьей двери ещё один мордоворот, облаченный в черную кожаную куртку. Вежливым тоном, совершенно не сочетавшимся с его грубой внешностью, он предложил посетителю выложить на пустую столешницу содержимое всех карманов.

Унизительность личного обыска неприятно покорила самолюбие Николая, несколько сбив былую приподнятость духа. Но безвыходность положения предписывала подчиниться формальностям процедуры. По их завершению, когда мелкие вещи заняли свое прежнее место, самая массивная и тяжелая дверь отворилась и пропустила его в следующее помещение, где за роскошной стойкой сидела милая девушка больше напоминающая манекенщицу, чем секретаря.

– Здравствуйте, – одарила она его наглым взглядом, – Вам назначено?

– Вообще-то, меня ждут, я думаю, – натянуто улыбнулся гость.

– Как вас представить?

– Николай.

– Минуточку, – изящным пальчиком она нажала кнопку селектора, – Валерий Викторович, к вам пришёл Николай, – сообщила в телефонную трубку, – Хорошо, – положила её на место, – Он сейчас занят. Просил подождать. Хотите кофе? Чай? Лимонад?

Николай захотел было послать всех нафиг и гордо удалиться, но в это время за спиной глухо захлопнулась железная дверь, и тяжело лягнул замок.

– Кофе, пожалуйста, – выдавил он из себя.

– Мила, – звонко крикнула девушка в глубину помещения, как иной раз кричат кассирши в общественной столовой, – Сделай одно кофе, – Проходите. Садитесь, – указала посетителю на шикарный кожаный диван оранжевого цвета, стоявший у стены напротив, – Сейчас принесут.

После сказанного её внимание моментально переключилось на монитор шумно жужжащего компьютера, и она продолжила, прерванное неожиданным визитом занятие, заключавшееся, во всей видимости, в скармливании бегалющему, прожорливому головастику разбросанных на его пути крошек.

В ожидании кофе Николай присел на диван и осмотрелся. Помещение приемной оказалось довольно просторным и вычурно обставленным дорогой импортной мебелью, сделанной из массива. На стеллажах и широких полках, установленных вдоль стен, красовались различные безделушки, помпезные и совершенно бесполезные в интерьере делового офиса: от базальтовых ножей ацтеков до золоченого Будды из Таиланда. Это походило на некую выставку достижений владельца, сумевшего вывезти их из разных стран, несмотря на их большую территориальную отдаленность. Особенно притягивал внимание большой террариум, расположенный возле секретаря справа, где за толстым стеклом гранитным памятником замер довольно рослый кайман, внимательно наблюдающий своими неподвижными щелевидными глазами за посетителями, сидящими на диване.

– Хорошая зверюга, – нарушил молчание Николай, – Живой?

– Этот? – бросила на него взгляд девушка.

– Ну, да, – уточнил посетитель.

– Живой.

– Чем кормите?

– Мышами.

– Живыми?

– Ну, не копчеными. Конечно живыми.

– Как? Прямо так и даёте?

– Так и даем. Валерий Викторович его сам кормит.

– И что он делает с ними?

– Жрет, конечно.

– Интересно.

– Не знаю. Мне на это смотреть страшно.

Чуть слышно звякнул селектор. Девушка сняла трубку:

– Да... Да!?. А, ты, что сама?.. Ладно, – повесила, – Заберите свой кофе, – бросила Николаю.

– Где?

– На кухне. Мила не может. Она занята.

– Спасибо. Уже не хочется.

– Как хотите, – и секретарь снова погрузилась в игрушку.

Опять звякнуло.

– Да, – мягким тоном отозвалась девушка, – Сидит. Ждет. Предложила. Не хочет. Хорошо... Хорошо, Валерий Викторович. Сделаю, – повесила трубку и ласково посмотрела на гостя, – Что я вам ещё могу предложить? Валерий Викторович просит ещё подождать. Он очень занят. Может быть, хотите журнал?

– Если он так сильно занят, то, может быть, я зайду в другой раз? – предположил Николай.

– Как хотите. Что мне ему передать? – встала она с места, открывая взору прекрасную точеную фигурку.

– Хотя, пожалуй, я подожду ещё немного, – откинулся гость на спинку дивана.

– Вам принести кофе? – обворожительно улыбнулась секретарша.

– Да, пожалуй, кофе, – согласился он, – А как вас зовут?

– Рита, – кокетливо стрельнула глазками девушка и грациозно удалилась за обещанным угощением.

* * *

Валерий Викторович очень нервничал. У него не получалось пройти третий уровень «Тетриса». Вот уже три часа он бился над этой сложной проблемой, желая преодолеть её, но всякий раз быстро падающие фигурки заваливали поле. И тут еще Николай пришёл точно к назначенному часу. В самый что ни на есть ответственный момент, когда осталось совсем немного, можно сказать, последнее усилие и победа будет в кармане, откроется проход выше. Но нет, сорвалось. Снова завалили.

Он отбросил от себя клавиатуру противного компьютера и велел Рите пригласить гостя. Но тот явно не спешил явиться на вызов. Прошла минута томительного ожидания. Валерий Викторович перебрал на столе несколько бумажек, но их черные машинописные строчки не проникали в голову. Он снова нажал кнопку селектора и с удивлением услышал, что гость никуда не запропастился, а продолжает сидеть на диване в приемной, допивает кофе и мило беседует с секретаршей. Видимо, теперь наступила его очередь испытывать терпение приглашенного.

Валерий Викторович усмехнулся. Этот парень действительно начинал ему нравиться.

Он выждал ещё несколько минут и вышел к нему сам.

– Привет, Колян! – появился он в массивном, квадратном дверном проеме, – Молодец, что зашёл. Извини. Я был несколько занят. Дела.

– Ноу проблем, – махнул тот рукой, не вставая со своего места.

– Пойдем, покажу тебе мой офис, – великодушно пригласил хозяин, – Оставь эту дуру. С ней, ты, еще успеешь натрепаться.

На лице Риты не отразилось никаких возражений. Зазвонил телефон. Она сняла трубку и с невозмутимым видом стала принимать от кого-то факсимильное сообщение.

– Как-то ты с ней резковато, – тихо заметил Николай, следуя за Валерием.

– Что понравилась? – усмехнулся тот, оборачиваясь, – Она всем нравится. Потому и держу. Дура. Она и есть дура. Ты, если её хочешь, за сиськи её схвати.

– Зачем?

– Если по морде сразу не даст, значит потом точно даст. Ну, так, вот, ты, наверное, уже просек, что это бомбоубежище, – начал он свою экскурсию, входя в большое квадратное помещение, заполненное новомодными импортными, офисными столами с установленными на них белыми мониторами компьютеров, за которыми ровными рядами сидели молодые парни в белых рубашках и активно клацали клавиатурами, – Как-то отжал по случаю у вояк. Немного за бабки, немного, за так. Ну, ты, сам понимаешь. Ремонт, как видишь, забавал не хилый. Евроремонт и всё такое прочее. Все трубы заменил, кабели. Сам видишь. Бабла вложил немehrenно. Он у меня в собственности, – опередил ожидаемый вопрос гостя, – Тут у меня менеджеры сидят. Торгуют. Типа биржи. Ну, тут у нас есть всё, что надо. Интернет, телефоны, кондюки, ну, и всё такое прочее. Можно автономно полгода просидеть, если надо. Как в лодке. На случай атомной войны.

– Клёво, – оценил Николай.

– Тут у меня бухгалтерия, – открыл хозяин дверь во второе помещение, гораздо меньшее по размеру, но значительно более богато обставленное. В нём даже цветы в горшочках на столах стояли, – Туда мы не пойдем, – махнул рукой на железную дверь в отдалении, – Это запасной выход, – развернулся и повёл гостя обратно, – Тут кухня, – толкнул рукой остекленную деревянную дверь. В нос сразу ударило наваристым борщом и котлетами, – Ну, тут мы хаваем. А где Мила? – обратился к какому-то парню, выходящему с большой кружкой горячего чая, – Я тоже хочу кофе.

Тот молча кивнул на глухую, закрытую дверь, расположенную напротив. Оттуда отчетливо доносились приглушенные, сладострастные стоны.

– Понятно. Там у нас кладовая, – неприятно поморщился Валера, – Бандиты иногда отдыхают, – пояснил, выдержав некоторую паузу, – Чувствуют себя как дома. Куда сейчас без бандитов?

– То есть как? – поинтересовался Николай, – Даже тебе?

– А как долги выбивать? Через суд? – усмехнулся сын губернатора, – Много, ты, через суд выбьешь. Сейчас кидал столько, что, всё надо делать быстро. Пока, ты, будешь по судам бегать, с непонятным результатом, они ноги сделают. Или их сделают, что, скорее всего. Ладно, пойдем ко мне, – снова развернулся в обратном направлении, – Мой офис там, – указал пальцем, – Там и кофе попьем.

Внутреннее убранство кабинета хозяина сильно напоминало антикварную лавку. Каких только старинных вещей сюда не снесли и тут не установили вокруг широкого письменного стола ручной работы, украшенного богатой резьбой по дереву. По фронту его окружали два кожаных кресла с высокими спинками. На их подлокотниках покоились упитанные грифоны с умиrotворенными мордами. Слева и справа высились книжные шкафы упиханные книгами в дореволюционных переплетах, фарфоровыми статуэтками, часами, компасами, различными пепельницами и прочим, что обычно дарят малознакомым людям, желая проявить уважение. В углу под иконостасом, составленном из пяти старинных икон, красовался человеческий скелет с нахлабученной на череп старой буденовкой. Видимо, это модернизированное учебное пособие пользовалось здесь особой популярностью. На облаченную на него морскую тельняшку прикреплялись различные металлические значки уходящей эпохи и даже некоторые правительственные награды. Не обошлось тут и без большого телевизора с видеомagnитофоном, установленным справа от двери. Куча видеокассет громоздилась рядом на инкрустированном журнальном столике. В основном боевики и откровенная порнуха. За спиной владельца стену покрывал персидский ковер с навешенным на него разнообразным холодным оружием, представленным от рыцарского меча до кривого турецкого ятагана. Пол устилал наборный паркет из ценных пород дерева, явно утащенный из какого-то дворца, но хорошо подогнанный и покрытый толстым слоем свежего лака.

– Ну, как, тебе, моя нора? – самодовольно поинтересовался Валерий.

Николай выказал полный восторг, и стал живо интересоваться всеми безделушками, до каких только сумел дотянуться. Особенно его поразила острота сабель и кинжалов.

– Это тебе не новодел. Старинная работа, – откинулся на спинку своего рабочего кресла довольный произведенным впечатлением хозяин, – Но я тебе не для того позвал. Я тебе хотел предложить дело.

– Какое?

– Чумовое. Бобла срубишь столько, что через год у тебя будет офис не хуже.

– Да, ну! Что за дело? – оживился Николай.

– Старушек будешь окучивать.

– Как это?

– Очень просто. Мы открываем богодельню. Программа такая принята. На правительстве. Усёк? Принимаем старушек на полное содержание. А они нам за это отдают свою пенсию и квартиру.

– Как это?

– Просто. На содержание старушек мы получим из бюджета. А их пенсия и квартиры – наш чистый доход. Чем больше старушек, тем больше бобла. Сам понимаешь, долго они не протянут. А хаты у них, как правило, в центре. Теперь усёк?

– А они их отдадут?

– А куда они денутся? Ты, знаешь, сколько одиноких старушек в Питере ошивается? Не знаешь. А я знаю. И каждая будет мечтать приковылять к нам. У нас: кармешка, медицина и всё такое прочее. В общем, мне нужен надежный человек на это дело. Согласен?

– Как-то неожиданно... Надо подумать...

– А что думать? И так всё ясно. Много, ты, своими шабашниками зарабатываешь? А тут миллионы. Усёк? Ну, что согласен?

– Слушай, не могу же я вот так взять всё и бросить. У меня люди, – попытался выкрутиться Николай.

– Бери с собой. О чём речь? Тебе тоже нужна команда. Ты же не один будешь старушек окучивать. Ну, как тебе моё предложение?

– Я всё же подумаю, – как-то смутился Николай, – Подумать мне надо.

– Ладно. Давай думай. Только не долго. Мне человек нужен уже завтра. В постановление вписать. Усёк?

– В какое постановление?

– В правительственное, в какое же ещё. Я же тебе сказал, богодельню новую открываем. В общем, думай до завтра. В крайнем случае, до понедельника. Кофе будешь? Да, забыл сказать, естественно, крышу и всё такое прочее, я тебе обеспечиваю.

– Сам-то, что не берешься, если всё так клёво? – поинтересовался гость.

– У меня другие дела. Круче, – самодовольно ухмыльнулся хозяин кабинета.

– Какие? Не секрет?

– Разные. Много. Завтра вот буду заводом по переработке бытовых отходов заниматься.

А вчера «Ленэнерго» окучивал.

– Это как?

– Человека своего туда ставил, вот как. И знаешь, чем он будет там заниматься?

– Даже не догадываюсь.

– Долги мне продавать.

– Какие долги?

– За электричество, какие же ещё? Ты, знаешь, сколько у нас по городу крупных потребителей электричества? Тысячи. Один Ижорский завод чего стоит. А Кировский? Представляешь? Так вот, платить они совершенно не любят. И не захотят. Особенно, если их об этом правильно попросить. Такой заводик один годик не заплатит, а потом его долг от «Ленэнерго»

перейдет ко мне, с дисконтом в пятьдесят процентов. В этом дисконте заложена и их доля. Как видишь, всё просто, если со всеми во время договориться.

- Ничего себе, – представил Николай объем оборота.
- Но это ладно. Ты, давай думай. У тебя дело не хуже.

* * *

Николай на кофе не остался. Сослался на неотложные дела и покинул бункер Валерия. Предложение обирать бедных старушек как-то не очень сильно вдохновляло своей перспективностью, несмотря на заявленную финансовую привлекательность. Его будущность представлялась ему несколько иначе. Он помнил, что направило его на этот путь. До сего дня всё складывалось именно так: фирма развивалась, подряды шли, бригады работали на объектах. Вместе с ними накапливался опыт и знания. Складывалась репутация. И всё это бросать ради каких-то старых квартир пусть даже и в центре города? Нет. Не для того он усиленно штудировал техническую литературу по строительству, чтобы потом, по первому щелчку пальцами какого-то пройдохи, таскать ему каштаны из огня. Не для того собрал вокруг себя старых друзей, угворил их бросить свои дела и увлек освоением нового, неизведанного направления. Что он им теперь скажет? Как посмотрит в глаза? Это и есть, усмехнутся они, заявленная тобой созидательная деятельность? Хорошо созидание: заманивать нищих стариков в богодельню и обирать их до нитки. Это не созидание, это разрушение какое-то.

Он вышел во двор и от души пнул подвернувшуюся под ноги картонную коробку из под обуви. Острая боль тут же пронзила сознание. В ней оказался кирпич. Какая старая шутка. Как он мог на неё попасться!

Николай, громко ругаясь, захромал в сторону оставленного автомобиля. Полное разочарование результатами встречи окончательно добило утреннее хорошее настроение.

«Какие они, все-таки, дебилы эти «новые русские», – думал он, заворачивая за угол дома, – Ничего толком своим умом сделать не могут. Только тащат, что плохо лежит».

Вечером он отказался от участия в «заманчивом» предприятии, объяснив это невозможностью незамедлительно остановить свой бизнес. Не может же он подвести столько уважаемых людей, доверивших ему выполнение сложных работ. Обязательства должны исполняться. Вот если бы такое предложение поступило к нему раньше, то тогда другое дело. Но, сейчас, он вынужден извиниться и просить подождать, если, конечно, такое ожидание является возможным. Возможным оно не оказалось.

«Жаль», – заметил Валерий Викторович.

«Жаль», – согласился с ним Николай Михайлович.

Но уже вечером следующего дня они, словно ничего не случилось, шумно рассекали водную гладь Чесменского озера водными мотоциклами, сгоняя с прикормленных мест немногочисленных рыбаков.

Валерий выскочил на середину озера и заглушил двигатель. Неспешно достал из кармана сигарету. Закурил. Обозрел прищуренным глазом далекую, узкую полоску берега, сливающуюся с синим небом, и стал ждать Николая. Он знал, что тот не упускает его из вида и неотступно следует за ним на некотором расстоянии. И не ошибся. Не прошло и пяти минут, как тот, описав большую дугу, присоединился к нему со стороны солнца.

- Что стоим? – поинтересовался, причаливая на плавной волне с работающим мотором.
- Ничего. Отдыхаю, – выпустил Валера изо рта белое облако табачного дыма.
- А, – протянул Николай, – Погнали дальше? – положил руку на сцепление.
- Не спеши. Глуши. Успеем, – остановил его отдыхающий, – Дело есть.

Николай сразу насторожился, послушно выключил двигатель и снял солнцезащитные очки. Видимо, чтобы внимательнее выслушать собеседника.

– Какое?

Солнце, отражаясь от водной глади, резануло по глазам миллиардами колючих брызг. Николай невольно зажмурился и снова одел очки. Валерий не торопился с ответом. Он, молча, докуривал сигарету, явно что-то обдумывая.

Высоко в небе кружились крикливые чайки. Легкий ветерок гнал пологую волну, раскачивая тонкую плёночку зеленоватой воды, неведомо какой силой держащей на себе тяжелые мотоциклы. Она медленно вздымала их вверх и быстро опускала вниз, каждый раз грозя прорваться и опрокинуть в притаившуюся под ногами чёрную бездну.

Николая охватило ощущение тишины и оторванности от мира, напоминающего о своем существовании едва заметными маленькими домишками, утопающими в зелени разрывающего горизонт берега. Захотелось запустить двигатель и унести прочь отсюда, но Валерий напряженно молчал.

– Ты, веришь в Высшие силы? – наконец, произнес он, внимательно всматриваясь в реакцию собеседника.

– Верю, – как-то спокойно отреагировал тот.

– Сталкивался?

– Было.

– Расскажи.

Николай замялся. То, что случилось с ним тогда, в пещере, казалось ему слишком личным. Кто такой этот самоуверенный пацан, чтобы делиться с ним сокровенным? И потом момент как-то не располагал к этому. Не для того они сюда приехали.

– Может, рванем к берегу? Кто первый? – попытался он переключить тему.

– Вижу, что было, – оценил минутное замешательство Валерий, – У меня тоже было. Хочешь послушать?

– Здесь?

– Хорошее место. Никто не мешает.

– Ну, давай.

– В общем, в двух словах, меня с Того Света вытащили. Не врачи. Нет. Он, – указал пацан пальцем в небо, – Я тогда слегка откинулся. Неважно из-за чего. Врачи руками развели. Можно сказать, в морг отправили. Но, поторопились. Вернули меня. Он вернул. «Иди, – говорит, – Управляй Миром. Рано тебе ещё уходить». И бросил обратно. С тех пор мне всё пофиг. А у тебя, как?

– Ну, мне тоже явилось что-то, – смущенно молвил Николай, – «Построй, – говорит, – башню». Вот я и взялся.

– Отлично. Я так и думал. Ты, мне подходишь, – заключил Валерий с таким видом, словно окончательно всё для себя решил, – Ты, правильно сделал, что вчера отказался. Это была проверка.

– Вот как?

– Как видишь, тут всё гораздо круче. Через неделю я лечу в Туркмению. В одну пещеру. Там должен быть кристалл. Кристалл силы. Слышал о таком? – собеседник неопределенно пожал плечами, – Так вот, его надо найти. Это вот такой большой камень. Примерно такой, – раскинул руки на ширину плеч, – Предлагаю ехать со мной.

– Зачем?

– Найдём его вместе. Если его установить на нефритовый постамент, на высоком месте, над городом, то... получаешь абсолютную власть. Понял? Власть над всеми. Постамент я уже нашёл. Привез из Китая. Он у меня в офисе стоит. В кладовке. Осталось найти кристалл. Он должен быть овальным, как дыня или мяч для регби.

– Форма глаза?

– Точно. По форме глаза. Поставим его на постамент, произнесем заклинание. Оно у меня тоже уже есть. И город наш. Понял, в чём фишка?

– Магия?

– Реальная магия. Практическая. Слышал о такой?

– Слышал.

– Согласен?

– Заманчиво. Но я-то тебе зачем? У тебя уже, считай, всё есть.

– Ну, ты, во-первых, сможешь кристалл найти. Одному это сложно. Во-вторых, башню построишь. Тебе же это велели сделать?

– Небоскреб.

– Тем лучше. Лучше всего это сделать в Москве.

– Круто.

– Москва – это считай Россия. А Россия – считай что, весь мир. Хочешь стать Президентом всего мира?

– Хочу.

– Станешь. Ну, что? По рукам?

– По рукам.

– Вот теперь погнали. Проигравший платит, – Валерий запустил двигатель и ринулся к берегу.

Николай устремился следом.

Глава 3. Дорогой гость

Фёдор проснулся рано. Непривычно рано для тридцатилетнего мужика. Внезапно вынырнул из черной пустоты и сел на кровати, тупо пялясь в зеркальную створку платяного шкафа. Отражение явило не сильно привлекательный образ: всклокоченные русые волосы, нос вареной картошкой, маленькие как два пупка глазки, размазанный по мятым, круглым щекам рот. В голове неприятно шумело. Так обычно бывает после паленой водки. Хотя на этот раз, вечером, пили вино. Говорили, даже, что домашнее. Хотя кто знает, где они его взяли? Сначала, оно, вроде как, пошло хорошо. Даже приятно. Но потом во рту образовался какой-то горьковатый привкус, особенно после селедки, так что даже противно стало пить дальше. Однако, пришлось. Толик подливал, закуска на столе разнообразилась, привкус заедался, настроение образовалось хорошее, приподнятое, и в итоге выкушали довольно много: все привезенные с Украины три литра в два жала. Женщины в застолье почти не участвовали, только улыбались и капустки подкладывали. В общем, хорошо посидели. Отметили и возвращение Толика из отпуска, и день рождение его тещи, и начало грибного сезона, и еще что-то, что уже и не помнилось.

Он поднялся с кровати. Жена ещё спала. Её опухшее от сна лицо, вдавленное в подушку, походило на окорок молочного поросенка. Так и захотелось воткнуть в него вилку. Но под рукой вилки не оказалось. Да и окажись, не ткнул бы. Жена всё же.

В соседней комнате заскрипела продавленными пружинами мать. Застонала во сне. Видимо, приснилось что-то тяжелое.

Мужик впихнул ноги в стоптанные тапочки и прошлёпал на кухню. Выпил кружку холодной воды. Подошёл к окну. Выглянул наружу: во дворе светало. Тёмные обрывки ночи прятались под высоким дощатым забором, хранившим за собой хозяйские накопления. За их высокими кучами дремал в ожидании трудового дня оставленный в поле трактор. Тихо. Только птички насвистывают, не то слева в саду, не то в лесу, с тыльной стороны дома.

Большая навозная муха глухо забухала по стеклу почти возле самого носа. Растревоженная, устремилась навстречу восходящему солнцу. Федя с хрустом придавил её и обтер палец о выцветшую занавеску.

Не одеваясь, прямо в цветастых трусах и полосатой майке «Аля-ВДВ» он вышел на крыльцо. Обозрел смурым взором окрестности, сплюнул, потянулся и оправился на широкие листья лопуха, растущего возле фундамента. Стойкий лопух. Сколько ударов на себя принял, но не завял, рос, вопреки всему. Вот она сила природы.

Петух трижды пропел утреннюю зарю. Дворовый пес Жорик наполовину вылез из будки навстречу хозяину и, зевая, сладко потянулся. Но Федор не удостоил его вниманием. Прямо в шлепанцах двинулся в сад к баньке. Ополоснуться.

Проходя мимо длинных картофельных грядок, заметил чью-то сутулую спину в полосатом, махровом халате торчашую над высокой сочной ботвой. Некто старательно подкапывал картошку, выковыривая из земли клубни кривой, длинной палкой.

«Вот, гад», – тут же стрельнуло в голову.

Федор не любил таких, на чужое добро падких. Видимо, кто-то из заезжих рыбаков или туристов позарился с утра пораньше на скромный крестьянский урожай. Сами не сеют, не пашут, только по дворам шастают, клячат свежих овощей к своему столу. Теперь, видимо, под кабана косят.

«Ну, он у меня сейчас получит...», – скрипнул мужик зубами.

Рука, словно сама, потянулась к лопате, будто специально приставленной к поливочной бочке. В другой раз он бы просто окрикнул воришку, поглядел, кто там разбойничает, и только потом, быть может, разобрался по-своему. Но сейчас... настроение образовалось иное. Хмурое

выдалось, недоброе. Злорадная ухмылка перекосила его губы. Приятно вложился в руки черенок увесистой, совковой лопаты. Предвкушение внезапного удара наполнило грудь радостным ожиданием. Оно всё росло по мере осторожного приближения к цели. А та, казалось, не замечала грядущей опасности, увлеченно расковыривала чужие посадки. Вот три метра, два, один и удар. Внезапный, смачный, оглушительный. Будто с небес рухнул железный черпак на сутулую спину.

– Ага! – воскликнул мужик, глядя на распростертое тело, – Попался, гад!

Но гад не отреагировал. Он неподвижно лежал, будто мёртвый.

«Издох, сволочь, что ли?» – пробила сознание страшная мысль.

Перед глазами тут же предстала жуткая картина грядущего: участковый, протокол, тюрьма... Руки скованны наручниками, два мордатых полиция ведут к машине, грубо пихая его в спину. Мама плачет и качает с укоризной головой: «Эх, Федя, за картофелину человека убил».

Даже испарина выступила по всему телу. Одно дело, поучить паразита, а другое – не знать, что теперь с трупом делать...

– Эй!.. Ты, жив? – осторожно тронул мужик воришку.

Тот не шелохнулся.

– Ты, это, того... вставай, давай, – чуть сильнее пихнул тело Федя.

Но никакой реакции вновь не последовало. Обмяк полосатый халат, слегка прикрывая вывороченные из земли бугристые клубни.

Мужик опасливо огляделся по сторонам: не видел ли кто? Вроде, нигде никого не заметил. Да, и кому тут быть в такую рань возле чужого огорода, черт знает где, в стороне от большой дороги? Значит, обошлось без свидетелей. Кто скажет, как он его шмякнул? Никто. А раз так, то тело можно и спрятать. Например, утопить в пруду, или лучше всего зарыть в лесу, или, наконец, быстро погрузить в багажник, отвезти и бросить возле шоссе – мало ли что с человеком ночью бывает? Может, его сбила какая-нибудь машина и не остановилась.

– Ты, это того... не помирай, давай. Слышишь? – Федя откинул в сторону лопату, склонился над жертвой и перевернул её на спину.

В лицо сразу пахнуло спертым духом давно не стираного белья, каким обычно обладают городские бомжи в зимний период. Посмотрел в лицо. Оно показалось ему знакомым. Где-то он его уже видел... Но, не в деревне. Среди своих и знакомых таких, вроде, не замечалось. Несколько удивили длинные, худые черты, обрамленные окладистой черной бородой. Такую носят, судя по телепередачам, мусульмане. Тонкий нос и высокий, чистый лоб выдавали в нём человека, явно обремененного образованием, можно сказать, интеллигента. Особенно это подчеркивали пальцы рук. Их утонченное изящество не смогла скрыть даже земля. Прямо, как у пианиста. Значит, точно из дачников. Городской. Одет в домашнее. Но почему такой вонючий и грязный? Странное одеяние незнакомца удивляло всё больше. Банный, полосатый, махровый халат прикрывал собой клетчатую, больничного фасона, голубую пижаму. Замызганные с многочисленными прорезами штаны упирались в стоптанные сандалии обутые на босу ногу. Стриженную голову прикрывала выцветшая, вязаная шапочка «Петушок». Когда-то в стародавние времена их любили носить лыжники. Откуда такой пришёл? Почему он здесь? Что ему нужно на дальнем хуторе, расположенном в трех километрах от деревни? Турист? Но почему такой грязный? Вот, сволочь.

Фёдор тряхнул его за грудки:

– Эй, ты, жив?

Тощее тело оказалось на удивление легким. Халат больше весил.

– Кончай прикидываться, – пробормотал мужик и нагнулся к его тонкому носу, пытаясь уловить дыхание. Но не ощутил его. Тогда, осторожно приложил ухо к тощей груди и услышал легкое биение сердца. Сразу отлегло – живой.

Бережно, дабы не повредить картофельные стебли, Фёдор перенёс оглушенного под яблоню и уложил на травку.

Оказавшись в тени, или ещё по какой причине, воришка слабо дёрнулся и приоткрыл веки. Посмотрел на стоявшего над ним человека пронзительными большими, черными глазами и улыбнулся губастым ртом, больше из предосторожности, чем приветливо.

– Ну, здорово, что ли, – молвил в ответ Федя.

Тот пробормотал что-то на непонятном языке, сел и огляделся по сторонам. Затем перевел взгляд на мужика в цветастых трусах и полосатой майке. С минуту пристально смотрел на него, будто пытаясь увидеть сквозь мощное тело утреннее солнце, и опять что-то пролепетал длинно и витиевато, из чего понятным оказалось только одно слово «Аллах».

И тут Фёдора словно током прошило. Он даже отпрянул назад от этого незнакомца, как от большой, внезапно выскочившей из-под земли кобры. Тряхнул головой, нагнулся и вперился глазами в лицо вора.

Не может быть...

В памяти отчетливо всплыл образ распиаренного всеми телевизионными каналами террориста номер один Усамы Бен Ладена. Того самого главаря тайной организации «Алькайды», что обрушил на головы американцев две башни Всемирного торгового центра 11 сентября 2001 года.

Сидевший перед ним тип казался невероятно похожим на него. Просто одно лицо. Ну, как две капли воды. Несомненно... Но как?!. Неужели... Да, ну! Быть не может. Но, вот, же он!

– Ну, ты, это, прямо, как этот, Бен Ладен, – ткнул в него пальцем мужик.

Незнакомец понимающе кивнул головой:

– Бень Ладень, – приложил руку к середине своей груди.

– Ага. Ври. Да, ну, – отмахнулся рукой Фёдор, – Откуда? У нас? Тут! Ха-ха!..

– Бень Ладень – твёрдо произнёс незнакомец, опустил руку и залепетал что-то на непонятном языке.

– Ну, нифига себе... – только и вымолвил в ответ Федя, отступая на шаг, – Правда что ли? Бен Ладен?! Ты?! Быть не может...

Невероятность подобного поворота событий совершенно ошеломила мозг и без того отягощённый последствиями вчерашнего застолья. Мог ли он предположить, чтобы в самой глубине российского нечерноземья, на краю забытого богом хутора, расположенного вдалеке от затерянной среди полей деревушки под названием Хомутовка оказался сам Усама Бен Ладен, да еще при таких обстоятельствах. Это все равно, что зайти утром в свой туалет и встретить там Президента Российской Федерации. Хотя, что ещё можно ожидать от террориста? Особенно если он скрывается от разведок всех стран мира. Жрать-то ему что-то надо. Но почему он здесь? Что он тут делает?

Федор посмотрел на вывороченную из земли картошку.

– Ты, жрать хочешь, что ли?

Опознанный утвердительно кивнул головой, явно соглашаясь с таким предположением. Видимо, значение слова «жрать» он понимал.

– Ну, ни фиги себе! – снова вымолвил мужик и заходил вокруг знаменитости, неистово начесывая на голове волосы, – Черт меня побери! Бен Ладен! У меня. Здесь. Быть этого не может!..

– Бень Ладень, – кивал в ответ террорист номер один, продолжая сидеть на травке под яблонькой.

– Мама моя, женщина... А я его лопатой!.. Не врешь, а? Бен Ладен? Ты? Да?

– Бень Ладень, – подтвердил в который уже раз незнакомец.

– Ну, тогда... пойдём в дом, что ли, – неопределенно пригласил Фёдор, останавливаясь прямо перед ним и проявляя свое природное российское гостеприимство, известное широким радушием и, можно даже сказать, бесшабашностью.

Но гость явно его не понял. Он ещё более внимательно посмотрел на мужика своим пронзительным взглядом, опустил перед ним на колени и стал что-то бормотать. Фёдор даже смутился. Ему показалось, что заморская знаменитость о чём-то его просит, и, быть может, даже извиняется. Потому, как человек, не обремененный излишней самооценкой, попытался поднять его на ноги со словами: «Ну, да чего там», «не надо», и «брось». На что тот отреагировал как-то неадекватно: почему-то начал резко отмахиваться и кричать пронзительным голосом, пытаясь сохранить свою позу. Пришлось уступить и дать тому возможность до конца высказаться. И только после того, как из его уст несколько раз подряд прозвучали знакомые слова «Аллаху акбар», мужик, наконец, догадался, что тот, скорее всего, решил просто молиться, отчего несколько успокоился и отошёл в сторону, дабы не мешать ему.

Молился тот долго, усердно, словно в последний раз в жизни, ежеминутно отбивая лбом многочисленные поклоны и восклицая хвалу Всевышнему. Других слов мужик не разобрал. Прислонился спиной к стене уличного туалета и терпеливо ждал окончания ритуала, пытаясь разобраться с тем, что теперь делать. Все мысли в голове спуталось. Ни одна не казалась правильной. Хотя и вариантов много не образовалось. По существу, только один: напоить гостя чаем. Потому, как он знал, что они там, у себя на Востоке, любят пить чай. У них это принято. А раз так, то, значит, так и следует поступить. Не отпускать же такую знаменитую, можно даже сказать, легендарную личность без чая? Тем более, что тот жрать хочет. Значит, накормить надо. А как это сделать? Для этого его надо в дом привести. Жену разбудить. Маму. Познакомить их. Вот они удивятся!.. Ещё бы, такая личность... Только, вот, как бы это поделикатнее сделать? И так, он уже дважды оплошал. Один раз лопатой. Второй, только что, чуть не сорвав молитву. Влез, что называется, куда не положено, как медведь в погреб. Третьего тот может уже не простить. Хотя и за первые два ещё неизвестно, чем ответит, когда закончит. Кто его знает, что у него, там, на уме. И почему он так долго молится? Может, уже приготовил что? Разбомбил же он, как говорят, Америку за здорово живешь. А тут ферма какая-то. Не чета Нью Йорку. Тут он ещё и не такое может выкинуть. Личность то не простая, можно сказать, потусторонняя...

Боязно мужику, как-то, вдруг, стало. А что если, и правда, у того с собой нож? Сейчас закончит молиться, пырнет в живот, и поминай, как звали. Террорист все-таки.

«Может, ну, его к лешему, – подумал Фёдор, – Пойду себе, по добру по здорову, пока он не видит. Пускай идёт, откуда пришёл... Хотя, нет. Нельзя. Поздно. Может обидеться. Всё-таки, накормить обещал. Да, и что он плохого нам сделает? Мы же не Америка. Мы им не гадим. За что с нами воевать? – эта мысль его успокоила, – А у него проблемы. Вон как пообносился. Помочь человеку надо. Однако, холодно...».

Волнение первых минут встречи прошло. Утренняя свежесть начала пробирать голые плечи и ноги. Как ни как не собирался мужик надолго задерживаться в огороде. Направлялся в теплую баньку, помыться. А тут эдакое... И стоять возле него холодно, и молитву прерывать неудобно. Да, и что скажешь? Слов-то он явно не понимает. Пришлось приплясывать вокруг, мучаясь в противоречиях. Как говорить и любопытство распирает, и страх в животе булькает. Поэтому Фёдор счел для себя за благо больше не искушать судьбу резкими действиями. Мало ли что может из этого выйти.

Тем временем тот отдал сполна своему Господину и поднялся.

– Ну, пошли, что ли? – снова гостеприимно предложил Федор, поеживаясь и сдержанно улыбаясь.

Назвавшийся Бен Ладеном пробормотал в ответ что-то невнятное, потом резко развернулся и резво засеменил в дальний угол огорода, где у него, по всей видимости, имелся в заборе

лаз. И так это у него получилось лихо, что не успел мужик и глазом моргнуть, как тот уже оказался на другом конце картофельного поля. Ещё немного и уйдет. Поминай, как звали. Ищи потом, доказывай. Кто этому поверит? Засмеют.

– Эй, погоди! А чай? – воскликнул Фёдор и бросился следом.

Догонять по огороду в шлепанцах оказалось не очень удобно. Поэтому мужик настиг беглеца, только когда тот нырнул в широкую щель между штaketинами и наполовину оказался снаружи. Схватил беглеца за полу халата и потянул к себе.

– Извините, уважаемый, – произнес как можно миролюбивее, – Не могли бы вы чуточку задержаться, я бы хотел... – однако, он не успел закончить свое деликатное приглашение, как получил сильный удар ногой в живот. Даже дыхание сразу перебило.

Такой грубости Фёдор никак не ожидал. И, главное, за что? За радушие и гостеприимство? За то, что решил помочь, угостить гостя чаем, с родными познакомить?

Обидно стало за такое к себе отношение. И больно одновременно. Ладно бы просто отказался, но зачем ногою пинать! Всю тельняху подошвой перепачкал. Привык, наверное, у себя там, на Востоке, ноги вытирать о простого человека. Недаром, что бай! Думает, и здесь можно вести себя так же!

Вскипел Фёдор. Обидно за себя стало. Да и не только за себя. За всю, можно сказать, Русь Матушку, грязной сандалией попранную. Схватил иноземца за лодыжки, выволок обратно на своё поле, обхватил ручищами поперек тощего туловища и поволок к дому, совершенно забыв про нож и прочие накрученные в голове неприятности. В этот поворотный момент своей жизни, осторожная мысль, как-то, видимо, не успела посетить его голову. Возобладала природа души русской, да и привычка хорошего хозяина: тащить в дом всё, что ни попадётся. Хотя он сам преподносил это как большое желание показать друзьям живую легенду. Типа, не хотелось так просто отпускать всемирную знаменитость. Ведь не каждый день звёзды такой величины удостоивают своим посещением далёкий хутор. Пусть даже и такие.

Не задумался мужик о последствиях. Некогда было. Вот и получилось, то, что вышло. Как говорить, не корысти ради схватил беглеца, а по стечению обстоятельств.

* * *

Домашние уже не спали, когда Фёдор втащил гостя на кухню. Проснулись от грохота в сенях. Заморская знаменитость явно не хотела идти туда, куда её настойчиво приглашали, и потому активно брыкалась, лупя всеми четырьмя свободными конечностями по всем предметам, попадавшим на пути. В основном ими оказывались тазы с ведрами. Но недаром Фёдор обладал завидным здоровьем и крепостью организма. Держал мёртво. Как не досаждали ему острые локотки, яростно втыкаемые в ребра, не разжимал своих железных объятий.

Первой на шум выскочила из комнаты жена Света в одной ночной сорочке. Но не успела задать вполне обоснованный вопрос: «Чего, дурак, с утра расшумелся?», как нос к носу столкнулась со странным вырывающимся из рук мужа незнакомцем.

– Ой, – взвизгнула она и мгновенно нырнула обратно в спальню.

– Кто это? – изумилась Зинаида Степановна, деликатно выглядывая из своей комнаты.

– А то, ты, мама, не видишь? – грубо впихнул мужик странного человечка в дом и захлопнул за собой дверь, – Фу, гад, все ребра отколотил.

Но едва Фёдор выпустил его из рук, как тот, словно пружинистая кошка, ринуться в открытый проход спальни, где столкнувшись с массивной женщиной, спешно одевавшей халат, тут же скрылся под широкой хозяйской кроватью.

– Здравствуйте, – едва произнесла Светлана крайне удивленная таким поведением гостя, плотнее запахиваясь в верхнее одеяние, – Это ещё что такое!?

– Куда! – бросился мужик следом, встал на четвереньки, запустил длинную руку в глубину подкроватного пространства, схватил что-то, резко рванул на себя, но вытащил только треснувший по швам махровый, полосатый халат. Запустил руку во второй раз, снова схватил, но тут же огласил дом громким воплем, сопровождаемым витиеватыми, простонародными оборотами, после чего сунул под нос ошарашенной супруге прокушенный до крови палец.

– Укусил, гад! Он меня укусил!

Вид руки залитой кровью да ещё в такое раннее утро произвели на Светлану удручающее впечатление. Она чуть в обморок не упала.

– Йодом надо помазать, – подоспела на помощь Зинаида Степановна, облаченная в зеленую, вязанную, шерстяную кофту поверх белой, ночной сорочки.

– Какой йодом! – истерично закричал Фёдор, – Он его откусил. Сволочь! Пришивать надо! К врачу! Срочно!

Почтение перед именитым гостем, как рукой сняло. Даже следа не осталось. До того жаль мужику стало своего прокушенного пальца, что он чуть не заплакал. Больно и обидно. За добро так не платят!

– Давай, сыночка, я тебя перевяжу, – захопотала мама вокруг укушенного, – Света, что, ты, стоишь! Неси вату!

– Кого поймали? Кого? – вынырнул откуда-то из под ног взрослых пятилетний, голопопый мальчишка, явно только что покинувший свою кровать.

– Господи! Что это такое? Кого, ты, привел! Что ему надо? Где у нас бинт? – очнулась Светлана, хватаясь за все подряд, – Куда мы дели аптечку?

– В кухне, в кухне посмотри, – указала свекровь, – В тумбочке.

Но та как будто не слышала. Она стала носиться по комнате, выдвигая и быстро перекапывая все ящики подряд во всех мебельных емкостях попадавшихся ей на пути.

– Ну, что, ты, будешь делать! – всплеснула руками Зинаида Степановна, – Ничего толком сделать не могут. А туда же, хозяйка! За сыном лучше смотри. Сашка! Куда лезешь! Уйди отсюда. Не мешайся.

– Ёжика? Ёжика поймали? – бухнулся мальчёнка пузом на пол, – Где он? – но увидев под кроватью бородатого незнакомого мужчину, испугался и быстро отполз назад, спрятавшись за крепкие ноги своей матери.

Та, тем временем, наконец, пришла в себя, схватила ребёнка на руки, прижала к пышной груди и, переводя взгляд полный недоумения с грязного, банного халата, извлеченного мужем из-под кровати, на его окровавленный палец и обратно, выпалила:

– Кто это такой?!

– В огороде поймал. Картошку нашу подкапывал, – несколько сконфуженно пояснил Фёдор, принимая первую медицинскую помощь со стороны матери, – С вами хотел познакомиться. Жрать хочет. Накормить хотел. А он – та тебе! За палец!

– Дурак! Зачем, ты, его приволок!? Зачем, ты, его в дом приволок! Зачем тащишь в дом всякую пакость! Там покормить не мог? Грязи нам мало! Он нам весь пол загваздал. Гляди, всё кровью закапал! Он тебя укусил! Он же тебя укусил! Он, наверное, заразный! От него воняет! Это же бомж! Ты, что не видел, что это бомж? На нём заразы полно! Он нам ребёнка заразит. Сашка, быстро в свою кровать! Быстро в кровать, я сказала! – и с этими словами вынесла мальчонку из зоны боевых действий, повернувшись к мужику широкой спиной, явно показывая, что больше не намерена обсуждать с ним всю глупость его поведения.

На минуту возня вокруг кровати стихла. Мужик залечивал рану на кухне, где его прокушенный палец сначала обильно заливали перекисью водорода, а затем плотно заматывали широким бинтом. Причем бинтовать пришлось дважды. Рана сильно кровоточила, и первая повязка моментально промокла насквозь. Расшумевшаяся женщина удалилась с ребенком в другую комнату, сопровождая каждое свое действие громкими восклицаниями в адрес своего

недоразвитого мужа, что вызывало в том новую волну еле сдерживаемого негодования. Старшая женщина хлопотала вокруг раненого, а тот нервно приплясывал возле кухонной мойки. И пока каждая мать, как могла, пыталась успокоить своего сына, пришелец осторожно высунул голову из укрытия. Огляделся, примерился к ближайшему окну, и только захотел выскочить, как тяжелое полено гулко ударило в пол прямо перед его носом, отскочило и слегка царапнуло по лбу.

– Куда! – последовал окрик доведенного до точки кипения хозяина дома.

Гость снова спрятался под кровать, как улитка в раковину.

– У, сволочь!

Вернулась Светлана. Осмотрела посвежевшим взглядом ристалище и молвила:

– Ну, и что тут у нас такое?

– Сбежать хотел, гад, – пояснил Фёдор, демонстрируя жене основательно перебинтованный палец.

– Так, зачем, ты, сюда его приволок! – очень сдержанно поинтересовалась женщина, в полной мере начиная улавливать всю прелесть зловонного духа, исходящего из-под кровати от поношенных одеяний засевшего там гостя.

В закрытом пространстве тесного помещения дурной запах обозначился столь очевидно, что даже лишенный обоняния вынужденно признал бы обоснованность всех ранее озвученных ею претензий.

– Ты, что, не видела, кто это? – сдавленно произнёс мужик, снова начавший раздувать ноздри, как боевой конь.

– Видела. Очень хорошо видела! Рассмотрела, как следует. Можешь не сомневаться, – решительно заявила жена, – Вот, как, ты, этого не увидел, понять не могу!

– Видела!? Что, ты, видела!? Ни черта, ты, не видела! Это же – он! – выкрикнул муж, указывая укушенным пальцем в сторону кровати.

– Кто? – поинтересовалась Зинаида Степановна.

– Конь в пальто. Слепые, что ли? Поглядите внимательно! – широким жестом предложил мужик женщинам заглянуть под кровать, – Поглядите!

– Очень надо, глядеть на всякую пакость. Видели уже. Хватит. Гони его вон! – решительно топнула ногой супруга.

– Да, ты, погляди! Погляди! Что, ты, видела? Это же – он! – топнул ногой муж.

– Пломбированный вагон. Видела. Оборванец, вот кто! – рявкнула жена.

– Да, это же – он! Бен Ладен! – выкрикнул Фёдор с таким надрывом и убедительностью, что спутница его жизни невольно вздрогнула.

– Ага! Будь он неладен! – отступила она на шаг, – Как же! Собственной персоной. Поймал. Приволок. Прямо в дом. Совсем очумел, что ли? Глаза протри. Чего ему тут у нас делать? Ты бы ещё Ленина откопал в огороде.

– А, ты, погляди! Погляди! Это же – он! – напирал мужик, нагибаясь и почти вставая на четвереньки.

Мать послушно последовала его примеру и осторожно глянула в указанном сыном направлении. Водрузив очки на свой широкий, мясистый нос, обозрела увиденное, с трудом поднялась и молвила:

– Похож, вроде того. А?

– Ну, похож, – скептически согласилась Светлана, мельком бросив взгляд на забившегося к самой стене незнакомца, – Ну, и что? Мало ли оборванцев вокруг шастает? У всех рожи одинаковые. Ты, что, всех их сюда тащить будешь? Всех накормить хочешь? В шерифы записался, что ли?

– Почему?

– Зачем, ты, его приволок? На что он тебе сдался? Что нам тут теперь с ним делать? Огурцы с ним вместе солить?

– Дык, – почесал мужик небритую щеку, удивленный такой постановкой вопроса, – Зачем огурцы? Так...

Как мог он, вот так, схода, объяснить жене, зачем это сделал? Понятно же, чтобы ей показать и маме, а то, как же?.. Диво то, какое! Да, ещё прямо в огороде. Но только руками развёл, не находя слов выразить глубину содержательности мотивов своего поступка.

– Может его помыть, а? – сформулировал он, наконец, мысль, больше вкладывая в неё надежду, что, может быть, в чистом виде этот тип произведет на них более благоприятное впечатление.

– Вот и помой, если такой добрый, – зло отрезала супруга.

– Чего я?

– А чего я? Ты – приволок, ты, и разбирайся. Пойди прочь со своим Бенладеном. Сперва наташат в дом всякой нечисти, а потом не знают, что делать с ней. Убери его вон из под моей кровати. Грязи тут натоптали, – схватилась она на веник.

– Надо бы, сына, к доктору сходить, укол сделать, – заботливо предположила Зинаида Степановна, – Мало ли чего у него на зубах. Всякая, там, может, оказаться зараза.

– Действительно. Может, он бешеный, – поддержала супруга, – Вон, как на людей кидается. Убирай его прочь!

– А-а! – огласил хозяин дом новым витиеватым выражением, примерно обозначившим: «Стараешься для них стараешься, а в ответ никакой благодарности», – Вылезь оттуда, – грозно крикнул, встав на четвереньки, преисполненный решимости вытащить гостя из норы.

Тот бросил на мужика взгляд полный враждебного недоумения.

– Давай! – гаркнул Федор, протягивая руку.

Видимо, значение слова «давай» тот понимал. Во всяком случае, перестал отбрыкиваться ногой и внимательно посмотрел на мужика.

– Руку давай, – повторил тот, – Ты, жрать, хочешь или нет, твою мать!

Сочетание двух слов «жрать» и «давай» произвело на террориста волшебное действие. Он улыбнулся на этот раз гораздо более приветливо, и впервые за всё время их непродолжительного знакомства произнес с жутким иностранным акцентом:

– Жрать давай.

– Жрать, жрать, – передразнил его Федор, протягивая ему руку, – Давай.

Засевший под кроватью с минуту подумал, прикидывая в уме некие варианты, затем снова улыбнулся, кивнул головой и молвил:

– Жрать давай.

– Охренел, что ли? Сюда? Тебе? Хрен тебе! – выкатил в ответ Федор здоровенный кукиш, – Вылазь, я сказал. Живо. А то, хуже будет.

Но тот ответной эмоциональной тирады не понял. Опять приветливо закивал головой, махнул рукой, словно приглашая мужика присоединиться к нему под кроватью, и повторил:

– Жрать давай.

– Вот, блин, зараза, – выругался хозяин, приподнимаясь, – Светка, беги за Толиком. Я этого гада один оттуда не вытащу. Он меня снова укусит, – показал ей свой перебинтованный палец фиолетово-белый от крови и йода.

– Это в такую рань? – возмутилась она, – Нам, чёрт косматый, не дал, как людям, поспать. Теперь всю деревню перебудим? Что я ему скажу?

– То и скажешь. Скажи, чтобы приехал побыстрее, – снова опустил на четвереньки мужик, – А то, он ещё выскочит. Делов понаделает. Террорист всё-таки.

Последняя фраза произвела, наконец, на женщину должное впечатление. Она как-то сразу собралась в кучу, напряглась и заявила:

– Не оставлю я вас тут одних. По телефону позвать можно.

– Верно. Звони, – согласился Фёдор.

– Сам звони. Не хватало ещё мне с Толиком объясняться, – передернула она круглыми плечами.

Не спуская глаз с засевшего под кроватью гостя, мужик взял свой мобильный телефон с комода, набрал номер и долго слушал длинные гудки.

– Спят. Не отвечают, – сообщил, – Так не дозвониться. Ехать надо.

– И кто поедет? – бросила жена на него взгляд полный негодования и укора.

– Я этого сторожить буду. Вдруг высочит. Ты езжай, а? За Толиком, – хлопнул глазами муж, словно говоря, а кому ещё ехать-то, как не тебе, раз так оно вышло?

– Ты, вилами его ткни, дурень, он сам оттуда и выскочит, – дала мудрый совет Зинаида Степановна.

– Ага, выскочит! На кого выскочит? Что я с ним делать буду с таким пальцем? Хочешь, чтобы он нас всех тут перерезал? – вновь обозначил Фёдор образовавшуюся большую проблему.

– Вечно за вами, паразитами, грязь подтирать надо. Напакостят, понаташат в дом всякой дряни, а ты ходи, убирай за ними. Теперь ещё ехать, чёрт знает куда, с утра пораньше из-за него нужно, – разворчалась Светлана, накинула на себя летнюю куртку и кинула напоследок, выбегая из дома:

– Штаны хоть одень, нехристь.

* * *

Анатолий, одноклассник и друг Фёдора, жил недалеко, примерно в трёх километрах от фермы, в ближайшей деревне, растянувшейся вдоль киевской трассы. В Хомутовке. Его дом стоял крайним, сразу возле съезда на просёлочную дорогу. Если идти скорым шагом, минут за сорок дойти можно. Но Светлана на своем красном китайском скутере проделала этот путь за десять. Торопилась: беда в доме. Не пожалела ни себя, ни рессоры на выбоинах.

Остановилась возле самого дома, прислонила железную коняшку к забору, распахнула калитку, пролетела мимо собачей будки, так, что никого в ней даже не заметила. Впрочем, дворовый пёс Дозорка, имеющий неопределенную масть, главным образом по причине непреодолимой запыленности всяким мусором, хорошо её знал, и потому не стал тявкать. Вильнул пару раз хвостом и громко зевнул, не прерывая утренней дрёмы. На что гостя совершенно не отреагировала и начала нагло барабанить сначала в окно, а затем в дверь. Пришлось выйти и гавкнуть. Больше для порядка, чем из необходимости. А то хозяева ещё подумают, что он только спит и ничего не делает.

– Кто? – откликнулся сонный голос в сенях.

– Свои. Отпирай! – крикнула Светлана, – Беда у нас.

Звякнул надежный, кованный крючок. Дверь отворилась. На пороге появился сонный Толик – мужик маленький, лысоватый, но крепкий с круглыми плечами, покрытыми черным, курчавым волосом.

– Что ещё? – сонно поинтересовался он.

– Федька террориста поймал. В доме держит. Беги скорее. Ружье прихвати, если есть, – выпалила женщина скороговоркой.

– Да, ну? – удивился тот, с трудом фокусируя на ней зрение.

– Говорю, беги. Федька один, там, в доме остался. Что встал? Ружье есть?

– Есть.

– Тогда, что стоишь?

– Не понял...

– Ну, дурак. Отойди, – Светлана решительно отодвинула хозяина в сторону и прошла в дом, – Люська, – крикнула, открыв дверь кухни, – Люська, вставай!

– Что случилось? – откликнулась та из спальни.

– Федька террориста поймал. Помощь нужна. Снаряжай мужа ружьем и к нам. Быстро. А я пошла. Он у меня там один остался, – развернулась и хотела уже выйти, но хозяйка уже выскочила на кухню, остановила её и потребовала уточнений.

– Какого террориста? Откуда он у нас тут взялся? Кто сказал? – плотнее запахла легкий халатик салатного цвета, накинутый поверх розовой, ночной сорочки с большим вырезом и кокетливыми кружевами. Даме её угловатого телосложения с объемным, обвисшим после родов животом и изрядно пополневшими бедрами этот ночной наряд совершенно не шёл, что Светлана сразу же про себя отметила: «Вот мне – другое дело. Но этой, даже совестно на такое смотреть». Однако, времени на подобные рассуждения совершенно не оставалось.

– Сама увидишь. Этого, как его, Бен Ладена. Вот. Пошли скорее, – кратко пояснила она и стремительно ринулась к своему дому.

– Во, блин... – только и молвил Толик, почесывая под майкой волосатую грудь, провожая глазами её красный скутер.

Через минут пять снаряженное его деятельной супругой немногочисленное войско, вооруженное по такому случаю как положено, но чем попало, высыпало на улицу. Первым выскочил сам хозяин с охотничьей двустволкой наперевес. Следом появилась его жена Люся с мясным топором в руке. Далее выкатилась, как колобок, тёща Екатерина Петровна, но садиться в машину не стала, потому, как её определили надзирать за детьми и хозяйством. Вышла проводить и наставить. Пока усаживались, да выезжали на дорогу, прихватили деда Тимофея, соседа, встававшего по своему обыкновению рано, и к моменту их выступления уже мирно кутившему на скамеечке возле своего дома. На призыв присоединиться откликнулся охотно и тут же залез на заднее сиденье с короткими навозными вилами в руке.

Во двор фермы вкатили решительно, высадились быстро и ввалились в дом шумно, все вместе, кучей, ощетинившимся ершом. Но террорист оказался уже пойманным. Он мирно сидел за кухонным столом и жадно поедая густую овсяную кашу, загребая алюминиевой ложкой из глубокой, суповой тарелки, куда хлебосольная Зинаида Степановна вывалила её большой горкой.

Как выяснилось, едва мамка завела свой скутер, босоногий Сашок тут же юркнул под родительскую кровать, минуя отцовские ноги. Фёдор, и без того укушенный в палец, с криком: «Куда, твою мать!», схватил сына за лодыжку и потащил к себе. Но тоже самое тут же произвел и гость, уцепившись в руку мальчишки. В результате его растянули в разные стороны, отчего он взревел. Мужик сразу вскипел. И неизвестно, чем бы это всё закончилось, не поспеши им на помощь мудрая бабушка. Вывалив в глубокую тарелку вчерашнюю овсяную кашу, не совсем удачно приготовленную и потому загустевшую до состояния пластилина, она сдобрила её тремя столовыми ложками малинового варенья, сунула под кровать и, со словами «Кушать, кушать, кушать», стала медленно отступать в сторону кухни. Гость тут же отпустил мальчонку и последовал за тарелкой, как крыса за дудочкой. Осторожно вылез из своего укрытия, опасливо поглядывая на мужика, заслонявшего собой испуганного мальчишка, подобрал с пола грязный халат, надел его, сел за стол и стал с глубокой внутренней сосредоточенностью уписывать преподнесённое угощение. Зинаида Степановна выпила стопку «Корвалола», присела напротив и, молча, наблюдала за ним. Фёдор, зашвырнув сына в обратно его комнату, занял пост возле дверей с увесистой кованой кочергой в руке. Он вообще уже ничего не сообщал и потому несказанно обрадовался сначала жене, тут же определившей сидящего на полу ребёнка в кровать, а потом и друзьям, пришедшим семье на помощь.

* * *

– Этот, что ли? – окинул источник опасности придирчивым, недобрый взглядом Анатолий, держа ружье наготове.

– Ага, – с явным облегчением вздохнул Фёдор, пропуская бравое воинство внутрь тесного помещения.

– Ой, какой, – удивленно уставилась на него Люся, – Неужели, и правда, тот самый?

– А то, – кивнул головой хозяин дома, приставляя кочергу к печке, – Я-то сначала тоже...

Но потом... Сам сказал. Скажи, – обратился к гостью, – Ты – Бен Ладен?

– Бень Ладень, – согласно кивнул головой тот с ослепительной улыбкой на лице.

– Врёшь! – горячо воскликнула Светлана, стоя в дверях детской, – Какой, ты, Бен Ладен? Тот господин, а, ты, кто! Не пойми кто! Оборванец какой-то. Вот кто.

– Бень Ладень, – снова произнёс «не пойми кто» с прежней утвердительною, выскребая из тарелки остатки овсяной каши.

– Э, как... – протянула Люся, откладывая на холодильник мясной топор, – Хорош гусь.

– Ещё как хорош, – подхватила хозяйка, заслоняя проход в детскую, – Чуешь, как от него воняет.

– Давно не мылся, – определил Толик.

– Ясное дело, в бегах, – поддержал его друг детства.

– А похож, – оценил дед Тимофей, упираясь вилами в пол, – Как есть похож. Ну, прямо, как в телевизоре. И халат при нем. И борода. Вот чудно право...

– Представляете, картошку у меня на огороде подкапывал, – подхватил Фёдор, – Я его лопатой как дам по спине, а он погляди теперь кто.

– Ну, жрать-то ему что-то надо, – заметил его друг, совершенно не удивляясь происходящему.

– Понятное дело, – согласился хозяин дома.

– Сама с трудом верю, – вставила слово Зинаида Степановна, – Сижу, смотрю на него и не верю. Чтоб такое, да у нас в доме...

– Ну, слава Богу, все хорошо. Мы-то переволновались. Пока ехали страха натерпелись. Думали, вас всех тут уже того... не приведи Господи, – перекрестилась Люся, – А у вас хорошо. Дай-ка и я что-нибудь перекушу, – бойко подскочила к столу и села на табурет, – Я как поволнуюсь, так сразу есть хочу, смерть. Что у тебя тут?

– Я чайник поставила. Сейчас чай пить будем, – поднялась с места Зинаида Степановна, – Этот всю кашу съел. Новое мы ещё не готовили. Только встали. Проходите.

Тот, кто съел всю кашу и на кого все с большим любопытством смотрели, тем временем положил ложку на стол и стал в свою очередь обзирать прибывших. Ни страха, ни какого-либо смущения не отражалось на его лице. Оно казалось спокойным и дружелюбным, словно он встретил тех, кого давно ждал и даже более того, призвал к себе, дабы наставить на путь истинный.

– Ну, насмотрелись? Забирайте его отсюда, – скомандовала Светлана со своего поста, – Мне ребенка кормить надо.

Она явно ещё не верила в возможность появления такого известного человека в их доме.

– Зачем? Куда? – озадачился Фёдор.

– А куда хочешь. Убери его с моей кухни, – твердо завил хозяйка.

– Во, блин... – произнес Толик, накидывая ружье на плечо, явно осененный какой-то мыслью.

– Неужели и правда, самим Бен Ладеном будете? – снова поинтересовалась Люся, вполне устроившаяся за столом, прямо по центру, вонзая зубы в обнаруженный толстый кусок булки, – Что-то как-то не очень похож. Тихий уж очень. Да, и откуда ему тут у нас взяться? Что?

Не понимаешь по-нашему? А должен бы понимать, если пришёл к нам? Зачем пришёл то? Спрятаться больше негде?

– Да, где ж ему спрятаться? Его, поди, кругом ищут. А у нас кто его найдет? У нас его и искать не станут. Потому он и пришёл. Ничего особенного, – оживился, глядя на неё, дед Тимофей, проталкиваясь ближе к раздаче, и отставляя в сторону вилы, – И мне, пожалуй, чего налей. Я тоже ещё не завтракавши. Как позвали, так и побёг. Не успел. Дело-то какое. Смотрите...

– Сейчас все чай будем пить. Чайник уже закипает, – напомнила Зинаида Степановна, стоя возле газовой плитки, – Бутерброд пока себе маслом намажь.

От сердца у всех отлегло. Страх сменился радостью встречи. И в это момент гость резко вскочил с места и схватил с холодильника мясной топор.

– Аллаху акбар! – замахнулся на всех разом.

Люся даже поперхнулась от неожиданности куском булки. Дед Тимофей моментально втянул голову в плечи, отчего сразу стал как-то короче в два раза. Зинаида Степановна охнула, замерев с чайником в руке. Светлана отпрянула назад в детскую, заслоняя своим обширным телом ребёнка. Фёдор присел, словно, пытаясь достать отставленную к печи кочергу. И лишь один Анатолий невозмутимо молвил:

– Спокойно. Без паники, уважаемый, здесь вас никто обижать не собирается, – и протянул по направлению к террористу открытую ладонь левой руки, – Тихо, дорогой, тихо. Никто ничего плохого вам тут не сделает. Не нужно нервничать. Положи топор. Видишь, и я ружье на пол кладу, – медленно стянул двустволку с правого плеча к самым своим ногам, – Давай, опускай топор, опускай. Садись. Успокойся.

Похоже, гость немного понимал по-русски. Он снова приветливо улыбнулся, опустил топор и, приложив левую руку к груди, снова представился:

– Бень Ладень.

Впрочем, теперь уже мало кто в этом сомневался. Внезапная демонстрация решимости зарубить первого, кто попадёт под руку, отрекомендовала гостя лучше любого паспорта. Даже Светлана притихла.

Анатолий осторожно забрал из руки террориста топор и отставил его подальше к печке. Затем поднял ружье с пола и приставил возле себя к стенке.

– Присаживайтесь, уважаемый, – предложил гостю, – Здесь вам никто ничего плохого не сделает.

Тот сел и снова внимательно осмотрел присутствующих.

С минуту все напряженно молчали. Переваривали внутри себя внезапность событий и невероятность подобной встречи.

– Нечего нам тут с ним возиться. Полюбовались и хватит. Давайте уводите его отсюда, – осторожно молвила из-за двери Светлана, – Ишь, расселся, как барин. Не у себя дома. Гладит ещё.

– Ага, и меня за палец кусил, – продемонстрировал Фёдор окружающим перебинтованный фиолетовый палец.

– О, как! – заценил ранение одноклассник.

– А, то! – подтвердил укушенный.

– Ещё с топором на людей кидается! Кому говорю: уводите его отсюда. Мне ребенка кормить надо, – напомнила хозяйка дома.

– Да, погоди, ты, его гнать. Дайте с человеком поговорить. Не каждый день у нас такое событие случается, – вступилась Люся.

– Ага. Давай поговори. Только на каком языке говорить будешь? Нашего он не понимает, – заметил Фёдор, – Тут пытались его из-под кровати вытащить. Так он ни в какую. Ничего не понимает. Только кусается. Во, – сунул ей под нос свой палец.

- Он что, под кроватью у вас прятался? – удивилась она.
- Да нет. Так... Заскочил... Случайно. Я его в дом привел, так он сразу туда шасть, и всё. Еле вытащили, – пояснил мужик.
- Забавно. У тебя, вообще-то, есть, где его спрятать? – поинтересовался Толик.
- Не, – пожал плечами хозяин дома, – Разве что в баньке?
- Во... заодно его там и помыть можно, – предложил друг детства.
- Тогда, пошли.
- Пошли.
- Светка, дай нам какое-нибудь полотенце и чего там одеть. Мы его в баньку отведем. Помоем. А там видно будет, – обратился мужик к супруге.
- Веди. Принесу, – откликнулась та из детской, где, судя по сдержанному детскому смеху и возне, стала одевать сына, – Найду чего не жалко и дам, – бросила Люське, стоящей на пороге, – На всех бандитов одежи не напасёшься.
- Ага, – согласилась та.
- Эх, зря, ты, так, Светка, – махнул отчекрыженной краюхой хлеба дед Тимофей, – Людям помогать надо. Не равен час, сама по миру пойдешь. Вот тогда вспомнишь.
- Типун тебе на язык. Раскаркался, – махнула на него рукой хозяйка.
- Так от сумы, да тюрьмы не зарекайся, – напомнил старик, – Как там с чайком? – обратился к Зинаиде Степановне, – Не созрел?
- Подставляй стакан, – откликнулась та, – Уводи, сынок, гостя. Людей кормить надо.

* * *

Вдвоём с Толиком стало совсем не страшно. И не потому, что тот прихватил с собой ружье, заряженное мелкой дробью. Другой не держал; не бил дичь крупнее утки. А потому, что вместе из любой сложной ситуации всегда легче найти выход. Особенно, если рядом находился он – Толик. В такой момент всегда становилось спокойнее, ибо, как Фёдору казалось, его друг обладал всеми теми качествами, которых, по жизни ему самому не доставало, такими, как: решительность, расчетливость, смекалка. Он из всего всегда умел вытащить определенную для себя выгоду. Практически никогда не унывал и слыл оптимистом. Даже в трудное время экономического кризиса сумел выкрутиться и устоять. Не бросил дело, хотя и понёс большие убытки, как говорили, на разнице цен. Рассказывали, что ему даже пришлось отдать за долги два магазина, причем оба в райцентре. Но два других, известных односельчанам, один расположенный в их деревне и второй – в соседней, всё-таки сохранил за собой. Помогли ему в этом личные качества или деньги его таинственного партнёра, осталось загадкой. Сам Толик предпочитал в разговоре обходить эту тему, даже во хмелю, отделяваясь отговорками и многозначительным пожиманием плечами. Он вообще никогда не любил упоминать о своём партнёре, словно его нет. Зато сведущие во всем люди рассказывали, что некоторое время назад, не то в прошлом, не то в позапрошлом году, особо зоркие пару раз заметили его в лучшем райцентровском ресторане в обществе известного местного предпринимателя Монсура, негласного хозяина вещевого рынка, за обсуждением каких-то документов. Но относились они к работе оставшихся магазинов или к покупке соседнего земельного участка, приобретенного предположительно в это же время, точно сказать не могли. Однако, породили некоторую настороженность, и без того имевшую место, в результате чего односельчане стали относиться к Анатолию еще более сдержанно: мало того, что выскочил из нормальных мужиков в «новые хозяева» жизни, так ещё и с мутными деньгами связался. Такого общество легко не прощает.

Однако, никакие тёмные слухи не смогли поколебать давнюю дружбу, начавшуюся с раннего детства. Она сложилась ещё тогда в детских играх на диких деревенских пустошах и развалинах МТС, накрепко связав крепкого, простоватого Федьку с щуплым, смышлёным Толиком

по прозвищу Банан. Очень уж тот любил эти заморские фрукты, столь редко завозимые в сельмаг. Как говорится, Родину бы за них продал, если бы предложили. Но никто не предлагал, а похищающая волю привязанность прилипла к нему на всю жизнь, выдавая его слабое место всякому незнакомому человеку. Впрочем, он и не стеснялся этой своей слабости, не находя в ней ничего зазорного, как и в самой кличке. Ведь у каждого есть свои недостатки. Кто-то курит и не может жить без табака, кто-то водку пьет, кто-то рыбалит, а кто-то от тяжелого рока тащится. Что в этом такого? Не это удручало Анатолия и заставляло себя стыдиться, а стремление иного рода, приходящее к нему неведомо откуда и питавшееся из источника высокого, для простого человека недоступного, словно не для него предназначенного. Оно частенько наполняло его той неизбежной тоской по чему-то красивому, возвышенному, внеземному, какая иной раз охватывает душу при соприкосновении с изящным предметом, выставленным в музее, с изображением на картине или с улаждающим звуком музыки. Эта тоска, тщательно оберегаемая им от всех, и, особенно, от близких, постоянно влекла его к уединению со своими фантазиями. Уединившись в тихом, скрытом от глаз месте, он мог часами наслаждаться полетами мысли, переживать перипетии своих виртуальных походов, переиначивать сюжеты понравившихся кинофильмов, где замещал собою главного героя и непременно спасал наших, побеждал злодеев и преодолевал все трудности. Затем, уже в старших классах, познакомившись с произведениями классиков отечественной литературы, он стал пробовать себя на поэтическом поприще и даже попытался изобразить в стихотворной форме нечто наподобие пьесы. Это начинание увлекло его. Он даже стал просиживать за ним ночи, поскольку дни целиком и полностью поглощали мирские заботы, связанные, главным образом, с необходимостью посещения школы и выполнения домашних обязанностей по хозяйству. Однако, большого успеха на ниве сочинительства не достиг, ибо вскоре его окрепший организм испытал на себе силу гормонального взрыва, увлекшего предрасположенное к романтизму сознание на поиски увлечений иного рода, более земного происхождения. Такое, в тесном сообществе сельского поселения, вскоре нашлось. Однако установить тесную связь удалось только после возвращения из армии, куда его определила Родина, едва только за спиной захлопнулись двери общеобразовательной школы.

Служить положенный срок, Анатолию выпало отдельно от Фёдора и в иных частях. Но всё обошлось благополучно и оба одновременно вернулись в родную деревню. Практически сразу женились. Отгуляли две свадьбы, принялись за дело. Толик занялся торговлей. Федор продолжил дело отца. Тот, не дождавшись возвращения сына из Армии, взял у бывшего колхоза в аренду большой земельный участок для выращивания овощей, оформил кредит в банке на своё фермерское хозяйство, вложил все деньги в строительство нового дома на хуторе за деревней и неожиданно скончался, отравившись палёной водкой. Пришлось сыну заменить батюку за трактором, отрабатывать старый долг, принимать на себя новый.

В общем, закрутилась у мужиков жизнь. Дети пошли. У Фёдора сыновья Аркашка и Сашка, а у Анатолия дочери Машка, да Дашка. Поехало, закувыркалось. Сложилось, как у людей: нормально, не примечательно, тихо. Так, что никто даже не вспоминал уже о юношеском увлечении Толика, пока ему в руки случайно не попала его школьная тетрадь, куда он заносил свои дерзкие вирши.

Едва глаза пробежали по первым срокам, как душа моментально откликнулась долгим приступом той самой тоски, томительной, изнуряющей, делающей окружающую действительность серой, пустой, никчемной, лишенной глубокого содержания и смысла. В такие минуты рука невольно тянется к водке. Хочется быстрого забвения, отстранения, опустошения, бесшабашного веселия, пусть не душевного, напускного, искусственного, но успокаивающего, замещающего эту тоску какой-то сиюминутной определенностью существования если не ради чего-то, то вопреки всему. Не будь Толик человеком достаточно твёрдым всё, наверное, так бы и случилось. Он ушёл бы в запой, в какой обычно уходит всякий, сильно зависимый от жиз-

ненных обстоятельств, когда его накрывает подобная тоска, ибо иного исхода такой человек не ведает по своему недомыслию и слабости. Материальная составляющая этого мира не знает иных способов преодоления позывов иного сознания, как только отравление его парами алкоголя или иного наркотика. Но человек более определенный, ощущающий свою причастность к этому миру, обращается к такому призыву и следует за ним, ибо это и есть голос Бога, звучащий в душе каждого настойчивым призывом следовать за Ним и стать подобным Ему. Кто слышит и ведает, тот наполняет себя новым дыханием и светом, привносит в жизнь содержание и смысл, достойные уважения и любви, дарующие благодать и бессмертие. Необходимо знать это, верить в это, иметь смелость следовать этому. Кто понимает это, тот обращается к своему предназначению и с неизбежностью обретает покой в самом себе, достигает гармонии с Миром и в результате получает полное единение с Единой Сущностью, породившей Вселенную.

Будучи человеком более тонкой организации, Анатолий что-то такое ощущал и потому не стал подавлять в себе вновь вспыхнувшего желания вернуться к творчеству. Правда, такая возможность теперь выпадала редко. Слишком сильно обложила его насущная необходимость, связанная с удовлетворением естественных потребностей развивающегося бизнеса и растущей семьи. За последующие пять лет своего нового тайного сочинительства он не продвинулся дальше конца первого действия. Это если не считать многочисленных набросков к отдельным сценам других актов. Иногда он зачитывал их своему другу под большим секретом и в особой обстановке, например, где-нибудь в бане после третьей рюмки водки, запершись изнутри и включив музыку, дабы никто не подслушал. И Фёдор, не относивший себя к большим ценителям поэзии, находил сцены превосходными, что чрезвычайно Анатолию нравилось, хотя он и стеснялся это явно выказывать.

На вопрос своего друга, зачем это скрывать, чего он боится и что будет такого, если кто-нибудь узнает о его увлечении, Толик неопределенно пожимал плечами и говорил: «Не знаю. Мужики подкалывать начнут. Неудобно». И Фёдор с ним соглашался. Действительно, не в городе живем. Делом заниматься надо. В отличие от своего друга он никаких тайных пристрастий не имел. Просто жил, как большинство населения России, день за днем, пытаюсь в меру сил и возможностей сделать грядущий день несколько лучше дня уходящего, прикопить к нему больше денег, больше еды, больше полезных вещей, так чтобы завтра жить стало чуточку лучше, удобнее, сытнее. И пусть это не всегда получалось и часто выходило наоборот, особенно с возвратом банковских кредитов, но он всё равно старался следовать этим путем, потому как им шло подавляющее большинство людей, и другого он не знал, да и не очень хотел знать. Такая жизнь его вполне устраивала: жена, дом, дети, и даже работа, худо-бедно, но дававшая копейку для содержания и семьи, и хозяйства. Все так жили. Чем же он лучше? Да и как можно иначе? Конечно, встречаются такие люди, которые устраивают свою жизнь необычайно, так, как показывают в голливудских фильмах: ходят на яхтах, живут в роскошных отелях, одеваются в шикарные костюмы, швыряют деньгами. Но это исключения. Такое, наверное, возможно там у них на Западе или в Москве на Рублевке. Для такой жизни нужно иметь много денег. Но где их достать, если не грабить? А здесь, в глуши, в забытой Богом деревне, где и сто рублей солидные деньги, такие сюжеты больше напоминают волшебные сказки. Посмотришь их, помечтаешь, и обратно за трактор, поле пахать, брюкву сажать, навоз за скотиной грести, и лишь поздним вечером пред сном, сидя на крыльце, взирать в глубину звездного неба и переживать непередаваемую тоску по чему-то далекому, безвозвратно ушедшему, но бесконечно родному.

* * *

И вот пришёл Толик. С женой и ружьем. Сразу, как только позвали. Он найдет теперь выход, придумает, как быть.

– Уважаемый, не могли бы, вы, пройти с нами, – обратился он к гостю, – Помоетесь, приведете себя в порядок с дальней дороги.

Тот недоуменно хлопнул глазами, явно не понимая обращенной к нему речи.

– Я говорю, пойдёмте, – деликатно тронул его за рукав Анатолий, – В баньку. Помоетесь. Переоденетесь. В этом ходить у нас тут неудобно. Не принято.

– Ай, шайтан, – одернул гость руку, демонстрируя нежелание покидать своё место.

– Уважаемый, пожалуйста, следуйте за нами, – снова пригласил его настойчивый мужичёк, беря в руки ружье и вешая его себе на плечо, – Женщинам кухня нужна, понимаете? Они еду будут готовить. А вы тут, извините, мешаете. Вам помыться нужно. Давайте, вставайте. Идёмте, уважаемый. Пожалуйста.

Видимо, значение слова «пожалуйста» он тоже понимал, улыбнулся и молвил:

– Спа-сы-ба.

– Вот и хорошо, – обрадовался приглашающий такому установлению контакта, – Давай, скажи всем до свиданья и пойдём в баню.

– Да-сви-да-ня, – повторил гость, одаря присутствующих ослепительной улыбкой, но, не двигаясь с места.

– Гляди, понимает, – воскликнула Люся.

– Вот и хорошо, – снова тронул Толик гостя за плечо, – Скажи «спасибо» и «до свиданья». Идём. Пожалуйста. Давай.

Тот снова нервно дернулся, нахмурил брови, показывая, что ему не нравится, когда его трогают, и произнес:

– Давай.

– Что давай? – не понял Анатолий.

– Да-вай. Да-сви-да-ня, – отмахнулся от него рукой иностранец.

– Во, даёт. Сам тебя выпроваживает, – оценил Тимофей, – Ты, по-нашему ему скажи. По-нашему все понимают.

– По-нашему неудобно. Женщины в доме. Дети, – заметил Фёдор.

– Иначе никак, – заметил старик, – Иначе не поймет. Иначе, ты, его тут ещё час уламывать будешь. Давайте-ка, девоньки, в другую комнату. Уши закройте. Мы тут говорить будем. По-нашему.

– Ой, а то мы никогда не слышали, как вы говорите, – откликнулась Люся, – Ладно. Пошли баба Зина. Светке поможем. Закопалась она что-то.

Женщины выскользнули в соседнюю комнату, прикрыв за собой дверь.

– Ну, давай, – скомандовал Тимофей.

Анатолий насупился.

– Ну, чего молчишь? – дернул его старик.

– Не могу как-то. Человек-то какой, а я его... того... Не за что как-то. Просто так не хорошо, – смутился переговорщик и снова обратился к гостю, – Вышли бы вы, уважаемый, из кухни. Умылись бы с дороги. Банька для вас приготовлена. Кухня нужна, понимаете? – и даже придвинулся к нему для большей убедительности, желая склонить к правильному поведению.

Но тут иноземец выдал такой оборот русской народной речи, поясняющий, куда следует идти надоедливому собеседнику, что Анатолий невольно вспыхнул и выразил в ответ свою ранее высказанную мысль в таком обрамлении, в каком не ожидали её услышать даже ко всему привычные односельчане. При чём, гораздо экспрессивнее, чем он сам на это рассчитывал. Какое из произнесенных им слов оказало на гостя волшебное воздействие остается только догадываться. Но тот тут же вскочил с места и ринулся к выходу. Мужики еле успели схватить его с двух сторон, не столько для удержания, сколько из предосторожности, чтобы гость ненароком не расшибся о какой-нибудь острый угол в сумраке незнакомого перехода из сеней на улицу.

На этот раз тот почти не сопротивлялся. Всего пару раз оттолкнул от себя каждого из них, проявляя гордость и самостоятельность, да опрокинул по дороге ведро, лягнув ногой Тимофея, видимо, для того, чтобы тот даже не думал хватать своими ручонками такого важного человека сзади за халат.

– Мыться, мыться идём, – почему-то кричал Фёдор ему прямо в заросшее волосами ухо, сопровождая под левую руку.

– Да, не бойтесь, вы, уважаемый, ничего мы вам плохого не сделаем, – пытался справа успокоить Толик, поправляя сползающее с плеча ружье.

Если бы не дворовый пес Жорик, то они, возможно, добрались бы баньки вполне благополучно. Но тот дело своё знал крепко, не зря поедал свой корм и держал в страхе дворовую живность. В тот момент, когда шумная процессия поравнялась с его будкой, препровождаемый в очередной раз взбрыкнул, пытаясь отстраниться от недопустимо близкого контакта с грубыми мужиками. И в этот момент, видимо, ненароком задел ранее прокушенный палец хозяина. Тот вскрикнул, пронзенный острой болью потревоженной свежей раны, и этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы верный друг поспешил на помощь. Тем более, что пришелец явно не проявлял дружелюбия, неприятно пахнул и только что сожрал его кашу, о чем все во дворе уже знали по разговорам и запахам, разносившимся через открытую форточку кухонного окна. Достойный член стаи неожиданно включился в организованную вокруг чужака толкучку и моментально поставил того на место, сделав это по своему, как знал и умел, а именно схватил зубами за ближайшую к нему часть тела, оказавшуюся той мягкой частью, что располагается чуть ниже спины.

От внезапно охватившей его боли укушенный взвыл на весь двор, и так стремительно ринулся вперед, что моментально перемахнул через полтораметровый забор, отделявший жилой, дворовый участок от складского, хозяйственного.

* * *

Если бы люди имели одинаковое представление о жизни, то, наверное, мир превратился бы в серую тянучку, где однообразные дни чередой смеют друг друга, не принося ничего нового и интересного. Но, к счастью, это не так. Природа создала людей настолько разными, что каждая встреча влечет непредсказуемый поворот не всегда радостный и подчас мистический. Спрогнозировать его невозможно. Но даже если попробовать, то это получается лишь с небольшой степенью вероятности, и то, если имеешь достаточное представление о том, с кем именно придётся столкнуться.

Укушенный не знал, кого удостоил своим посещением. Он всего только прыгнул, представив судьбе нести тело в неведомое. И оно его приняло. В самую свою середину. Можно сказать, в самую глубину неустойчиво возведенной кучи бесполезного бытового мусора. С обратной стороны забора этого добра громоздилось много. Слишком много для простого деревенского двора и даже для отдельно расположенного в лесу фермерского хозяйства.

Проблема с утилизацией отходов является, пожалуй, одной из острых в такой большой и стремительно развивающейся стране, как Россия. Самой разной продукции в неё завозится много, а собственные производства развиваются слабо. Поэтому различного мусора образуется больше, чем его можно нормально утилизировать. Фёдор уважал природу и не хотел вредить примыкающему к ферме лесу. Он ценил землю и считал, что закапывать в неё всякий сор является неправильным. Но доступного мусорного полигона в его районе новые власти так и не организовали. Вывозить самостоятельно туда, где это примут без особых проблем, оказалось далеко и дорого. Поэтому он огородил специальное место, куда это всё можно сваливать и хранить, до той поры, пока мудрые люди не организуют для этих целей что-либо приемлемое.

Кроме того, Фёдор вообще по жизни старался никогда ничего не выбрасывать и верил, что всё, однажды приобретенное и мало-мальски ещё годное, обязательно когда-нибудь снова пригодится. Особенно пустые бутылки. Он отлично помнил, какой ценностью они обладали в дни его молодости, когда выручка от пяти сданных пустых бутылок ровнялась стоимости одной с вином. Но потом грянула так называемая «Перестройка», по сути своей являвшаяся реставраций буржуазного строя с его рыночными отношениями. Цены на стеклотару резко упали, вместе с закрытием социалистических нерентабельных производств, а на вино наоборот выросли, поскольку оно стало в основном импортным. Былой промысел превратился в бесполезную трату времени и сил. Но это не отменило действия основного закона рынка: колебания спроса и предложения. Следуя ему, то, что сегодня ничего не стоит, завтра обязательно подскочит в цене. Значит, нужно собирать и хранить, ибо, как только наладочные процессы в экономике будут завершены, всем сразу потребуется пустая тара, макулатура, тряпье, и особенно металлолом. И вот тут-то он и сделает неплохой бизнес. Как не крути, а бутылка – вещь твердая, старения не боится и всегда будет нужна производителям различных напитков. Терпение вознаграждается. И чем дольше он выждет сегодня, тем больше сумеет выручить завтра. Главное, не спешить. Поэтому всё, что другому человеку казалось пустым хламом, Фёдор аккуратно складывал, для чего и образовал отдельный складской двор, отгородив его от жилого глухим забором, благо территория позволяла это сделать без особого ущерба для развития хозяйства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.